

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

№ 4.

Апрѣль 1916 года.

СОДЕРЖАНІЕ:

Слово въ Ростовскомъ Соборѣ. Высокосвященнѣйшаго Антонія	I—VI
Религіозное возрожденіе міра. Свящ. М. Слуцкаго	397—419
Богословскій юрндизмъ. Проф.-Прот. І. Галахова	420—446
Тайна искупленія. Свящ. І. Димитріевскаго	447—460
Божественное самоуничженіе. Прот. Н. Липскаго	461—477
О церковно-обрядовомъ воспитаніи въ школахъ. Свящ. Ал. Солофменко	478—493
Скептицизмъ и путь къ побѣдѣ надъ нимъ. Свящ. В. Соколова	494—523
Тайна вліянія одной личности на другую. В. Тихомирова	524—532
Библиографія	533—538
Протоколы сѣзда законоучителей Харьковск. епархіи въ декабрь 1915 года (Прилож.).	1—44



ХАРЬКОВЪ.

Епархіальная Типографія, Каплуновская улица, д. № 4.

1916.

ЖУРНАЛЪ

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ЖУРНАЛОВЪ:

- 1) Журнала богословско-философскаго и 2) Журнала „Пастырь и Паства“.

Сохраняя апологетическое направлѣніе, первый журналъ попрежнему дастъ статьи научно-церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ будутъ помѣщаться изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Въ журналъ же „Пастырь и паства“ войдутъ статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера.

Журналъ „ВѢра и Разумъ“ будетъ выходить одинъ разъ въ мѣсяць, а „Пастырь и Паства“—еженедѣльно.

Оба журнала, по возможности не уменьшая количества печатныхъ листовъ, попрежнему дадутъ восемнадцать и болѣе печатныхъ листовъ въ мѣсяць т. е. годовое изданіе ихъ останется прежнее.

Цѣна за годовое изданіе обоихъ журналовъ внутри Россіи 10 р., за границу 12 р. съ пересылкою; отдѣльно же—„ВѢра и Разумъ“ семь рублей въ годъ, а „Пастырь и Паства“—три рубля.

Равсрочка въ уплату не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **Харьковѣ:** въ редакціи журнала «ВѢра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, въ Харьковскихъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ **Петроградѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала „ВѢра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія 1914 г. и 1915 г. за **8 руб.** съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобретаемы по особому соглашенію съ Редакціей.



СЛОВО

Высокопреосвященнѣйшаго Антонія,

Архіепископа Харьковскаго

въ Ростовскомъ Соборѣ 6 Марта.

Въ прошедшее воскресеніе сія св. церковь совершала у себя торжество православія въ необычномъ для сего града предстояніи епископа; торжество это установлено въ 9-мъ вѣкѣ въ память побѣды истины надъ иконоборческою ересью. Въ настоящее воскресеніе творится повсемѣстно память Св. Григорія Фессалонискаго, побѣдившаго своимъ богомудрымъ словомъ и писаніями ересь Варлаамитовъ, т. е. латинянь, впервые тогда обрушившихся противъ Церкви со своею проповѣдью законническаго отношенія къ Богу и къ богопознанію. Эта служба св. Григорію называется у насъ вторымъ или меньшимъ торжествомъ православія. Но сегодня въ вашемъ городѣ, братіе, она творится еще торжественнѣе, чѣмъ та, которая совершилась въ прошедшую недѣлю. Торжественность эта заключается не только въ томъ, что среди васъ уже не одинъ, а пять, нарочно собравшихся, епископовъ, но еще болѣе въ томъ, что сейчасъ присоединилось къ Христовой Церкви отъ латинскаго заблужденія двѣсти юношей, собранныхъ Высочайшею волею въ новое учебное заведеніе (освящаемое сегодня молитвою и ознаменовываемое торжественнымъ открытіемъ), учрежденное для нашихъ дорогихъ братьевъ, для молодыхъ чадъ русскаго народа, вотъ уже 500 лѣтъ томимаго въ иноподданной неволѣ, сперва польскою, а потомъ австрійскою, а нынѣ освобожденнаго силою русскаго оружія и нашего внутри земли русской временнаго гостепріимнаго пріюта, пока онъ не возвратится хозяиномъ въ родные предѣлы свои, очищенные отъ поработителей кровью нашихъ воиновъ.

Благословенъ градъ Ростовъ на Дону, которому выпала великая честь быть для Прикарпатской Руси тѣмъ-же, чѣмъ для нея, и для всей Руси, былъ въ древности городъ Корсунь, гдѣ вожди народные во главѣ съ Равноапостольнымъ соединились съ Христовымъ стадомъ, вступили въ лоно истинной Церкви. Нынѣ же народные вожди Руси Прикарпатской и ихъ молодья, но духомъ горящія чада въ стѣнахъ Ростовскихъ присоединились къ Церкви православной и слились съ жизнью духовной Руси. Здѣсь они, свободныя отъ ужасовъ, которымъ подвергались на родинѣ, отъ тюремъ, пытокъ и казней, мирно усваиваютъ начала русскаго просвѣщенія и безпрепятственно познаютъ ту св. вѣру православную, за которую страдали они и ихъ предки отъ поляковъ и австрійцевъ.—Нѣсколько сотъ тысячъ лучшихъ сыновъ Руси Прикарпатской разсѣяны теперь по св. Руси, а 5000 изъ нихъ, во главѣ съ руководителями народнаго движенія, съ 50 почти священниками и 600 учащимися обоюпола пребываютъ здѣсь въ Ростовѣ и являются виновниками настоящаго свѣтлаго торжества православія.

Знаменательно то, что торжество это, это освобожденіе братьевъ нашихъ отъ латинской уніи, въ которую насильемъ и обманомъ были вовлечены ихъ предки, совпало съ общественнымъ праздникомъ Св. Григорія Солунскаго, страдавшаго отъ послѣдователей латинства и побѣдившаго ихъ прельщенія.—Не всѣмъ присутствующимъ извѣстно, что сегодняшняя служба Св. Григорію подверглась двѣсти лѣтъ тому назадъ особому гоненію со стороны совратителей православныхъ галичанъ въ латинскую унію. Уніатамъ было обѣщано, что съ ихъ отпаденіемъ отъ православной Церкви и присоединеніемъ къ римско-католической, имъ будетъ предоставлено сохранять во всей неприкосновенности свои богослужебныя книги и богослужебныя чины. Однако, не прошло и полустолѣтія отъ дѣйствительнаго совращенія галичанъ въ унію, какъ около 1742 года уніатскій митрополитъ Аванасій Шептицкій, родичъ теперешняго митрополита Андрея Шептицкаго, издалъ посланіе, въ которомъ предписывалъ духовенству перемарывать священныя богослужебныя книги на латинскій ладъ и въ частности распорядился „въ недѣлю третью святыхъ четырехдесятницы всю службу св. Григорію Солунскому витри и вимажь“.

Такъ и лишена была Прикарпатская Русь этой умиленной службы, въ которой указана столь глубокая разность между православіемъ и латинствомъ еще въ XIV вѣкѣ. Варлаамиты, враги св. Григорія, подобно всѣмъ латинянамъ, учили, что познаніе Бога и приближеніе къ Нему достигается такъ же, какъ и познаніе земной вещи, а св. Григорій, согласно Священному Писанію и древнимъ Отцамъ Церкви, доказывалъ, что богопознаніе усваивается чрезъ очищеніе души подвигомъ благодѣланія и молитвы, чрезъ который она просвѣщается божественнымъ разумомъ и божественною красотой, какъ-бы Фаворскимъ свѣтомъ, осіявшимъ Христа въ день Преображенія.

Разъединивъ познаніе истины отъ чистоты души и святости, латиняне постепенно дошли до такого безумія, что усвоили рѣшающее значеніе по предметамъ вѣры не полнотѣ церковной, а опредѣленному мѣсту и лицу, т. е. римскому папѣ, котораго провозгласили непогрѣшимо рѣшающимъ всѣ вопросы объ истинѣ, о догматахъ вѣры, независимо отъ того, ведетъ-ли онъ жизнь честную или совершенно безнравственную.

Такое глубокое униженіе вселенскаго христіанства, такое приуроченіе его къ мѣсту и чину, какъ бы къ языческой пивіи, которая, по суевѣрію древнихъ, могла предсказывать будущее, когда садилась на свой треножникъ,—такое удаленіе отъ вѣры, принятой общимъ крестителемъ Руси, св. Владимиромъ—оно грозило совершенно отвлечь отъ него и отъ св. Отцевъ Церкви, а значить и отъ Господа Іисуса Христа, нашихъ братьевъ—галичанъ. Но вотъ св. Григорій Солунскій сегодня вновь побѣждаетъ латинское прельщеніе и возвращаетъ къ своему почитанію просвѣщенныхъ потомковъ, оторванной отъ послѣдняго Прикарпатской Руси, которые отнынѣ слушаютъ и воспѣваютъ Божественную службу уже безъ еретическихъ помарокъ, безъ напутственнаго, безумнаго велѣнія отступника: „вистри и вимажъ“.

Милые юноши, воссоединенные съ Св. Церковью! Отнынѣ вы будете познавать истинное, неискаженное ученіе Христово; будете постепенно уразумѣвать, что заблужденіе латинское заключается не только въ разности нѣсколькихъ догматическихъ формулъ и богослужебнаго чина, но въ самомъ пониманіи христіанства, въ самомъ разумѣніи смысла жизни,

Наша Русь проста, сѣра и груба. Но она, согласно Евангелію, взираетъ на земную жизнь, не какъ на наслажденіе, а какъ на крестъ, какъ на подвигъ, чрезъ который достигается та истинная жизнь во Христѣ или то духовное совершенство, которое начинается здѣсь на землѣ чрезъ борьбу нашу съ грѣховными страстями, а въ полнотѣ достигается въ жизни грядущей, въ блаженномъ общеніи съ Богомъ. Отсюда русское долготерпѣніе, русское самоотверженіе, русское безкорыстіе и милосердіе даже ко врагамъ, которому удивляются всѣ народы.

Чтобы понять Россію, изучить ее и полюбить, для сего устремите свое вниманіе не на верхи русскаго народа, не на его интеллигенцію, отравленную духомъ полуязыческаго запада, а на ея простой народъ, на ея пахаря, на ея солдата и казака, на священника и монаха. Мало знаютъ они наукъ внѣшнихъ, но науку духовнаго совершенствованія знаютъ достаточно. Самая неграмотная женщина въ глухой деревнѣ, не умѣющая перечислить пяти частей свѣта, ни столицъ Европы, знаетъ, что такое смиренномудріе, покаяніе, всепрощеніе, непамятовлюбіе, преданность волѣ Божіей, братолюбіе и прочія добродѣтели; знаетъ она также, что такое гордыня, превозношеніе, зависть грѣховная, прелюбодѣяніе, сребролюбіе, лицемеріе и пр. страсти. Она знаетъ, что цѣль жизни—распинать и убивать свои страсти и умножать въ себѣ добродѣтели.

Этого не знаютъ западные еретики—латиняне и протестанты. Они взираютъ на жизнь, какъ на наслажденіе, какъ на пиръ, и къ Богу обращаются для того, чтобы Онъ не препятствовалъ, но помогалъ имъ въ житейскихъ потребностяхъ и радостяхъ. Такъ именно относились къ небу и римскіе язычники, которымъ во всемъ подражаютъ современные европейскіе народы, тщетно снѣгающіеся совмѣстить христіанскіе догматы съ языческими правилами жизни—гордынею и чувственностью.

Учитесь, юноши, русскимъ возрѣвнѣямъ на жизнь, возрѣвнѣямъ Евангелескимъ, они напоминаютъ собою событія русской исторіи, они проявляются во всемъ бытѣ русскаго народа, а въ значительной степени и въ русской литературѣ, которая по глубинѣ и силѣ талантовъ превосходитъ литературу всего міра. Но пусть и наши юноши, сыны Руси

державной, ѣзучатся у васъ тому, чѣмъ вы богаты и чѣмъ бѣдны они; пусть учатся той горячей любви къ простому народу, къ родинѣ своей, къ родной деревнѣ, любви не на словахъ, а на дѣлѣ, во имя которой вы рѣшились быть изгнанниками, бѣглецами изъ своего края, а многіе изъ васъ пожертвовали жизнью своею или своею свободою, и теперь наполняютъ собою австрійскія и венгерскія тюрьмы и кладбища, а многіе были лишены даже и погребенія. За это и васъ любилъ вашъ народъ и взиралъ на гимназиста или студента, вышедшаго изъ его деревни, какъ на своего защитника и радѣтеля, какъ на свою общую надежду и опору. Черезъ васъ надѣялся вашъ народъ, ваши отцы, и матери, и дѣти, добиться осуществленія вѣковыхъ упований на возвращеніе въ лоно Церкви православной, на воссоединеніе свое съ державною Русью.

Заря этого упованія уже сіяетъ надъ вашею страной страданій и скорби. Для многихъ тысячъ ея сыновъ уже возсіяло солнце истинной вѣры подъ небомъ Руси державной, а за прочихъ подвизается наше воинство во главѣ съ русскимъ Царемъ простершимъ свои отеческія объятія къ отторженному предѣлу своего народа русскаго.

А съ небесъ простираетъ къ вамъ руки Свой Господь Иисусъ Христосъ, Котораго вы сейчасъ приобщились въ Его святѣйшемъ таинствѣ, Котораго исповѣдали предъ св. чашею: „вечери Твоея тайныя днесъ Сыне Божій, причастника мя приими“.

Здѣсь, въ безопасности отъ враговъ, свободные отъ нужды и насилія, умножайте свои познанія, укрѣпляйте свой духъ, но не забывайте своихъ, терзаемыхъ врагами, родичей. Не для себя, а для меньшей братіи возрастайте премудростію и благодатію у Бога и чловѣковъ, дабы принести слово правды русской и вѣры православной тому народу, который вдохнулъ въ васъ этотъ священный огонь Божественной ревности, это усердіе къ просвѣщенію, эту самоотверженную жажду отстоять святую Русь въ ея западномъ предѣлѣ, и не дать нѣмцамъ, жидамъ и полякамъ поглотить достояніе св. Владиміра.

Вы возвратитесь на освобожденную русскимъ оружіемъ родину. Явитесь же туда во всеоружіи русскаго просвѣщенія, съ широтою русской любящей и открытой души,

чуждые западнаго лукавства, себялюбія и гордыни, но подобящіеся великому Моисею, который „лучше пожелалъ страдать съ народомъ Божиимъ, нежели имѣть временное грѣховное наслажденіе, и поношеніе Христова почелъ большимъ для себя богатствомъ, нежели Египетскія сокровища“ (Евр. 11, 25, 26).

А теперь въ тиши школьной жизни, въ удаленномъ Ростовѣ „исполняйтесь духомъ“ и запасайтесь силами для предстоящей духовной борьбы, которую завершится воинская борьба послѣ одолѣнія вашихъ поработителей русскимъ солдатомъ.

Славься отнынѣ и градъ Ростовъ, уже не торговлею своею, не богатствомъ твоихъ зданій и жителей, а тѣмъ, что ты явился пріютомъ и питомникомъ работниковъ великаго возрожденія Руси Прикарпатской. Твое имя напишется на славной страницѣ всероссійской исторіи и жизнь твоихъ новыхъ гостей въ настоящемъ году станетъ въ грядущіе годы предметомъ изученія для юношества всего русскаго народа.

Да торжествуетъ же, да умножается взаимная любовь русскихъ братьевъ! да найдутъ у васъ дорогіе пришельцы Авраамово гостепримство! да умножаются въ этомъ св. храмѣ ваши общія съ ними молитвы о спасеніи и объ объединеніи всей св. Руси въ православіи и единой державіи! Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое, да приидетъ Царствіе Твое! Аминь.



Πίστις νοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Доволено цензурою. Харьковъ, 20 Апрѣля 1916 года.

Цензоръ Протоіерей Петръ Омнинъ



Религіозное возрожденіе міра.

(Въ царствѣ современныхъ думъ, мыслей и настроеній).

Тяжки, велики, неисчислимы всѣ тѣ бѣдствія и страданія, какія несетъ война, но для міра, для всего человѣчества велики должны быть и плоды этихъ міровыхъ страданій, горя и слезъ. Все великое здѣсь на землѣ достигается путемъ мученій и страданій. Таковъ законъ міра. Мы содрогаемся при видѣ орошенныхъ и напоенныхъ человѣческой кровью полей, предъ нами невольно рисуются горы, пирамиды костей мучениковъ за правду, какъ бы несущихъ къ Престолу Бога всю неправду земли; въ нашей душѣ и сердцѣ тяжело отзывается стонъ матери, отца, у которыхъ война отняла дѣтей, мы видимъ тысячи малютокъ, которые отъ дней золотого дѣтства не увидятъ отцовской ласки и любви... Всѣ эти картины современной жизни предъ глазами всѣхъ. Онѣ волнуютъ душу, наводятъ гнетущія чувства, вызываютъ жгучія слезы изъ глазъ. Больно... тяжело все это переживать.

Но предъ вдумчивымъ взоромъ открываются и другія, свѣтлыя картины нашихъ дней. Надъ міромъ, который еще такъ недавно задыхался въ бездушнѣйшей атмосферѣ невѣрія, цинизма, тоски, „гангрены духа“, „бездорожья“ съ его жертвами самоубійць, надъ этимъ міромъ загорается свѣтлая заря новой, обновленной, возрожденной жизни. Человѣчество, изнывавшее отъ безсилія рѣшить вѣчные вопросы о смыслѣ жизни, вопросы счастья и спасенія, несмотря на всѣ раны и язвы войны, съ жадностію, энтузіазмомъ, восторженно читаетъ отвѣты на страницахъ современныхъ міровыхъ событій на всѣ запросы своего духа и мысли. Мы глубоко

вѣримъ, что послѣ удушливаго вѣка матеріализма съ его тоской и уныніемъ долженъ наступить вѣкъ идеализма, свѣтлые, солнечные дни вѣры, возвышенныхъ настроеній религіи. Война подвела итоги безрелигіозности вѣка и человѣчество должно утрашиться и понять твердо, что безъ Бога нельзя создать счастья и истиннаго прогресса, культуры.

Допотопный міръ погибъ въ водной стихіи за безбожіе, міръ ХХ вѣка омываетъ свою грѣшную и ожесточившуюся въ богоборствѣ душу потоками крови. И это вѣчный законъ, карающій гордое человѣческое существо, мечтающее стать „яко божи“. Этотъ законъ всегда бываетъ неизблемымъ какъ въ жизни отдѣльной личности, такъ въ жизни и-семьи, и общества, и цѣлыхъ народовъ и царствъ. И развѣ мы не видимъ уже меча смерти, который вотъ, вотъ готовъ оборваться надъ безбожнымъ, преступнымъ нѣмецкимъ народомъ и его царствомъ: Исторія свидѣтельствуєтъ въ назиданіе всему человѣчеству ту неопровержимую вѣчную истину, что древнія цвѣтуція культуры востока и классическаго міра погибли не отъ матеріальныхъ недостатковъ. Нѣтъ. Онѣ прекращали свой ростъ, а затѣмъ загнивали и гибли отъ болѣзней духа. Прекрасная Греція и могущественнѣйшій Римъ пали вслѣдствіе нищеты духовной, нравственной пустоты. Безрелигіозность, невѣріе, безнравственность и порочность всегда наказываются рукою Верховнаго Судии и цѣлыя царства стираются съ лица земли за нераскаянность и гордость, нежелающую преклоняться предъ волею Божіею.

И гдѣ теперь тѣ великіе народы, которые выстроили пирамиды и вавилонскіе храмы и дворцы? Гдѣ царь Емаѳа, и царь Арпада, и царь Сепарваимы, Вны и Ивы? Сама память исчезла о нихъ на землѣ. Гдѣ знаменитые города древности, кишѣвшіе когда-то народомъ, Карфагенъ, греческіе города Сициліи, римскій городъ съ его прежними богатствами? Гдѣ тѣ властители и тираны, которые мечтали вознести престолъ свой выше небесъ?... Увы, всѣ они стерты съ лица земли за духовное обнищаніе, за невѣріе, за полное крушеніе нравственныхъ идеаловъ и цѣнностей: одни дремлютъ въ мертвыхъ саванахъ изъ камней и песку, другіе спятъ цѣлыя столѣтія подъ цѣпломъ Везувія, третьи на вѣки со-

крыты подъ глубокой и бездонной скатертью водъ. И не захлебнется ли въ крови и гордая нѣмецкая нація, возмечтавшая вознести престолъ своей мощи превыше небесъ!...

Міровой голосъ исторіи въ нашъ XX вѣкъ современнымъ ходомъ событій подтверждаетъ только еще ярче теперь ту вѣчную истину, что только вѣра въ Бога и нравственность, возвышающія личность человѣка и указывающія ему святой идеаль являются душою и основою всякаго благополучія и дѣйствительнаго прогресса и культуры. Безъ нихъ же сама культура гнѣтъ и гибнетъ, нося въ себѣ зародыши погибели, самоуничтоженія и порабощенія другими народами.

И современное человѣчество, чувствуя и слыша трескъ башни современной матеріалистической культуры, видя крушеніе великое народовъ и царствъ, должно обратить взоры къ вѣчно живымъ и дѣйственнымъ Божественнымъ родникамъ счастья.

И мы, слѣдя за теченіемъ мыслей, настроеній послѣдняго времени, должны восторженно привѣтствовать грядущій вѣкъ религіознаго возрожденія, идеализма, живой вѣры со всѣми драгоцѣннѣйшими плодами ея. Теперь все лучшее, все мыслящее человѣчество должно обратить свои взоры къ источнику вѣчнаго Свѣта и вѣрить, что только на религіозныхъ основахъ, какъ на самомъ прочномъ и вѣчномъ фундаментѣ возможно созиданіе всей нашей жизни личной, общественной, государственной и всемірной. Ни социализмъ, ни анархизмъ, ни демократія не приведутъ къ единству всѣхъ народовъ, къ всеобщему братству и любви, а только религія, живая вѣра. Только Христосъ и Его Божественная благодать помогутъ людямъ создать градъ Божій, Царство Божіе, Вселенскую Церковь съ ея духовной поэзіей, высшимъ счастьемъ и дѣйствительнымъ прогрессомъ и культурой, одухотворенной Евангеліемъ съ его возвышеннѣйшимъ ученіемъ.

Человѣчество достаточно поработало надъ созданіемъ своей матеріальной жизни, гении земной культуры создали не мало проектовъ устройства рая земного безъ Бога и Христа, социализмъ и демократизмъ объединили народныя массы трудовыя въ грозную рать для осуществленія своихъ волшебныхъ замковъ, и что-же? Всѣ эти проекты рухнули

предъ дѣйствительностію. Эти новые пути привели не въ рай съ его счастьемъ, а на кровавое поле. И всѣ эти социальныя арміи, спаянныя какъ будто-бы однимъ цементомъ, быстро распались. Оказалось, что социальныя арміи нѣмцевъ такъ и мечтали то собственно о томъ, чтобы путемъ потрясеній создать благополучіе только нѣмецкому пролетаріату и рабочему люду. Соціальный міръ былъ шить видимо гнилыми, непрочными нитками, несмотря на то, что всѣ эти арміи собирались подъ великимъ знаменемъ: „свободы, равенства и братства“. Но всѣ эти свободы теперь хорошо оцѣнены войной. Эти великія слова, украденныя изъ Евангелія и оторванныя отъ Божественныхъ корней вѣры, потеряли свою силу и это человечество теперь должно хорошо понять. *Только теперь, послѣ великихъ потрясеній, даже бывшіе скептики, атеисты поняли, что идеальная связь человечества можетъ быть дана только Церковію, какъ союзомъ „любви—, да всѣ едино будутъ“.*

Вотъ почему многіе теперь уже заговорили о необходимости устремить всѣ взоры и сердце въ сторону религіознаго вселенскаго идеала и вѣры.

Слыша трескъ и грохотъ отъ крушенія современной „обезбоженной культуры“, мы переживаемъ священнѣйшій моментъ, событій, въ который несомнѣнно идетъ „ломка міровоззрѣній“; совершается духовный переворотъ огромной важности, чувствуется приближеніе Свѣтлаго Христова праздника на усталой и измученной страданіями землѣ.

Матеріалистическая культура Германіи душила безжалостно человечество. Она была страшнѣйшимъ его бичомъ и игомъ. И что особенно больно было, это то, что безбожная нѣмецкая мысль, философія сжигали вѣру въ сердцахъ людей.

Теперь же это иго свергается и загораются свѣтлыя дали грядущаго духовнаго воскресенія. Разгромъ нѣмецкой арміи является разгромомъ и нѣмецкаго міросозерцанія. Народы вѣры, народы совѣсти должны восторжествовать надъ людьми разсудка, матеріализма и должна начаться новая эра жизни, создаваемой на началахъ вѣры Христовой и Его завѣтовъ.

Знаменіемъ нашего времени является то, что даже безбожнѣйшая Франція, въ которой произошло отдѣленіе Цер-

кви отъ Государства, начинаетъ постепенно возвращаться на путь вѣры. Возрожденіе интереса и сочувствія къ религіознымъ вопросамъ очень сильно даже въ средѣ интеллигенціи, которая за послѣдніе годы вакханалии матеріализма видимо утратилась той бездны, въ которой должно было погибнуть все лучшее и священнѣйшее души человѣческой. Война только еще сильнѣе подчеркнула важность и силу вѣры и какъ бы санкціонировала переломъ-религіозныхъ настроеній французской интеллигенціи, идущей обычно впереди другихъ какъ въ области отрицанія, такъ и возрожденія духовнаго. Для насъ въ высшей степени важно знать эти теченія, часто вліяющія на кругозоръ и нашей русской интеллигенціи, обычно идущей на поводкѣ заграничной аристократіи ума.

Изучая религіи, какъ психологическое и социальное явленіе, современная позитивная наука устами французскихъ знаменитостей въ послѣдніе годы и дни высоко оцѣнила ихъ социальное-объединяющее и ихъ поднимающее общественныя силы значенія. Въ одной изъ рѣчей, посвященныхъ Дюркгеймомъ вопросу о религіи, знаменитый социологъ говоритъ:

„Религія не есть только система извѣстныхъ идей и представленій, это прежде всего система силъ. Человѣкъ, живущій религіозной жизнью, не только представляетъ себѣ міръ тѣмъ или инымъ образомъ, не только обладаетъ тѣмъ знаніемъ, котораго нехватаетъ невѣрующему,—онъ прежде всего обладаетъ силами, чувствуетъ себя обладающимъ силами, которыхъ онъ лишенъ въ состояніи нерелигіозности. Религіозная жизнь обнаруживаетъ наличность совершенно особыхъ силъ,—тѣхъ силъ, которыя „двигаютъ горами“ и человѣкъ, живущій религіозной жизнью, чувствуетъ себя участникомъ силы, которая господствуетъ надъ нимъ, но въ то же время поддерживаетъ его... Это чувство слишкомъ всеобщее въ человечествѣ и слишкомъ постоянно, чтобы мы могли считать его иллюзорнымъ. Иллюзіи не переживаютъ тысячелѣтій. Отсюда надо заключить, что силы, ощущаемыя въ себѣ религіознымъ человѣкомъ, дѣйствительно существуютъ“. По словамъ того-же Дюркгейма—„религія всегда является носителемъ идеаловъ, поднимающихъ человѣка выше временныхъ и грубыхъ интересовъ и заставляющихъ его ве-

сти болѣе благородное, и достойное существованіе, чѣмъ то, которое ему свойственно, когда онъ заботится объ однѣхъ своихъ физическихъ потребностяхъ“ 1).

Эта исповѣдь знаменитаго соціолога является характеризующей умонастроение философской мысли Франціи въ настоящее время. До настоящаго времени этого не было. Современная философская мысль видимо открыто выступила на борьбу съ механическимъ міропониманіемъ и абстрактнымъ рационализмомъ. Грубый реализмъ и натурализмъ видимо отживаютъ свой вѣкъ. Интеллигенція Франціи выступаетъ съ запросами „души“, горькимъ опытомъ убѣдившись въ невозможности жизни безъ высшихъ и вѣчныхъ основъ Божественныхъ.

Подъ вліяніемъ этого „религіознаго возрожденія“ теперь появляются многочисленныя конференціи и курсы по вопросамъ вѣры. На религіозныя темы въ „Ecole des Hautes Etudes Sociales“ былъ прочитанъ рядъ лекцій такими лекторами, какъ—Вэло, Буаракъ, Бутру, Делакруа, Дюма, Дюркгеймомъ, Двельшверомъ, Ле-Дештекомъ, Ле-Руа, Луази, Люпо и др. На лекціяхъ всегда была масса народа, въ преніяхъ участвовали видные дѣятели науки, литературы и политики.

По словамъ только что вернувшагося въ январѣ 1915 года изъ Франціи католическаго священника, „Франція снова возвращается ко Христу“. Особенно дивныя картины воскресшей вѣры можно наблюдать въ Лурдѣ, гдѣ можно увидѣть министровъ, усердно молящихся и щедро жертвующихъ на нужды больныхъ и увѣчныхъ воиновъ и на бѣдныхъ, аристократовъ, цѣлыя отряды войскъ, отправляющихся на передовыя позиціи, и высшихъ офицеровъ. Вмѣстѣ съ молитвами, которыя льются изъ открытаго сердца молящихся, льются и потоки золота. Можно съ увѣренностью сказать, что Лурдѣ сдѣлался однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода для благотворительности, занявшейся помощью жертвамъ войны, и пособникомъ для казны въ вопросѣ организаціи пріютовъ для увѣчныхъ воиновъ, ихъ дѣтей и помощи населенію, пострадавшему отъ нашествія германцевъ. Насколько щедро теперь сердце народа подѣ

1) „Современная Франція въ религіозномъ отношеніи“ (Вѣстн. Евр. VII) 1914 г.

вліяніемъ воскресшей вѣры, объ этомъ краснорѣчиво говоритъ фактъ, что въ одинъ изъ дней церковнаго собора послѣ подсчета оказалась сумма—въ 1½ милліона франковъ. Нѣкоторыми клались на тарелку церковную чеки въ 100 тысячъ франковъ. Предъ взорами міра снова засіяла во всей своей красѣ живая вѣра съ ея великими плодами.

За послѣднее время можно наблюдать, что многія семьи наиболѣе зажиточныхъ гражданъ, мужья, отцы и сыновья которыхъ сражаются подъ знаменами Франціи, переѣхали въ Лурдъ, гдѣ живутъ постоянно, ведя почти монастырскій образъ жизни.

Мы помѣщаемъ здѣсь дословный переводъ статьи французскаго академика Ренэ Базена „Молящаяся Франція“, изъ *L' écho de Paris* № 11037, изъ которой ясно видно духовное возрожденіе Франціи.

„Вся молодежь Франціи призвана на войну и Франція стала на молитву. Это было непосредственное и горячее народное моленіе. Въ настоящее время снова вышли на дорогу, ведущую въ Церковь, многіе изъ тѣхъ, которые перестали туда ходить, хотя и не совсѣмъ потеряли ее изъ виду. Въ скорби, при видѣ опасности они вспомнили, что тамъ, въ Церкви, была и всемогущая сила, и милосердіе, и истинная надежда. То, что удерживалось боязнью предъ людскимъ мнѣніемъ,—а это было, хотя не много, въ городахъ—пало: люди тысячами, прежде, чѣмъ выступить въ походъ, исповѣдывались; они просили,—на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ,—благословенія священниковъ, которые имъ случайно встрѣчались; они клали въ свой карманъ четки и отвыкшіе было пальцы отсчитывали десятки „Ave Maria“.

Съ того дня, когда началась война, молитва Франціи все распространялась и росла. Каждое утро въ церквахъ становится больше присутствующихъ на литургіи и больше причастниковъ. Объявлено, что въ воскресенье, въ городахъ и селеніяхъ, совершаются собранія для благоговѣйныхъ размышленій о крестномъ пути и позднія вечернія службы, и вѣрующіе не устаютъ приходить и число ихъ гораздо болѣе велико, чѣмъ было до того. Организуются религіозныя процессіи съ особо чтимыми святынями; вспоминаются снова древніе благочестивые обычаи.

Французскія сердца снова возвратились къ вѣрѣ. Твердая надежда должна вести насъ теперь отселѣ. Она, Франція, молится! Она искупаетъ свои заблужденія! Она спрашиваетъ для своихъ воиновъ невидимой и надежной помощи, которая увеличиваетъ ея силу. Ибо,—вы знаете это такъ же, какъ и я,—одинъ изъ прекраснѣйшихъ уроковъ вѣры тотъ, что судьба каждаго изъ насъ, самыхъ безвѣстныхъ и самыхъ далекихъ, можетъ быть измѣнена къ лучшему по молитвамъ другого. Чудное милосердіе не перестаетъ обогащать безвѣстныхъ; благодѣющее братство соединяетъ людей и особенно одного и того же отечества. Въ часы опасности эта братская любовь становится экзальтированной, приноситъ себя въ жертву, искупаетъ другихъ, доставляетъ имъ мужество, оказываетъ покровительство, одерживаетъ побѣды даже черезъ тѣхъ, которые никогда не сумѣли бы ея одержать! Какая великая роль! Какое многозначительное явленіе! Какое основаніе для побѣды! Первѣйшее изъ всѣхъ!“...

Столь же глубокое религіозное настроеніе теперь наблюдается и въ Англіи. Церковныя власти всюду стараются поддержать этотъ духовный подъемъ и устраиваютъ всенародныя моленія. Въ декабрѣ въ соборѣ св. Павла—моленіе продолжалось чуть не сутки. Епископы и священники принимаютъ живѣйшее участіе въ дѣлѣ благотворенія, заботятся о семьяхъ воиновъ; разъясняютъ въ проповѣдяхъ нравственный смыслъ настоящей войны. Всюду чувствуется религіозный подъемъ, торжество вѣры.

Грозные удары міровыхъ событій потрясли душу и всѣхъ сыновъ св. Руси, объединивъ всѣхъ гражданъ въ одну родную семью. Происходятъ трогательныя картины братскаго лобызанія сыновей одной матери—Россіи. Узко-партийныя распри утихаютъ, отходятъ куда-то далеко предъ роковыми событіями. На зовъ матери Церкви спѣшатъ бокъ о бокъ съ сермяжной Русью и тѣ гордые сыны, которые давно уже не сливались съ народомъ въ молитвѣ, которые давно не переступали порога храма Божія, которые ждали спасенія міра и Россіи только отъ матеріальнаго прогресса и культуры. Громъ и молніи войны, ужасы міровой трагедіи видимо потрясли и ихъ душу, остановили мысль надъ вопросами иными, поколебали непрочныя основы ихъ міро-

созерцанія. Духовные слѣпцы прозрѣваютъ. Совершается міровое чудо: взоры недавнихъ скептиковъ и богоборцевъ устремлены на Церковь, ту Церковь родную, святую, православную, которая спасла Русь отъ гибели, которая явила міру драгоцѣннѣйшія жемчужины въ образѣ и подвигахъ ея сыновъ и дочерей, предъ которыми преклонился весь міръ.

Среди потоковъ крови и слезъ, среди адскихъ мученій и пытокъ войны, среди горя народнаго еще ярче засіяла св. Церковь, которая, какъ нѣжно любящая мать, несетъ теперь любовь, ласку, материнскій поцѣлуй, свое сердце, помощь всѣмъ страдальцамъ.

Церковь родная, которую такъ огорчали всѣ недавніе отщепенцы, блудные сыны, безумные слѣпцы, не помнитъ этихъ обидъ и огорченій. Она и недавнимъ врагамъ простираетъ свою любящую руку, чтобы перевязать раны души.

Среди холода и стужи, среди бурь и непогодъ современныхъ дней Церковь несетъ свѣтъ и тепло въ народную душу больную, стонущую; она подбираетъ сиротъ, становясь имъ матерью, она утѣшаетъ вдовъ, она склоняетъ свою голову въ лицѣ доблестныхъ подвижниковъ и подвижницъ войны надъ раненымъ, чтобы облегчить его муки, перевязать раны, благословить молитвенно на дальнѣйшій путь въ Царство небесное къ престолу Господню для полученія вѣчнаго нетлѣннаго вѣнца славы.

И это великое и святое дѣло Церкви предъ глазами всѣхъ. Церковь—жива и ея жизнь и дѣла воочію видятъ теперь и тѣ, которые говорили всюду о ея параличѣ, о ея смерти и безжизненности. Она среди хуленій, нападковъ, огорченій и обидъ кротко, тихо совершала и совершаетъ свою великую миссію. И всѣ плоды ея трудовъ теперь только стали видны, даже и скептикамъ.

И это величіе дѣлъ и плодовъ св. Церкви не проходитъ безслѣдно. Злѣйшіе враги ея умолкаютъ, уста клеветниковъ недавнихъ сомкнулись. Многие же устыдились своихъ прежнихъ прегрѣшеній противъ матери и льнутъ къ ея священному порогу. О Церкви, о вѣрѣ Христовой, о важности религіи для спасенія міра заговорили громко даже тамъ, гдѣ раньше эти вопросы считали поконченными и сданными въ архивъ. Среди нашей русской интеллигенціи

происходитъ видимо поворотъ къ религіозному самопозна- нію, обращено вниманіе на духовныя цѣнности. И это идей- ное теченіе въ сторону вѣры, религіи, нравственности, Цер- кви сказывается всюду въ бесѣдахъ, разговорахъ, но осо- бенно оно рельефно выступило на страницахъ газетъ, жур- наловъ, литературы.

Ознакомленіе съ этимъ идейнымъ теченіемъ для каж- даго сына родины должно быть особенно цѣнно, какъ симп- томъ новыхъ переживаній и настроеній, какъ симптомъ пе- релома міровоззрѣній, какъ симптомъ грядущихъ свѣтлыхъ далей и перспективъ.

Въ виду того, что отъ взора многихъ ускользаютъ по разнымъ причинамъ многія цѣнные строки изъ современ- ной литературы, а между тѣмъ эти признанія въ высшей степени цѣнны и дороги, мы стремимся въ краткихъ и сжа- тыхъ чертахъ ознакомить идейныхъ друзей и борцовъ за святыни Церкви и родины съ скромною долею литературы по данному вопросу.

Это ознакомленіе съ религіознымъ возрожденіемъ міра несомнѣнно должно сугубо ободрить, поднять силы, энергію какъ пастырей, такъ и всѣхъ ревнителей вѣры, плоды тру- довъ которыхъ и посѣвы православныхъ зеренъ дали пыш- ные всходы. А значитъ отсюда ясно, что не безплодны были всѣхъ этихъ работниковъ труды, а потому воздѣлывать эту ниву теперь должно быть особенно пріятно. Для православ- наго пастырства, для ревнителей нашей св. вѣры наступа- ютъ свѣтлые дни, такъ какъ плоды православія теперь у всѣхъ на глазахъ. Для него наступаетъ золотой вѣкъ. Волны матеріализма должны уступить приливу другихъ воднь. Хочется вѣрить, что грядущіе годы несутъ міру ре- лигіозно-нравственную жизнь съ особенно яркими и свѣт- лыми лучами нашего Православія.

А эти грядущіе годы, это религіозное возрожденіе міра налагаютъ на всѣхъ вождей народныхъ массъ великій и святой долгъ—быть на высотѣ своего званія и дать отвѣтъ каждому вопрошающему, влить энергію, струю „живой воды“ въ народную душу и сердце.

И эти запросы нашего времени и туха должны сплю- тить, воодушевить, братски объединить духовную рать, дабы достойно выполнить великую историческую миссію въ дни,

когда идетъ ломка однихъ міровоззрѣній и создаются новыя міровоззрѣнія, когда голосъ Церкви, голосъ пастырей и идейныхъ мірянъ-ревнителѣй вѣры долженъ особенно громко раздаваться, дабы всѣхъ привести ко Христу и выполнению евангельскихъ заповѣдей.

И эти запросы нашихъ дней особенно заставляютъ всѣхъ насъ быть въ курсѣ событій, идейныхъ настроеній.

Многія лучшія, искреннія натуры и изъ интеллигенціи теперь уже начинаютъ ясно сознавать, что *возрожденіе* нынѣ только и можетъ быть на почвѣ святой вѣры. Сами уже недавніе богоборцы открыто свидѣтельствуютъ, что безъ Бога жить нельзя, что основа счастья жизни таится только въ Богѣ, въ томъ милосердномъ отцѣ, къ Которому неодолимо влечется человѣческое сердце, какъ цвѣтокъ влечется къ животворнымъ лучамъ солнца.

Типичнымъ представителемъ нашей интеллигенціи по враждебному отношенію къ Церкви справедливо можетъ быть названъ г. Розановъ, котораго заслуженно именуютъ бунтаремъ и богоборцемъ, стремившимся разорвать бѣлоснѣжную ризу церкви, многіе годы метавшимъ острыя стрѣлы въ церковное тѣло. И сколько глумленій, сколько издѣвательствъ, сколько злобной раздражительности проявлено было этимъ писателемъ къ православной церкви. Недаромъ г. Розанова многіе считаютъ заклятымъ врагомъ церкви. Какъ Юліанъ отступникъ мечталъ въ теченіе всей жизни снова возстановить культъ плоти, язычество, такъ г. Розановъ всегда мечталъ о проведеніи въ жизнь идеала язычниковъ, ставившихъ цѣлію жизни наслажденіе плоти. Основная и завѣтная мысль Розанова та, что христіанство съ своею проповѣдію аскетизма, съ требованіями нравственной чистоты души „умертвило жизнь, изгнало любовь, прокляло радости и наслажденія любви, замучило и отравило человѣческую совѣсть признаніемъ грѣховности жизни; страданіе возвело въ культъ; гробъ сдѣлало кораблемъ всѣхъ стремленій, а могилу—пристанью кораблей“. Какъ большинство нашей интеллигенціи и Розановъ—типичный язычникъ до мозга костей, весь погруженный въ солнечную зарю человѣчества, любящій землю и ея богатые дары. И этою ненавистію къ Церкви наполнено было сердце этого язычника многіе, многіе годы.

Но, какъ теперь мы видимъ, языческіе идеалы не могутъ никогда удовлетворить человѣческую душу. И какъ изъ устъ раненаго язычника Юліана отступника неслась предсмертная исповѣдь: „Ты побѣдилъ меня, Галилеянинъ“, то же происходитъ видимо и съ душой г. Розанова. Послѣ всѣхъ глумленій надъ Церковію, Розановъ, какъ блудный евангельскій сынъ, обращаетъ свои взоры въ „Отчій домъ“— въ Церковь, стремится облобызать ту бѣлоснѣжную ризу дорогой святыни, на которой видны слѣды его безумныхъ поруганій. Недавній бунтарь и богоборецъ, недавній язычникъ начинаетъ лнуть къ тому, на что нападалъ, что осуждалъ и ненавидѣлъ. За послѣднее время г. Розановъ громко сознается (въ назиданіе всей нашей интеллигенціи) въ томъ, что за оградой Церкви, среди блестящихъ распутій міра съ ихъ наслажденіями плоти онъ не нашелъ успокоенія и удовлетворенія. Наоборотъ, жизнь внѣ Церкви настолько измучила его душу, истерзала сердце, что онъ нуждается въ цѣлебномъ пластырѣ и это успокоеніе измученной души онъ находитъ теперь въ Церкви. „Тепло только тутъ“—воскликаетъ теперь онъ. „Отчего же тутъ тепло, когда вездѣ холодно? Хоронимъ тутъ мамашу, братцевъ, похоронять меня... все тутъ. Все важное. (И вотъ люди надыхали тепла)“.

По словамъ Розанова, недавно еще рвавшего и метавшаго бѣлоснѣжную ризу Церкви, только „церковность есть единственное поэтическое, единственное глубокое на землѣ. Боже, какое безуміе было ее разрушать!... И какъ хорошо, что не удалось... Да чѣмъ была бы земля безъ Церкви? Вдругъ обезсмыслилась бы и похолодѣла“.

Вспоминая о своемъ крайне несправедливо жестокомъ отношеніи къ пастырямъ Церкви и вообще къ духовенству, Розановъ теперь глубоко раскаивается въ этомъ грѣхѣ: „сколько укоровъ я засыпалъ духовенству, сколько питалъ „страшной вражды“ къ нему, сколько обвиненій, однако вездѣ встрѣчалъ въ Церкви деликатность, тонкость, добро, любовь. Изъ этого я усмотрѣлъ, что въ Церкви теплѣе, сердечнѣе, душевнѣе, примиреннѣе, прощающѣе. И я бросился въ концѣ 1911 г. къ Церкви; одно въ мірѣ теплое на землѣ. Святые будутъ побѣдителями міра. Иду въ Церковь. Иду, иду. „Съ нами Богъ“—это вѣчно“.

Но вотъ разразилась въ мірѣ война со всѣми ея ужасами. Происходитъ испытаніе мудрости сыновъ вѣка сего. Идетъ борьба идеаловъ плоти и духа съ ихъ плодами.

За шесть мѣсяцевъ титанической борьбы люди успѣли пересмотрѣть въ душѣ самые важные вопросы жизни, разбудить свою совѣсть и мысль уже рисуетъ перспективы будущаго. Война отвѣтила на всѣ вопросы картинами своихъ ужасовъ. Война достойно оцѣнила всѣ плоды языческихъ идеаловъ и христіанской жизни и убѣжденій. И только слѣпцы теперь не могутъ видѣть, какъ громъ пушекъ произнесъ судъ надъ язычниками и повергъ въ прахъ ихъ кумиры, и какъ ослѣпительно яркими звѣздами среди мрака и ужаса войны горятъ дивные образы сыновъ и дочерей св. православной Церкви, вѣщая о вѣчныхъ основахъ человѣческой жизни и счастья.

Всѣ эти міровыя событія не могли не остановить вдумчивыхъ взоровъ многихъ нашихъ либеральныхъ вождей интеллигенціи и того же г. Розанова. Война съ ея кровавыми трагедіями только еще болѣе утвердила мысль его въ убѣжденіи, что на идеалахъ языческихъ съ ихъ культомъ плоти и сытости чрева нельзя строить жизнь, что только одна Церковь, съ ея глаголами вѣчной жизни, способна спасти міръ отъ крушенія, что только она одна можетъ воскресить все высокое, доброе и святое, только ея духовными цѣнностями можно покупать всѣ чистыя радости и настроенія, созидать царство Божіе на землѣ, приготовляя души и къ вѣчнымъ обителямъ неба. И этотъ фактъ должны нынѣ признать всѣ и съ этого начинать и новое лучшее созиданіе жизни каждой отдѣльной личности, семьи, общества, государства; только этимъ путемъ человѣчество можетъ прийти къ единству всѣхъ народовъ, къ Вселенской Церкви, къ рѣшенію всѣхъ соціальныхъ вопросовъ жизни.

Подъ вліяніемъ этихъ міровыхъ событийъ войны, которыя должны начать новую эру жизни народовъ и царствъ, Розановъ выпустилъ новую книгу „Война 1914 г. и русское возрожденіе“, въ которой пытается вскрыть корни *истинной культуры*, культуры духа.

Останавливаясь на массѣ ужаснѣйшихъ звѣрствъ, какія допускаютъ нѣмцы, Розановъ объясняетъ эту „*лотость*

души“ нѣмцевъ тѣмъ, что *они забыли Бога, забыли Христа, у нихъ предъ звѣрствами ни въ комъ, ни въ комъ не пробужитъ религиозный испугъ*“. Не то увидѣлъ Розановъ у сыновъ св. Руси. Видя героевъ сермяжной Руси, Розановъ отмѣчаетъ, что „въ общемъ, въ массѣ русская душа—*сердобольная; всѣ вспоминаютъ Бога*“. Отчего же это происходитъ? Оттого, что „къ доброму факту крови присоединился счастливый способъ воспитанія души, *проистекающій изъ особаго воздѣйствія Церкви*“.

Отличительной чертой русскихъ является то, что русскіе вообще „милостивы“ и этого вся теперь всемірная цивилизація не отвергаетъ.

По словамъ Розанова, „душа русскаго человѣка во всякомъ случаѣ *испугана грѣхомъ*, чего рѣшительно нѣтъ у нѣмцевъ, и чего въ протестантскомъ богословіи отнюдь не содержится“.

Подъ вліяніемъ всѣхъ ужасовъ войны, въ которыхъ такъ ярко обрисовались души народовъ, Розановъ воочию видитъ плоды Православной Церкви и еще болѣе является апологетомъ Православія, подвергая должной критикѣ „лютеранство“ со всѣми его плодами.

Почему нѣмцы не вспомнили Бога, совершая рядъ звѣрствъ? Почему ихъ души не испугались и руки не дрогнули при пролитіи крови невинныхъ младенцевъ, беззащитныхъ женщинъ, больныхъ, израненныхъ, которыхъ они добивали? Почему они не пощадили Реймскаго собора и другихъ наслѣдій сѣдой старины и культуры?

По словомъ Розанова, „это все—внѣ категорій нѣмецкаго міросозерданія. „Лютеранство“ и не есть „церковь“, а—религиозная община, какъ наши штундисты или баптисты, той же категоріи и сути. „Собираются въ залахъ“, „слушаютъ“, „читаютъ“. Я какъ то привелъ русскаго вѣрующаго въ кирку въ Петроградѣ. Было такъ чисто, хорошо, и я спросилъ: „хорошо“? — „Скверно“, отвѣтилъ тотъ. — „Почему“? — „Да вы сказали, что приведете меня въ *церковь*, а привели въ *залъ*. Противъ моего *ожиданія* это—скверно. А какъ *залъ*—хорошо“. — „Но органъ“? — „Залъ съ музыкой и пѣньемъ“. Дѣйствительно, „кирка“ не есть церковь,—ни какая кирка. И Вильгельмъ справедливо надѣваетъ „воротнички“ и „форму“ пастора и „проповѣдуетъ“, потому что

что же тутъ особеннаго“ Это какъ „старички“ у нашихъ безповцевъ: всякій можетъ быть „старичкомъ“. Суть въ томъ, что у нѣмцевъ есть *религіозныя видимости*, есть „черки карандашемъ“ какъ будто бы церкви и какъ будто бы духовенства, а на самомъ дѣлѣ—ничего нѣтъ, кромѣ русской безпоповщины, но безъ русскаго фанатизма, энтузіазма и подвига. У нихъ нѣтъ не только „святого“ и „иконъ“, а нѣтъ и священниковъ, нѣтъ храмовъ, нѣтъ вообще религіи, а только „разсужденія о религіи“.

Каковы же получились плоды всѣхъ этихъ резонерствъ о религіи?

Тѣ, что у людей умерла вѣра, мысль сожгла рай души съ цвѣтами. Душа у людей стала „свинская“ по мѣткому выраженію одного путешественника по Германіи.

Отсюда, по словамъ Розанова, „они забыли Бога: не въ однихъ звѣрствахъ, а—и внѣ ихъ, до нихъ, въ самой жизни. Съ ними нѣтъ Бога—вотъ откуда звѣрства. Не они „Его не вспомнили“, а Онъ о нихъ забылъ, какъ о существахъ мало одушевленныхъ, плоскихъ и грубыхъ“

Духовное возрожденіе міра можетъ быть только на почвѣ православной вѣры Христовой. Только эта божественная сила способна оживить міръ, спасти его отъ крушенія, звѣрствъ, крови и пирамидъ костей. Вотъ почему и Розановъ справедливо останавливается на Православіи, какъ божественной силѣ, спасшей св. Русь.

По его словамъ—„много добраго, много хлѣба и всякаго зѣрна хранится по русскимъ деревнямъ,—по лѣснымъ и степнымъ равнинамъ, но лучше всего это пшеница Господня, сохраненная Церковью, и которою питается русскій народъ. Отъ нея—доброе и простое сердце, всѣхъ милующее и о всѣхъ болящее. *Спасибо вамъ, попы, и спасибо вамъ, дьяконы, и спасибо имъ, нашимъ древнимъ дьячкамъ, а теперешнимъ псаломщикамъ, и господамъ звонарямъ.* И въ самомъ звонѣ они воспитывали русскую душу: вѣдь какой онъ добрый и ласковый. Я поражаюсь за границей, до чего *психологически* не сходенъ съ нашимъ тамошній церковный звонъ... Мяукающій у католиковъ и какой-то пустой у лютеранъ.

Вотъ объ этомъ мы всѣ теперь должны вспомнить—и поклониться тому, кто это заслужилъ“.

Это признаніе Розанова, прошедшаго всё стажи интеллигентскаго скептицизма, индефферентизма, всеотрицанія, грубаго матеріализма, въ высшей степени является симптоматическимъ. Изжитыя распутія міра не привели къ счастью, а привели къ полному духовному банкротству. И въ эти дни, предъ духовными очами недавнихъ отщепенцевъ все ярче и ярче загорается лучезарный свѣтъ Православія съ его духовными и благодатными сокровищами.

Устами Розанова говоритъ интеллигентская рѣчь, что безъ духовныхъ цѣнностей, безъ живой вѣры, безъ церкви, религіи, святынь челоуѣчество не можетъ устроиться по челоуѣчески. Только эта сила можетъ оживить увядшіе цвѣты челоуѣческаго сердца и души.

Этотъ поворотъ къ вѣрѣ, къ Богу, къ Церкви типичнаго интеллигента—г. Розанова и др. свидѣтельствуешь, что въ атмосферѣ безбожія и обезбоженной культуры задыхается челоуѣческое существо и душа многихъ уже рвется къ свѣту и теплу Церкви Христовой. Современная же война несомнѣнно только ускорить этотъ восходъ, зарю новой религіозной жизни.

Какъ на знаменіе нашихъ дней и переживанія духовнаго кризиса, ломки міросозерцаній, можно указать на статью г. Энгельгардта „Вѣще дни“, недавно помѣщенную на страницахъ Новаго Времени, въ которой Энгельгардтъ подѣлился мыслями неизвѣстнаго ему лично читателя, который откликнулся на одну изъ статей его по вопросамъ вѣры и Церкви.

Скрывшій свое имя интеллигентъ свидѣтельствуешь, что *„общество жаждетъ религіознаго содержанія“*. Для насъ въ высшей степени цѣненъ этотъ голосъ, какъ характеризующій душевное настроеніе нашего образованнаго класса, пережившаго всю тяжелую душевную драму богоотступничества и антицерковности... По свидѣтельству неизвѣстнаго автора, въ душѣ нашей интеллигенціи долженъ совершиться непременно поворотъ къ Богу и Церкви.

„У насъ это самый знаменательный поворотъ, пишетъ онъ Энгельгардту, за всё двѣсти лѣтъ петербургской исторіи. Но если мы нынѣ отосковались по Богу, по Духу Святому, то здѣсь лишь одна сторона исканія. Другая же въ томъ, что опять насъ тянетъ и къ тѣлу Божию, къ тѣлу святому, т. е. къ живой, всеми фибрами существа нашего ощущаемой Церкви. Многимъ изъ насъ хочется вновь вступить и душой и тѣломъ, и всѣмъ существомъ безраздѣльно

на родную священную почву; хочется углубиться въ нее, чтобы почувствовать и понять ея богатѣйшія нѣдры. Точно и вправду имѣли мы дивныя розсыпи, заглянули въ нихъ, чуть чуть покопались, а затѣмъ забросили, едва не забыли вовсе. Но, слава Богу,—наше богатство не за горами. Оно здѣсь, оно всюду кругомъ. Сколько ихъ, этихъ заброшенныхъ нами храмовъ, церквей и церковокъ. Сколько ихъ на Руси святой! Но мы—просвѣщенные, искушенные отъ многихъ чужихъ культуръ, какъ долго мы обходили родную культуру духа. И поистинѣ большинство изъ насъ заглядываетъ въ родную церковь съ какимъ-то невольнымъ трепетомъ и чувствуемъ мы себя въ ней оглашенными. Но и то хорошо, что ужъ потянуло многихъ изъ общества къ родному православію, родному и неизвѣстному въ то же время“.

Симптомъ въ наши дни въ высшей степени отрадный. Дай Богъ, чтобы это настроеніе духа не было мимолетнымъ увлеченіемъ измѣнчиваго человѣческаго сердца.

Продолжая дальше свои сужденія по данному важному вопросу, авторъ—„интеллигентъ кающійся“ глубоко убѣжденъ, что *это религиозное возрожденіе и обновленіе души интеллигенціи въ Православіи принесетъ громаднѣйшую пользу какъ самой интеллигенціи, такъ и народу.*

„Въ самомъ дѣлѣ, продолжаетъ авторъ, не только проснувшееся сердце русскаго интеллигента—найдетъ снова въ церкви источникъ силы и радости; на наше счастье и неутомный умъ нашъ, вѣчно ищущій умъ вѣчнаго странника по всему міру, крещенному и не крещенному, можетъ найти безцѣнные клады, войдя лишь въ православный любой домъ Божій. Это чудесно! Это будетъ чудесно. Мы дождемся такого дня, когда стыдно будетъ не знать всей сущности Православія, когда интересы Церкви станутъ интересами научно образованнѣйшихъ слоевъ нашего общества. Именно хочется вновь, а втретѣ впервые просвѣтиться, уйдя въ глубь, въ самыя нѣдра родимой духовной культуры. Хочется вѣры сознательной, хочется наслѣдія, которое можно смѣло почестъ наслѣдіемъ добра, правды и красоты и которое мы, какъ лукавые рабы, старались запрятать поглубже въ землю, поглубже въ сердце. Слава Богу, мы начинаемъ одумываться, что-то припоминать, что то выкапывать изъ заустылыхъ родниковъ духа нашего. Удивительныя идутъ времена, чу-

десныя времена. И вотъ уже показываются на свѣтъ первыя золотыя крупинки. Но что будетъ дальше? Даже представить нельзя, какъ волшебюо мы всѣ, *вся Россія, а оттого и весь міръ*, разбогатѣемъ духомъ, истиннымъ просвѣщеніемъ“.

Все это золотыя слова, рисующія великій путь торжеству Православной Церкви. И этимъ искреннимъ признаніями души „кающагося интеллигента“ можно нынѣ повѣрить, что вылились они какъ плодъ духовныхъ переживаній и перелома настроеній въ сторону Церкви.

Для мыслящаго и образованнаго общества теперь вѣдь вполне выяснился конечный пунктъ безбожности, потери вѣры, святынь души. Нѣмцы, отрубаящіе кисти рукъ бельгійскимъ юношамъ, насилующіе женщинъ, совершающіе пьяныя оргіи и вакханаліи въ храмахъ, убивающіе дѣтей, несущіе холерныя вибрионы для зараженія, достаточно показали чѣмъ заканчивается „обезбоженная“ культура, въ какого дикаго звѣря превращается человѣкъ, потушившій лампаду вѣры въ душѣ, разбившій скрижали заповѣдей Божіихъ. Уже эти конечныя цѣли плодовъ атеизма, поруганія святынь, должны многому научить все міровое человѣчество и тѣхъ мечтателей, фантазеровъ, которые думаютъ создать культуру безъ Бога. Война открыла предъ міромъ ту зіяющую пропасть зла, къ которой приводитъ безвѣріе. И не должны ли теперь грандіозные планы устройства народной и государственной жизни безъ Церкви рухнуть предъ живыми фактами страшной дѣятельности! Война разсѣяла всѣ чарующіе миражи недавнихъ либеральныхъ глашатаевъ „новыхъ путей“. Война громко возвѣстила міру о томъ, что для жизни нужны твердые устои и основанія, нужны высше идеалы, нужна сила Церкви Божіей. И къ этой святынѣ теперь должны устремиться всѣ, какъ къ спасительному якорю, который посланъ, спущенъ на землю съ неба Богомъ, чтобы спасти насъ.

На этой зиждательной, вѣчно живой и дѣйствительной силѣ въ жизни народовъ призываетъ теперь нашу интеллигентную рать и *Сергій Булгаковъ* въ статьѣ „Поверженный кумиръ“. 1) Сдѣлавши оцѣнку нѣмецкой машинной культуры, С. Булгаковъ устанавливаетъ неизбежное, новое самосознаніе въ нашей интеллигенціи. По его словамъ, въ по-

1) „Утро Россіи“. 30-го августа 1914 года.

слѣдней *долженъ пробудиться интересъ къ религиозному самопознанію*, въ которомъ она станетъ искать новыхъ духовныхъ цѣнностей, заложенныхъ въ тайникахъ народной души: „Для русскаго общества,—пишетъ онъ,—безповоротно выяснился новый этапъ духовнаго освобожденія Россіи: рухнула вѣра въ западъ, то западничество, которымъ опредѣлялось міровоззрѣніе, если не самой глубиной, то наиболѣе вліятельной и многочисленной части русской интеллигенціи. Весь міръ полонъ разсказами о нѣмецкихъ и австрійскихъ жестокостяхъ. Эти жестокости, отъ которыхъ порой чернѣетъ на душѣ и не мила становится жизнь, конечно, нравственно еще ужаснѣе, чѣмъ даже та колоссальная бойня, какую представляетъ собой современная война, и, конечно, гораздо отвратительнѣе, чѣмъ наивная, первобытная грубость „варваровъ“. „Чингизъ-ханъ съ телефономъ“ по выраженію Герцени, хуже „Чингизъ-хана безъ телефона“.

По словамъ Булгакова, русское западничество, ослѣпленное успѣхами европейской культуры, долго смѣшивало цивилизацію съ культурностью и заражалось европейскимъ рационализмомъ; особенное же вліяніе у насъ приобрѣлъ социализмъ, представляющій собой крайнее выраженіе этого рационализма. *Западная Европа была вмѣстѣ съ тѣмъ предметомъ светлой вѣры для русскаго общества*, которое вѣрило въ великодушіе и благородство этой цивилизованности и во имя этого преклоняло предъ ней свои колѣни.

Теперь оно должно пережить въ общественномъ масштабѣ „душевную драму Герцена и внять его же зову „духовнаго возвращенія на родину“.

„Русская культура, говоритъ Булгаковъ, должна искать своихъ собственныхъ родниковъ, а истоки культуры тамъ жь, гдѣ и всякаго культа почитанія святыхъ—въ религіи. Религіозные ростки русской культуры изсушились европейскимъ рационализмомъ, понятымъ нашимъ западничествомъ не какъ болѣзнь Европы, но какъ ея жизненное начало“.

Подъ вліяніемъ этого перелома душевныхъ настроеній и переживаній, теперь многія страницы развоколиберныхъ газетъ и журналовъ заговорили и довольно громко о *духовной миссіи русскаго народа*. Въ разыгравшейся міровой трагедіи, по общему голосу многихъ статей послѣдняго времени, Россія должна сыграть крупную роль не только „кровью и

желѣзомъ“ на полѣ брани, но главнымъ образомъ своей духовной силой, долженствующей установить свѣтлый Христовый праздникъ на землѣ.

Объ этой миссиі говоритъ тотъ же С. Булгаковъ въ статьѣ „Родинѣ“ ¹⁾ слѣдующее.

„Въ дни грозные и торжественные, когда надвинулось на насъ страшное испытаніе, надъ родиной совершилось чудо исцѣленія. Разслабленный, одержимый многими демонами русскій исполинъ вдругъ поднялся въ державной красѣ своей. Скорбь растворилась во всенародномъ и церковномъ торжествѣ, празднествѣ примиренія, прощенія, единенія, свѣтломъ порывѣ вѣры, надежды, любви. О, родина, земля святая! Наконецъ показался изъ-за тучъ свѣтлый ликъ твой, узрѣли мы твою мужественную благодать, твой жертвенный порывъ и жертвенное себяотданіе въ кроткомъ послушаніи Промыслу. Какъ невѣста въ брачномъ уборѣ, повторяетъ родинѣ свои обѣты Христу и отрицается темныхъ дѣлъ своего прошлаго“.

„Прекрасна ты, родина, въ часъ свѣтлаго преображенія своего! Оказались безсильны ложь, злоба и пошлость, не удалось имъ растлить тебя и отравить сердце твое. И исцѣлѣли язвы твои“.

„Смиренно, кротко и ласково опять собираетъ Церковь дѣтей своихъ, и небо слышитъ всенародныя моленія тысячъ людей, преклоняющихся на стогнахъ и въ храмахъ, и попрятались въ свои щели привычныя ея зашутатели. И религиозный пламень, который зажигается нынѣ въ сердцахъ людей, не пропадетъ втунѣ и не погаснетъ, ибо на религиозныхъ путяхъ таятся сокровища русскаго духа, религиозно историческое призваніе святой Руси.“

Булгаковъ справедливо увѣряетъ всѣхъ интеллигентовъ, что нынѣ „западничество“ умерло съ шумомъ, умерло навсегда подъ ударами тевтонскаго кулака, вмѣстѣ и съ фантомомъ „международнаго“ социализма и братства социалистическихъ легіоновъ, нынѣ сражающихся между собою на бранномъ полѣ подъ отечественными знаменами. Предъ лицомъ міровой, европейской войны, показавшей всю ограниченность, условность европейской культуры,

¹⁾ „Утро Россіи“ № 181.

нельзя уже въ нее вѣрить, какъ въ царство небесное, какъ земной рай; европейскими легионами разстрѣливаются западническіе кумиры русской интеллигенціи, вѣра Бѣлинскаго и его потомковъ. Для вдумчиваго наблюдателя ясно, что теперешняя война знаменуетъ общій кризисъ европейской цивилизаціи, свидѣтельствуеетъ приближеніе ея конца.

„Западъ уже сказалъ все, что имѣлъ сказать. Ex oriente lux. Теперь Россія призвана духовно вести европейскіе народы, на нее возложена страшная ответственность за духовныя судьбы человечества“.

Проф. Л. Е. Владиміровъ, изучивъ психологію русской природы, выступилъ недавно съ статьею—„Что несетъ Россія въ міръ“¹⁾, въ которой, дѣлая должную оцѣнку Германіи, насадившей милитаризмъ, насадившей политическій цинизмъ, поставившей силу выше права, выработавшей нѣмецкій эгоизмъ съ девизомъ: „дѣйствующій всегда безсовѣстенъ“, останавливается на русскомъ народѣ, какъ народѣ совѣсти, для котораго возможна только одна задача въ жизни: *быть обществомъ, основаннымъ на самыхъ высшихъ нравственныхъ началахъ*. И эта черта рельефно выдѣляется въ жизни русскаго народа, какъ присущая его духу черта на всемъ протяженіи исторической жизни. И вотъ эта божественная печать русской души съ ея чистотою совѣсти, призываетъ св. Русь внести эту чуткую совѣсть въ міровую душу. Вѣрная этому голосу Божию, св. Русь всегда вносила въ жизнь благороднѣйшія черты, которыхъ часто не замѣчали многіе: защиту слабыхъ противъ сильныхъ, малыхъ противъ большихъ. Вотъ и теперь Россія не могла видѣть смерти серба беззащитнаго и рѣшилась сама пойти на смерть, защищая слабого.

Сермяжная наша Русь всегда тянется къ одному идеалу—христіанской любви. Жизнь же человечества только и можетъ быть создана на началахъ этой любви.

Къ религіозному возрожденію зоветъ и проф. С. С. Глаголевъ, посвятившій свою вступительную лекцію въ настоящемъ учебномъ году въ московской духовной академіи животрепещущему вопросу—войнѣ²⁾.

1) „Гол. Москвы“, № 185.

2) „Богословскій Вѣстн.“, сентябрь 1914 г.

Оцѣнивъ по достоинству плоды матеріалистическаго міросозерцанія за послѣднее столѣтіе въ руководящихъ сферахъ Европейскихъ государствъ и особенно въ Германіи, Глаголевъ яркими штрихами рисуетъ грустныя картины плодовъ „безрелигіозной культуры“, низведшей человѣка къ скотоподобію.

Единственный спасительный выходъ изъ создавшагося положенія утверждаетъ—С. С. Глаголевъ—*возвращеніе къ живой религіозной вѣрѣ.*

„Вѣра религіозная даетъ намъ вѣру научную, ибо только при вѣрѣ въ Бога можно вѣрить, что истина откроется намъ. Вѣра религіозная даетъ вѣру житейскую, потому что только при вѣрѣ въ Бога можно быть увѣреннымъ въ конечномъ успѣхѣ добрыхъ начинаній. Религіозная настроенность удваиваетъ радости и ослабляетъ въ людяхъ скорби земного бытія. И вотъ теперь лучшія чувства русскихъ людей подвергаются великому испытанію. Каждый день тамъ, далеко на западѣ, насильственная смерть скашиваетъ сотни и тысячи юныхъ и многообѣщающихъ жизней. Какъ возможно здѣсь утѣшеніе? Утѣщаться мыслью о конечной побѣдѣ, о сокрушеніи врага, о томъ, что послѣ войны у насъ откроются перспективы спокойнаго развитія и преуспѣванія? Но вѣдь эта побѣда не воскреситъ намъ мертвецовъ, легионовъ костями на поляхъ Пруссіи и Австро-Венгріи. Что до этой побѣды тѣмъ матерямъ, которыя некогда вынашивали и кормили своею грудью этихъ мертвецовъ? О нихъ говоритъ поэтъ:

*Имъ не вернуть своихъ дѣтей,
Какъ не поднять плакучей ивъ
Своихъ поникнувшихъ ветвей.*

Только одно возможно здѣсь утѣшеніе, что сыновья пали жертвами долга, пали за правду и что имъ соблюдется вѣнецъ правды. Но это утѣшеніе можетъ дать, лишь *религіозная вѣра.*

И только при этой вѣрѣ возможны любовь и надежда. Только при этой вѣрѣ слова: „правда, святость, милосердіе“ имѣютъ значеніе. Что стается съ міромъ, если онъ откажется отъ вѣры. Отказаться отъ вѣры въ Бога, значитъ отказаться отъ вѣры въ себя, потому что вѣрить въ себя,

можно лишь вѣря въ Бога. Отказаться отъ вѣры въ Бога, значитъ отказаться и отъ вѣры въ человѣчество, потому что въ сущности человѣчество такъ же безпомощно, какъ и одинъ человѣкъ. Безъ вѣры въ Бога не можетъ быть вѣры въ счастье. Безъ вѣры въ Бога должны будутъ замирать святыя и священные чувства въ человѣчествѣ. Они окажутся тогда не имѣющими разумнаго основанія и вредными для культурнаго преуспѣянiя“.

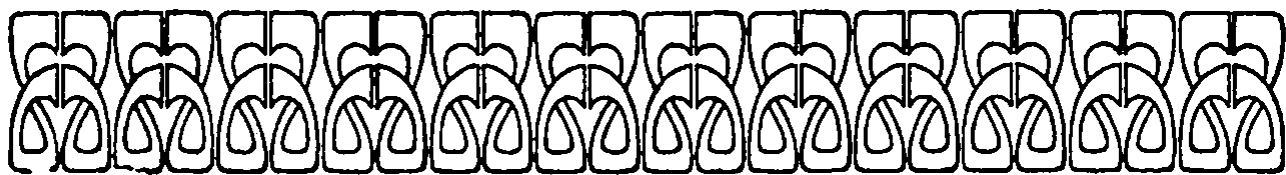
Всѣ эти современныя думы, мысли и настроенiя, направленныя къ лучезарному свѣту Христа и Его Церкви, налагаютъ на все наше православное пастырство и ревнителей вѣры великiй историческiй долгъ—быть на высотѣ своего званiя, дабы напоить жаждущiя души возрождающагося мира святыми водами.

Пусть-же громче и громче несется благовѣсть православiя, пусть пастырство живой и дѣйствительной проповѣдью жгетъ сердца людей. Израненная душа нуждается въ духовномъ пластырѣ, голодное сердце алчетъ духовнаго хлѣба, мятущiйся духъ ищетъ небесной ласки и любви, Христова поцѣлуя. Жатва нынѣ поистинѣ необъятна, о, какъ нужны дѣлатели для этой жатвы. Если мы, ревнители вѣры, духовные вожди народа останемся теплохладными въ эти великiе мировые дни и не будемъ засѣвать изъ богатыхъ кошницъ эту народную ниву, врагъ недремлющiй не упуститъ момента для сѣянiя плевелъ, для уловленiя душъ въ свои пагубныя сѣти.

Всѣ пастыри, всѣ ревнители вѣры, сыны дорогой отчизны должны теперь сплотиться въ одну родную, братски настроенную рать, семью, дабы выполнить съ достоинствомъ великое историческое призванiе и долгъ предъ Церковiю, Отчизной и великимъ, дорогимъ русскимъ народомъ.

Да загорится-же свѣтлая заря религиознаго жизни въ мирѣ. Да воскреснетъ въ потомкахъ великое благочестiе нашихъ предковъ, своими молитвами, живой вѣрой, привлекавшихъ благословенiе небесъ.

Свящ. Михаилъ Случкiй.



БОГОСЛОВСКИЙ ЮРИДИЗМЪ.

Страница изъ исторіи Университетскаго Богословія.

Въ исторіи развитія любой науки бываютъ періоды большого значенія, когда, силою обстоятельствъ, наука какъ бы срывается съ прежнихъ основъ, и начинаетъ прокладывать новыя пути или, по крайней мѣрѣ, намѣчать для нихъ вѣхи. Этотъ процессъ обусловливается неизбѣжнымъ ходомъ развитія человѣческаго сознанія, которое въ своемъ поступательномъ ростѣ, не довольствуясь старыми традиціями, общепринятыми формулами, теоріями, принципами, стремится къ освобожденію отъ нихъ. Дѣтская одежда становится тѣсной, изношенной. Если ее во время не снять съ плечъ, она сама собою порвется. Было бы несправедливо думать, что указанный процессъ проходитъ незамѣтно, гладко, безболѣзненно: не такъ легко сдвинуть съ пути старыя традиціи, вѣками лежащія на немъ, какъ огромные тяжеловѣсные камни. Онѣ давятъ своею тяжестью и нерѣдко всѣ усилія пропадаютъ даромъ: мысль застреваетъ въ нихъ и останавливается. Проходитъ еще болѣе или менѣе продолжительный періодъ, пока новая сильная, мужественная попытка не сдвинетъ въ сторону препятствіе и пойдетъ новою дорогою къ истинѣ.

Наше университетское богословіе имѣетъ не длинную и не сложную исторію. Положеніе внѣ-факультетскаго предмета, необязательнаго для слушателей не только изъ іудеевъ и магометанъ, но и для лицъ инославныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій вмѣстѣ съ сектантами, ставитъ университетское богословіе на степень какой то несерьезной и неважной науки, безъ которой легко можно обойтись. Досто-вѣрно извѣстно, что въ Петроградскомъ Университетѣ съ 1905 года и до сихъ поръ богословіе остается предметомъ

необязательнымъ. Въ Варшавскомъ Университетѣ богословіе совсѣмъ не преподавалось. При такихъ условіяхъ, внѣшнее положеніе богословія въ высшей школѣ далеко нельзя назвать завиднымъ, и это сознаютъ всѣ, и профессора и студенты. Внѣшнее положеніе не могло не сказаться и на внутреннемъ состояніи науки, на ея внутреннемъ ростѣ. Дѣло осложняется неопредѣленностью требованій и полнымъ отсутствіемъ программы Университетскаго богословія. Что и въ какомъ объемѣ читать студентамъ, каждый профессоръ богословія опредѣляетъ по своему. Можно читать догматическое, нравственное богословіе, исторію религій, апологетику. Обычно останавливались на апологетикѣ въ виду ея, такъ сказать, практической цѣлесообразности: на университетѣ привыкли смотрѣть, какъ на гнѣздилище религіознаго невѣрія, и всѣ науки, преподаваемые тамъ, считать враждебными богословію. Не скажу, чтобы этотъ взглядъ былъ ложнымъ, въ виду общаго тяготѣнія къ механическому, позитивному міропониманію, но не слѣдовало бы преувеличивать опасность. И ужъ во всякомъ случаѣ воевать одному противъ всѣхъ дѣло безнадежное, особенно если имѣть въ виду естественное ослабленіе интереса въ университетѣ къ предметамъ богословскаго вѣдѣнія, какъ не имѣющимъ непосредственной утилитарной цѣли. Читать апологетику при такихъ условіяхъ я считалъ бы дѣломъ не только бесполезнымъ, но и вреднымъ для престижа богословія. Тѣмъ не менѣе сила традиціи настолько велика, что всякая попытка уклониться въ сторону отъ проторенной дороги, рассматривается какъ опасное новаторство, обѣщающее одинъ вредъ. Но университетское богословіе только маленькая деталь богословія внѣуниверситетскаго, академическаго и семинарскаго; и вполне естественно, если оно доселѣ отражало на себѣ всѣ достоинства и недостатки послѣдняго. Все, что появляется новаго, сильнаго, оригинальнаго, живого, интереснаго въ академическихъ изданіяхъ и журналахъ, понятно, воспринимается нами съ самымъ живѣйшимъ вниманіемъ и интересомъ. Но и въ этой, такъ сказать, родной сферѣ богословія до начала текущаго столѣтія все обстояло по старому и по прежнему. Очень мало появлялось работъ въ духѣ самостоятельнаго, положительнаго раскрытія содержанія христіанскихъ богооткровенныхъ истинъ и очень много

для ихъ внѣшней апологіи и систематизаціи. Кромѣ, такъ называемаго, основного богословія, усвоившаго себѣ апологетическій методъ, въ послѣднее время тѣмъ же способомъ излагались истины догматическаго и нравственнаго богословія. Вообще богословію былъ приданъ характеръ умозрительной науки, и богословскія истины, заключенныя въ извѣстныя формулы, трактовались тѣмъ же способомъ, какъ истины философскія и научныя, и по тому же методу. Было бы долго и бесполезно разсуждать о томъ, почему и какъ утвердилось раціоналистическое и вмѣстѣ съ тѣмъ схоластическое направленіе въ нашемъ богословіи, но истинные результаты его у насъ передъ глазами. Повальное бѣгство семинаристовъ изъ духовной школы въ свѣтскую въ значительной мѣрѣ обязано этому направленію богословія. Въ качествѣ бывшаго ректора духовной семинаріи, могу засвидѣтельствовать, что жалобы на сухое, безжизненное, лишенное всякаго интереса богословское знаніе, со стороны учениковъ V и VI классовъ, приходилось слышать очень часто. Не было до сихъ поръ въ богословіи живой воды, чтобы затронуть и разбудить въ человѣческой душѣ лучшія чувства, живыя религіозныя струны, приохотить юношество и привязать къ себѣ.

Какъ бы тамъ ни было, университетское богословіе усвоило методы и приемы господствующаго теченія и до начала текущаго вѣка преподавалось въ формѣ обычной семинарской апологетики, съ тою лишь разницею, что въ то время какъ въ семинаріяхъ безраздѣльно царствовалъ Августинъ, въ Университетахъ были приняты Рождественскій и Фаворовъ. Но съ этого времени университетскому богословію какъ будто посчастливилось. Вышелъ въ свѣтъ „Курсъ апологетическаго богословія“ профессора Кіевскаго Университета Свѣтлова, выдержавшій въ теченіе 10 лѣтъ три изданія. Параллельно съ изданіемъ курса трудолюбивый и плодовитый о. Свѣтловъ выпускаетъ „Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи“, огромное и тяжеловѣсное произведеніе въ двухъ томахъ, тоже выдержавшее не одно изданіе. Строго говоря, этотъ второй трудъ проф. Свѣтлова не даетъ чего либо существенно новаго по сравненію съ Курсомъ. Планъ и содержаніе его остались тѣ же, кромѣ отдѣла, заключающаго въ себѣ оотеріологію. Это все тотъ же „Курсъ“,

только распространенный и разбавленный разными вставками и разъясненіями полемического и апологетического содержания. Самъ авторъ опредѣляетъ свое Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи, какъ „первый опытъ системы апологетической догматики“ (стр. 2 предисловія) и отличаетъ его отъ обычныхъ догматическихъ системъ внесеніемъ въ него рациональнаго метода. Проф. Свѣтлову казалось, что именно этимъ методомъ только и можно бороться съ ослабленіемъ вѣры въ образованномъ обществѣ и распространеніемъ невѣрія въ широкихъ народныхъ массахъ. Такимъ образомъ, нива университетскаго богословія, одобренная трудами о. Свѣтлова, должна была удовлетворить духовный голодъ интеллигентнаго общества, выходящаго изъ университетскихъ стѣнъ, такъ какъ для этого общества главнымъ образомъ предназначались вышеуказанные труды профессора. По крайней мѣрѣ, самъ авторъ, перечисляя свои заслуги, приносимыя этими трудами, признаетъ ихъ бесспорную цѣнность и благодаритъ Бога за все... Вообще, въ предисловіи ко второму изданію II тома своей апологетической догматики авторъ не скупится на слова, чтобы отмѣтить выдающееся значеніе своихъ печатныхъ трудовъ. Говоря, кому и какую пользу могли бы принести его книги (стр. IX), какія болѣзни они могли бы вылечить, авторъ, забывъ всякую скромность, категорически заявляетъ, что „существующая русская научнодогматическая литература, *вслѣдствіе присущей ей неподвижности* (курсивъ нашъ), не отвѣчаетъ потребности достаточнаго разъясненія истинъ христіанскаго вѣроученія и соответствующаго современному уровню научно-философскихъ знаній обоснованія ихъ“. Однако судьбы университетскаго богословія съ выходомъ въ свѣтъ специальныхъ трудовъ о. Свѣтлова ни мало не измѣнились, и богословскія знанія по прежнему плохо прививаются въ интеллигентной средѣ. Причина такого печальнаго явленія въ томъ, что изданія о. Свѣтлова ни въ чемъ существенномъ не выдѣлились отъ богословскихъ произведеній обычнаго типа. Соединеніе въ одной системѣ богословія догматическаго съ богословіемъ апологетическимъ, давшее апологетическую догматику, не могло привести къ успешнымъ результатамъ, потому, что въ такой комбинаціи богословская наука по существу осталась въ прежнему видѣ.

догматика догматикой и апологетика апологетикой. И если прежнее догматическое богословіе не затрогивало религиозныхъ струнъ души человѣческой своимъ схоластически умозрительнымъ характеромъ, а апологетика, не смотря на всю силу приводимыхъ ею аргументовъ, оказывалось малоубѣдительною, то и самымъ удачнымъ сплетеніемъ догматико-апологетическаго матеріала положительныхъ результатовъ добиться было трудно. Самому о. Свѣтлову безрезультатность его догматико-апологетической литературы сдѣлалась очевидной, хотя, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Объ этомъ онъ самъ свидѣтельствуесть въ томъ же предисловіи ко II изданію II тома „Христіанскаго вѣроученія“, и нужно сознаться, никто, лучше автора, не могъ бы изобразить бесплодіе своихъ писаній. „Я очень хорошо знаю, что какъ разъ не будутъ пользоваться моею книгою тѣ, для кого она была бы особенно нужна“ (стр. IX и X предисловія). „Самъ я лично не принадлежу къ оптимистамъ: этому мѣшаетъ мое слишкомъ хорошее двадцатитрехлѣтнее знакомство съ интеллигенціей и при томъ, самую „передовую“ интеллигенціею. Безъ чуда всемогущества Божія (вѣдь Богу все возможно) и безъ особыхъ мѣръ церкви и государства о христіанскомъ просвѣщеніи интеллигенціи путемъ лучшей постановки Закона Божія въ гимназіяхъ и, особенно, путемъ учрежденія богословскихъ факультетовъ въ университетахъ русскую интеллигенцію, если не говорить объ исключеніяхъ, особенно „передовую“ интеллигенцію я считаю мертвою для христіанства, для религіи вообще. Вотъ почему я совсѣмъ не настаиваю на примѣненіи моей книги къ дѣлу почти безнадежному“ (предисловіе стр. XIV).

Но зачѣмъ же было отгородъ городить, въ недоумѣніи можетъ спросить читатель? Зачѣмъ было писать и переиздавать Курсъ въ 400 слишкомъ страницъ и апологетическую двухтомную догматику въ полторы тысячи страницъ и назначать ихъ для мертвой духовно интеллигенціи? Зачѣмъ было служить дѣлу почти безнадежному? И какъ этотъ глубокой пессимизмъ, при взглядѣ на свои работы, вяжется съ хвастливыми завѣреніями автора на тѣхъ же страницахъ предисловія (IV, V, IX и др.) о крайней благовременности и необходимости богословскихъ трудовъ „догматико-апологетическаго жанра“, о пользѣ его книгъ для страдающихъ

не одною только боязнью догматовъ, но и многими другими болѣзнями нашего времени и противурелигіозными предразсудками. Одно изъ двухъ: или книги Свѣтлова полезны, тогда нѣтъ мѣста унынію, или бесполезны, тогда зачѣмъ было ихъ писать. Если профессору богословія, написавшему больше двухъ тысячъ страницъ въ защиту основъ богооткровенной религіи, пришлось въ концѣ концовъ сознаваться въ своемъ безсиліи, а въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія интеллигенціи желать чуда и взывать даже къ государству о помощи, то это свидѣтельствуешь, конечно, не о томъ, что богословская наука вообще безсильна что либо сдѣлать, а о томъ что безсильною оказалась богословская наука „въ догматико-полемиическомъ жанрѣ“. И о. Свѣтлову, чтобы имѣть право говорить о томъ, что „русская научнодогматическая литература, *вслѣдствіе присущей ей неподвижности*, не отвѣчаетъ потребности достаточнаго разъясненія истинъ христіанскаго вѣроученія и соответствующаго современному уровню научно-философскихъ знаній обоснованія ихъ“, слѣдовало постараться вывести эту литературу изъ состоянія неподвижности и направить ее въ настоящее русло. Вѣдь какъ бы ни было, прежняя научно-догматическая литература дѣлала свое дѣло, не прибѣгая къ посторонней помощи; если-же современная „въ догматико-полемиическомъ жанрѣ“, чтобы достичь результатовъ, не можетъ обойтись безъ чужой помощи и откровенно призываетъ къ мѣрамъ государственнаго принужденія, то это значитъ, что она заведена въ безнадежный тупикъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Преемникамъ о. Свѣтлова и всѣмъ его университетскимъ коллегамъ совсѣмъ не слѣдуетъ идти путемъ о. Свѣтлова, который привелъ его самого къ полному разочарованію, а его богословіе къ банкротству.

О. Свѣтлову давно указывали на то, что интеллигентная среда, которую онъ хочетъ привести къ религіи и Церкви, не останется довольною постановкою богословія въ догматико-апологетическомъ духѣ, и что всѣ его старанія дать почувствовать невѣрующимъ интеллигентамъ красоту, цѣлостность и полноту христіанства въ такой системѣ не приведутъ ни къ чему ¹⁾. Но въ теченіе пятнадцати лѣтъ онъ упорно стоялъ на своемъ, считая свою позицію единственно

¹⁾ А. И. Виноградовъ. „Чего ждутъ образованные люди отъ современнаго богословія“. „Русск. Вѣстн.“, 1901 г. апрѣль—май.

правильной и въ то же время сознавая всю ея бесплодность. Чѣмъ объяснить такое упорное отстаиваніе своихъ взглядовъ, явно несостоятельныхъ для него самого, это—тайна психологіи о. Свѣтлова. Судя по отвѣтамъ на многочисленные отзывы о его трудахъ, поведение о. Свѣтлова объясняется крайней нервозностью и чувствительностью, при чемъ всѣ возраженія противъ его утвержденій, даже простое несогласіе съ ними онъ принимаетъ, какъ личное оскорбленіе. Чуть ктонибудь осмѣлится неосторожно задѣть его богословіе, о. Свѣтловъ вспыскиваетъ гнѣвомъ и не скупится на слова. Не даромъ одинъ изъ полемистовъ, съ очень солидною ученою богословскою репутаціею, высказалъ справедливое сужденіе объ о. Свѣтловѣ; „съ нимъ надо быть сугубо корректнымъ“¹⁾. Совершенно вѣрно, съ нимъ надо быть сугубо осторожнымъ, иначе онъ обвинитъ васъ во всѣхъ ересяхъ, во всѣхъ недостаткахъ и противорѣчій, которыми такъ богато его собственное богословіе.

Прошло время. Волею судьбы о. Свѣтловъ оставилъ свое поприще служенія въ питомникѣ русской интеллигенціи, но не положилъ пера. Въ бывшемъ Церковномъ Вѣстникѣ и официальныхъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ онъ громитъ нѣмцевъ и нѣмецкое богословіе, обвиняя русское въ рабствѣ передъ нѣмцами, и забывая въ то же время, что раціонализмъ, пронизывающій его собственную богословскую систему, въ значительной степени обязанъ нѣмецкому вліянію, забывши или, лучше сказать, благоразумно умалчивая о томъ, что онъ самъ когда то признавался въ своемъ сочувствіи научному богословскому направленію запада и называлъ его симпатичнымъ²⁾. Что дѣлать, мѣняются времена и обстоятельства, вѣтры дуютъ съ разныхъ сторонъ, мѣняются направленія и вкусы. Но главную литературную дѣятельность о. Свѣтловъ повелъ въ другомъ журналѣ „Отдыхъ Христіанина“, въ которомъ прочно осѣлъ, занявъ опредѣленное положеніе богослова-апологета, и вмѣстѣ съ тѣмъ библиографа-критика вновь выходящей богословской литературы. Въ этой послѣдней роли ему пришлось съ горечью замѣтить новыя теченія въ университетскомъ богословіи, которыя рѣшительно отмежевываются отъ прежняго,

¹⁾ Христіанинъ. 1915 г. № 10. Октябрь стр. 309.

²⁾ Богосл. Вѣстн. 1901 г. Декабрь стр. 752, 755—756.

идуть своею собственною дорогою. Съ непостижимымъ противорѣчьемъ самому себѣ авторитетный критикъ, когда-то отмѣтившій безрезультатность своихъ трудовъ, снова начинаетъ отстаивать необходимость того направленія, котораго онъ является представителемъ ¹⁾. Очевидно, онъ желаетъ такой же судьбы и своимъ преемникамъ.

II.

Еще въ юньской книжкѣ „Отдыха Христіанина“ 1915 г. о. Свѣтловъ въ статьѣ „Книга безъ автора“ сдѣлалъ по моему адресу гнѣвное примѣчаніе ²⁾. Прямой угрожающій жестъ я увидѣлъ въ ноябрьской книжкѣ, гдѣ всѣ мы, коллеги о. Свѣтлова по прежней его службѣ, за наше невниманіе къ его апологетикѣ, названы профессорами „новой формации“ и сдѣлана краткая уничтожающая характеристика каждаго изъ насъ ³⁾. Но критикъ обѣщалъ кудѣлнить свое вниманіе отдѣльно моему изслѣдованію о религіи („О религіи“ часть I—II Томскъ 1915 г.), что и выполнилъ, написавъ въ декабрьской кн. въ отдѣлѣ „о книгахъ“ рецензію, подъ заглавіемъ „Богословіе въ книгѣ профессора богословія протоіерея Галахова о религіи. Богословско-философское изслѣдованіе“ ⁴⁾.

Познакомившись съ отзывомъ о. Свѣтлова о моей книгѣ, я долго думалъ, стоитъ ли на него отвѣчать. Я считалъ себя нравственно въ правѣ оставить безъ отвѣта рецензію, имѣющую всѣ признаки личнаго выступленія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда рукою рецензента движетъ рефлексъ, и перо его изливаетъ желчь, самое лучшее отвѣтить молчаніемъ. „Не дружись съ гнѣвливымъ и не сообщайся съ человекомъ вспыльчивымъ, чтобы не научиться путямъ его и не навлечь петли на душу твою.“ (Притч. XXII, 24—25). Я считалъ себя въ правѣ совсѣмъ не отвѣчать на рецензію, еще и потому, что поводомъ къ ней послужили вовсе не интересы науки, а побужденія самой невысской пробы. Вся соль критики направлена противъ второй части моей книги. Объ-

¹⁾ Отдыхъ Христіанина 1915 г. Юнь стр. 768—777. Ноябрь, стр. 883—894.

²⁾ Статья въ юньской кн. подписана инициалами Пр. Свѣтлова—Н. С. Примѣчаніе на стр. 774.

³⁾ Отдыхъ Христіанина. 1915 г. 883—894.

⁴⁾ Отдыхъ Христіанина 1915 г. Декабрь, стр. 1087—1094.

ясняется это очень просто. Въ первой части у меня нѣтъ ссылокъ на о. Свѣтлова, а та единственная на стр. 8. Примѣч. 8¹⁾, дана въ благопріятномъ для о. Свѣтлова смыслѣ, или, по крайней мѣрѣ, онъ понялъ ее такъ, и вслѣдствіе этого вся 1 часть перваго изданія книги не возбудила никакихъ эмоцій въ душѣ критика. Но во второй части мною сдѣланы въ примѣчаніяхъ указанія на его апологетическую догматику (Христіанское вѣроуч. ч. II), при чемъ я имѣлъ смѣлость не согласиться съ нимъ (стр. 106, 108, 160, 242). За-мѣчанія мною сдѣланы въ легкой, вѣжливой формѣ, безъ всякаго желанія и намѣренія подорвать значеніе трудовъ о. Свѣтлова. Но этого было довольно, чтобы душевное состояніе о. протоіерея вышло изъ равновѣсія и заговорило оскорбленное авторское самолюбіе. Нужно или во всемъ соглашаться съ нимъ, или въ крайнемъ случаѣ обходить его изданія, какъ-бы ихъ вовсе не существовало. Раскрывая вновь выходящія книги по богословію, онъ прежде всего ищетъ ссылокъ на свои изданія; если таковыхъ въ примѣчаніяхъ нѣтъ, онъ смотритъ въ текстъ. И горе вамъ, если вы смѣли свое имѣть сужденіе: во всю ширь обнажается передъ вами истинная натура рецензента. Наконецъ, я имѣлъ побужденіе не отвѣчать своему критику еще и потому, что, зная его отношеніе къ трудамъ академическихъ и университетскихъ профессоровъ (Боголюбову, Смирнову, Стеллецкому, Клитину, Керенскому, Тарѣеву, Петрову) и вообще ко всѣмъ рецензентамъ его книгъ, ничего другого не могу ожидать отъ него, кромѣ новыхъ инсинуацій и личныхъ оскорбленій. Богослову апологету великихъ христіанскихъ началъ нужно было-бы краснѣть за свой тонъ, въ которомъ звучатъ нотки нестерпимаго раздраженія. Въ какомъ деликатномъ тонѣ ведутся ученые книжные споры въ ученой свѣтской печати, какъ тамъ умѣютъ владѣть собой и не сводить дѣло на личную почву. А мы, вверху стоящіе, что городъ на горѣ, мы соль земли, мы свѣтъ,—какой примѣръ даемъ для тѣхъ, кого учить и просвѣщать мы призваны!...

Съ другой стороны, приходятъ въ голову соображенія такого рода. Далекое не всѣ читатели духовныхъ журналовъ имѣютъ возможность, не довѣряя словамъ рецензента, познакомиться непосредственно съ новыми богословскими тру-

¹⁾ По изд. 1911 года.

дами. Прочитавъ рецензіи и не зная книги, останутся подъ впечатлѣніемъ односторонней оцѣнки, пристрастнаго взгляда. Не всѣ, можетъ быть, знаютъ, что въ Отдыхѣ Христіанина о. Свѣтловъ хвалить и рекомендуетъ только свою собственную литературу, не брезгуя никакими средствами ¹⁾. Съ другой стороны, многіе изъ читавшихъ мою книгу могутъ подумать, что я не умѣю или не могу защитить свои взгляды, если не отвѣчаю на критику. Да, наконецъ, и религиозная истина всего лучше выясняется путемъ спора: „надлежитъ быть и раздѣленіямъ между нами, дабы открылись между нами искусные“ (1 Кор. XI, 19). Словомъ, необходимость отвѣта выступила не менѣе выпукло, чѣмъ противоположные мотивы и заставила выполнить обязанность.

Прежде всего о методѣ изслѣдованія. Въ первой части на ст. 103 я пишу: Чтобы понять сущность религіи и умѣть какъ слѣдуетъ ее защитить, необходимо направить главное вниманіе не на систему догматическаго богословія, а на то внутреннее непосредственное чувство, на тотъ личный внутренній опытъ, который такъ хорошо извѣстенъ благочестивымъ людямъ и ведетъ ихъ къ подлинному общенію съ Богомъ и духовнымъ міромъ“. Говоря о христіанствѣ, какъ религіи духа и жизни, я во II части повсюду старался примѣнять этотъ методъ изслѣдованія, стремился освѣтить всѣ безъ исключенія важнѣйшія христіанскія тайны съ точки зрѣнія религиознаго чувства и опыта. Не мнѣ судить, какъ я выполнилъ свою задачу, но утверждаю, что въ этомъ дѣлѣ я америки не открывалъ и пионеромъ себя въ области примѣненія къ богословію эмпирическаго метода не считаю. Есть солиднѣйшіе и ученѣйшіе труды въ этомъ „жанрѣ“, выражаясь языкомъ о. Свѣтлова. Считаю излишнимъ ихъ указывать, потому что они извѣстны Свѣтлову не меньше, чѣмъ мнѣ: онъ съ ними воетъ уже давно. Но вотъ что удивительно: выступая на борьбу съ эмпириками, о. Свѣтловъ

¹⁾ Чтобы не быть голословнымъ, ссылюсь на кн. за Май и Ноябрь. Въ первой на запросъ законоучителя, какія книги читать, о. Свѣтловъ пишетъ длинное письмо, заключающееся словами: ищите и найдете. Конкретныя же указанія дѣлаетъ только на свои изданія. А въ ноябрьской книгѣ въ отвѣтъ поручику N прямо отсылаетъ къ своей книгѣ. Изъ всего этого явствуетъ, что дискредитированіе изданій другихъ авторовъ для о. Свѣтлова является занятіе не безвыгоднымъ.

считаетъ себя представителемъ того же опытнаго метода. Правда, указаніе на необходимость такого метода въ богословіи о. Свѣтлова имѣется (напр. въ 4 и 6 парагр. „Курса“ и въ предисловіи къ 1 изд. „Христіанскаго вѣроученія“). Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что богословіе о. Свѣтлова покоится на основахъ эмпирическаго метода, психологическаго религіознаго опыта. Нѣтъ, оно прочно осѣло на прежней всѣмъ извѣстной системѣ догматическихъ положеній, съ безконечными разъясненіями и апологетическими отступленіями. Благодаря этому, читая Свѣтлова, вы совершенно теряете основную нить и генетическую связь между отдѣльными пунктами христіанскаго вѣроученія. Христіанство въ такой системѣ не имѣетъ характера стройности, не даетъ впечатлѣнія полноты и цѣлостности. Если бы авторъ не гнался за апологетикой, какъ за панацеей отъ золъ невѣрія, если бы онъ побольше удѣлялъ вниманія положительному раскрытію и уясненію христіанскаго вѣроученія, и при этомъ не на словахъ, а на дѣлѣ слѣдовалъ психологическому эмпирическому методу въ дѣлѣ раскрытія тайнъ христіанства, тогда у него не получилось бы той искусственности въ распредѣленіи матеріала, тѣхъ замысловатыхъ заглавій, безконечныхъ параграфовъ и отдѣльныхъ рубрикъ, которыми испещрены и „Курсъ“ и „Христіанское вѣроученіе“. Стоитъ прочесть одно заглавіе тамъ и здѣсь, чтобы видѣть, что это не раскрытіе и не психологическое разъясненіе христіанскихъ тайнъ, а искусственное распредѣленіе и размѣщеніе догматическаго матеріала съ неизбѣжной въ такихъ случаяхъ юридической квалификаціей. Напр. ученіе объ искупленіи у него распадается на параграфы—1) необходимость и возможность искупленія; 2) сущность искупленія; 3) средства къ искупленію или объ образѣ (?) искупленія; 4) необходимость Божьей помощи въ дѣлѣ искупленія; 5) воплощеніе Сына Божія, какъ лучший изъ способовъ искупленія, избранный Богомъ; 6) приготовленіе] рода человѣческаго къ искупленію. Словомъ, есть все, кромѣ одного пункта, самаго важнаго и нужнаго,—что такое искупленіе, въ чемъ его смыслъ. Или вотъ еще отдѣлъ—„Слѣдствія грѣхопаденія“. Они размѣщены, какъ аптечные матеріалы, въ пяти отдѣленіяхъ: первое слѣдствіе грѣхопаденія, второе слѣдствіе... третье слѣдствіе... Излагать въ такомъ

видѣ тайны христіанскаго ученія значить не раскрывать ихъ, а замариновать въ прежнемъ схоластическомъ духѣ и оттолкнуть отъ нихъ всякаго искренняго человѣка. Не даромъ богословская литература обречена на забвеніе въ обществѣ, а семинаристы, вынужденные долбитъ всѣ эти безконечные параграфы и рубрики: во первыхъ, во вторыхъ, въ пятыхъ..., съ остервенѣніемъ рвутъ богословскіе учебники и даютъ себѣ слово никогда ихъ не брать потомъ въ руки. Повторяю, нѣкоторые параграфы и отдѣльныя страницы ¹⁾ говорятъ за то, что авторъ не прочь признать значеніе религіознаго опыта въ обоснованіи христіанскихъ истинъ,—но это дѣлается у него спорадически, случайно и, конечно, не ему, религіозному опыту, обязаны общимъ своимъ содержаніемъ и „Курсъ“ и „Христіанское вѣроученіе“.

При такихъ условіяхъ нельзя утверждать, что „о. Га-лаховъ точную справку по вопросу о необходимости эмпирической основы богословской науки могъ бы найти въ Курсѣ апологетическаго богословія“ подъ такими то параграфами ²⁾. Дѣло не въ страницахъ, и параграфахъ, а въ томъ, что эмпирический методъ у о. Свѣтлова лишь упоминается, но къ дѣлу не прилагается. Для чего-же было о немъ и упоминать?

И такъ, признаніе необходимости эмпирической основы въ богословіи о. Свѣтловымъ сдѣлано совершенно напрасно. Онъ всего менѣе нуждался въ этой основѣ и не думалъ утверждать на ней свои богословскія разсужденія. Послѣднія у него покоятся отчасти на рационалистической, отчасти на внѣшней, формальной, юридической основѣ. Это всего болѣе замѣтно на ученіи объ искупленіи, которое о. Свѣтловымъ справедливо считается сущностью христіанства. Какъ раньше въ своей книгѣ ³⁾, такъ и теперь я утверждаю, что тяготѣніе къ юридической квалификации христіанскихъ догматовъ ни въ чемъ такъ ярко себя не показало въ книгѣ о. Свѣтлова, какъ на ученіи объ искупленіи. И совсѣмъ напрасно рецензентъ негодуетъ на меня за мое безобидное замѣчаніе. Всѣ критики богословскихъ изданій

¹⁾ Напр. § 38 Курса и 761—764 стр. II ч. Христіанскаго вѣроученія.

²⁾ Отдыхъ Христіанина 1915 г. № 12 стр. 1088.

³⁾ О религіи ч. II стр. 108. Примѣчаніе 1.

Свѣтлова сходятся въ этомъ, общее впечатлѣніе одинаково у всѣхъ, и не слѣдовало-бы о. Свѣтлову отвергать очевиднаго факта. Но, должно быть, справедливо мнѣніе, что собственные недостатки каждому видны меньше всего. О. Свѣтловъ мало того, что отвергаетъ схоластически-юридическій элементъ въ своемъ пониманіи искупленія, онъ считаетъ себя первымъ борцомъ противъ него. Да, онъ желаетъ и дѣлаетъ попытки освободиться отъ юридическихъ оковъ, но это ему не удалось. Его теорія искупленія есть теорія компромисса между протестантскимъ субъективизмомъ или рационализмомъ и католическимъ юридизмомъ¹⁾. Какъ теорія съ характеромъ компромисса, она не свободна отъ недостатковъ обоихъ крайнихъ направленій, католическаго и протестантскаго, и вноситъ только путаницу, темноту и неясность въ ученіе объ искупленіи.

Я считаю излишнимъ останавливаться на всѣхъ темныхъ мѣстахъ и противорѣчіяхъ отдѣла объ искупленіи въ богословіи о. Свѣтлова²⁾. Въ своей попыткѣ объединить оба взгляда на искупленіе, рационалистическій и юридическій, онъ оказался совершенно несостоятельнымъ: ни тотъ ни другой взглядъ порознь, ни оба вмѣстѣ не привели къ правильному объясненію догмата. Но, несомнѣнно, католическая точка зрѣнія у о. Свѣтлова преобладаетъ. Только ей обязано его представленіе объ отношеніяхъ между Богомъ и человѣкомъ, какъ между двумя тяжущимися сторонами, и рѣчь о взаимномъ примиреніи между ними. Только эта католическая точка зрѣнія, унаслѣдованная отъ временъ ветхозавѣтныхъ, законническихъ, могла остановить вниманіе нашего богослова на идеѣ сатисфакціи, на покаяніи, какъ на средствѣ искупленія, на страданіяхъ, какъ Божественномъ³⁾ отъ вѣка предустановленномъ возмездіи за

1) Христіанское вѣроученіе ч. II стр. 325 и 331.

2) Напр. на стр. 326 авторъ утверждаетъ, что рационализмъ представляетъ Божество лишеннымъ правды, правосудія, индифферентной благостью и любовью. Говоря о рационализмѣ, о. Свѣтловъ разумѣетъ протестантство, противопоставляя ему католичество, и однако на слѣдующей же страницѣ (327) смѣшиваетъ католичество съ протестантствомъ, говоря, что Богъ какъ въ католическомъ, такъ и въ протестантскомъ богословіи, не любовь, а исключительно грозное правосудіе.

грѣхъ и т. д. ¹⁾ Конечно, всѣ эти юридическія детали объясняются неустойчивыми взглядами о. Свѣтлова на сущность первороднаго грѣха, которому онъ даетъ принятое въ старыхъ догматикахъ, схоластическое искусственное опредѣленіе („любовь къ твари больше, чѣмъ къ Творцу“). Но такъ какъ о. Свѣтловъ въ своей рецензій упорно отвергаетъ элементы юридизма въ своей теоріи искупленія и въ то же время обвиняетъ меня въ непониманіи догмата и даже въ его отрицаніи, я долженъ буду остановиться на каждомъ пунктѣ отдѣльно.

1) О. Свѣтловъ пишетъ: „Никакая теорія искупленія, конечно, не можетъ излагать ученіе объ искупленіи безъ упоминанія о двухъ сторонахъ искупленія, поскольку вѣдь искупленіе есть воссоединеніе Бога и людей, а между тѣмъ проф. прот. Галаховъ, видно, не понимаетъ и этого, и, какъ можетъ, разноситъ не существующую нигдѣ какую-то теорію двухъ сторонъ, приписавъ ее мнѣ“ ²⁾. Приводимыми словами о. Свѣтловъ опровергаетъ самого себя и подтвердилъ то, что я сказалъ. Всякій, кто не можетъ объяснить искупленія безъ упоминанія о двухъ сторонахъ, этимъ самымъ уже создаетъ теорію двухъ сторонъ. Галахову нечего было выдумывать ее, она высказана о. Свѣтловымъ на страницахъ 326, 329, 333 II тома „Христіанскаго вѣроученія“. Я не утверждаю, что ее изобрѣлъ о. Свѣтловъ, она существуетъ со временъ Ансельма Кентерберійскаго, но говорю, что остатки схоластицизма еще такъ сильно гипнотизируютъ наше богословіе, что и о. Свѣтловъ не можетъ выпутаться изъ его тенетъ. Эти двѣ стороны въ искупленіи, Богъ и человѣкъ, со временъ схоластики представляются тяжущимися и вся тяжба кончается взаимнымъ примиреніемъ. Въ этомъ вся суть юридической теоріи, къ которой примкнулъ всецѣло и о. Свѣтловъ. Приемлема ли эта точка зрѣнія православному сознанію, — вотъ вопросъ. О. Свѣтловъ утверждаетъ, что приемлема, и считаетъ ее обоснованною на Свящ. Писаніи и Преданіи. Я же утверждаю, что какъ самое слово „искупленіе“, такъ и все, что имъ выражается, въ апостольскомъ сознаніи Павла (Гал. 3, 13) было связано съ ученіемъ объ іудейскомъ законѣ, и относилось къ христіанамъ изъ

¹⁾ Христіанское вѣроученіе ч. II стр. 424—340.

²⁾ Отдыхъ Христіанина. Декабрь 1914 г. стр. 1089.

іудеевъ; внѣ этой связи оно и не можетъ быть понято. Католицизму, замѣнившему сущность новозавѣтныхъ, нравственно-свободныхъ внутреннихъ отношеній человѣка къ Богу ветхозавѣтными, формальными, пришлось юридически квалифицировать великое дѣло спасенія *всѣхъ* людей крестною смертію Христа подъ видомъ юридическаго акта примиренія двухъ сторонъ, совершившагося въ силу принесенной жертвы. Нужды въ такой квалификаціи рѣшительно нѣтъ никакой, и православному богослову не слѣдуетъ раздвигать юридическія рамки шире, чѣмъ это сдѣлано у ап. Павла. Если ап. Павелъ придавалъ юридическій смыслъ искупленію только въ отношеніи подзаконныхъ іудеевъ, то и богословіе должно поступать также. Между тѣмъ о. Свѣтловъ, вслѣдъ за своими учителями, схоластиками, пошелъ дальше и учить о примиреніи человѣка съ Богомъ и Бога съ человѣкомъ.

2. Одна неправда повела за собою другую. Желая найти средній путь между раціонализмомъ и юридизмомъ, о. Свѣтловъ пишетъ: „Очевидно, всѣ указанныя раціоналистами и юристами средства искупленія въ отдѣльности недостаточны. Они получаютъ цѣну и значеніе лишь въ своей совокупности. Нужно, поэтому, отыскать такое средство, которое обнимало бы заразы обѣ стороны союза, какъ объективную, такъ и субъективную, т. е. примирило бы и Бога съ человѣкомъ и человѣка съ Богомъ“. Въ этой тирадѣ чувствуется всего понемногу, и раціонализма, и юридизма, и субъективизма и объективизма, но нѣтъ православія, зиждущагося на Словѣ Божьемъ, на ученіи св. апостоловъ. Примиреніе двухъ сторонъ—вѣдь это же юридическій актъ со всѣми специфическими свойствами взаимныхъ уступокъ и обоюднаго компромисса. Мыслимы ли для истиннаго христіанскаго чувства такія отношенія между Богомъ, Воля Котораго вѣчна и неизмѣнна (объективною стороною), и слабымъ созданіемъ, согрѣшившимъ человѣкомъ (субъективною стороною), хотя-бы и кающимся? А главное, въ такомъ оскорбительномъ для христіанскаго чувства юридизмѣ и нужды никакой нѣтъ, потому что если Писаніе и говоритъ о примиреніи, то только человѣка съ Богомъ, но никакъ не обратно. Всѣ относящіяся сюда мѣста изъ посланій ап. Павла Еф. 2, 16; 2 Кор.

*) Христіанское вѣроученіе стр. 326 и 333.

5, 18—20; Римл. 15, 11 и Гал. 1, 20 говорятъ только о такомъ примиреніи, которое касается человѣка. Оно такъ и должно быть. Если примиреніе человѣка съ Богомъ можетъ быть понято какъ нравственное очищеніе грѣшника и обращеніе его къ Богу, то какъ же понять обратный процессъ примиренія Бога съ человѣкомъ? Богъ Существо абсолютно неизмѣняемое, и перемѣны въ его отношеніяхъ къ человѣку не можетъ быть никакой. О. Свѣтлову, вслѣдъ за схоластиками, понадобилось и Бога примирить съ человѣкомъ. Но этого акта нельзя понять иначе какъ въ юридическомъ смыслѣ, и всѣ усилія Свѣтлова придать ему нравственное толкованіе ссылкой на любовь Божію ничему не помогаютъ ¹⁾. При такихъ обстоятельствахъ о. Свѣтлову не слѣдовало указывать на противорѣчіе въ книгѣ Галахова между 107 и 20 страницей ²⁾. Примиреніе въ толкованіи о. Свѣтлова я отвергаю (стр. 107), но признаю примиреніе человѣка съ Богомъ (стр. 20). О. Свѣтловъ тутъ же въ скобкахъ поставилъ слова, бичующія его самого: „понятіе и самое слово примиреніе взято изъ Библии“. Хорошо, что онъ не сдѣлалъ опредѣленныхъ ссылокъ на Библию,—которая словами ап. Павла обличила бы его въ неправдѣ.

3) Совсѣмъ неблагополучно у Свѣтлова съ идеей сатисфакціи. Относящіяся сюда страницы (его Курса (294—326) представляютъ собою сплошную трагедію православнаго богослова, запутавшагося въ тенетахъ схоластицизма и употребляющаго невѣроятныя усилія сдѣлать идею удовлетворенія понятною для здраваго смысла и въ то же время подыскать ей моральное оправданіе. Приходится жалѣть студентовъ, которымъ надо было усвоить весь этотъ отдѣлъ, гдѣ идетъ сплошная софистика, смѣшеніе юридическихъ понятій съ нравственными, или лучше сказать, усиліе представить юридическіе термины въ болѣе симпатичномъ нравственномъ освѣщеніи. „Жертва Христова есть полное и совершенно достаточное удовлетвореніе правдѣ Божіей: жизнь Іисуса Христа есть идеальное выраженіе чистой, совершенной любви. Въ лицѣ Іисуса Христа человѣчество принесло Богу то, чего оно никогда не въ состояніи дать Ему: оно дало душу свободную отъ грѣха, полную любви къ Богу.

¹⁾ Христіанское вѣроученіе, стр. 333, ч. II.

²⁾ Отдыхъ Христіанина 1915 г. Декабрь стр. 1091.

Жертва Христова удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ истинной жертвы. Ею достигается полная, дѣйствительная сатисфакція, или понесеніе наказаній за грѣхъ"—(стр. 310 Курса). А на другой страницѣ той же книги значитъ; „Жертва Христова лишена юридическаго характера“... „Голгофа мѣсто любви, а не юридика“... Можно думать, что страницу 310 писалъ одинъ авторъ, а 311 другой, и этотъ другой не считался съ тѣмъ, что написано на первой. Въ удовлетвореніи ли Божественному Правосудію заключается подвигъ Креста? Если все дѣло Креста есть подвигъ любви, то не вправѣ ли мы думать, что идея сатисфакціи,—пусть она идетъ отъ самыхъ древнихъ временъ,—идея несостоятельная, а придать ей нравственный смыслъ значить совершенно ее уничтожить. Не для удовлетворенія Своей правды Богъ страдалъ, а для того, чтобы показать людямъ истинный путь жизни, путь ко спасенію чрезъ вѣру во Христа, вотъ единственно понятная и пріемлемая точка зрѣнія. Въ противномъ случаѣ мы никогда не выберемся изъ лабиринта противорѣчій и юридической казуистики: какъ Богъ могъ принести Собственного Сына въ качествѣ искупительной жертвы за чужіе грѣхи? Почему Его Правосудіе обратилось на Самого Себя (Отецъ и Сынъ—одно)? Какъ возможно вмѣненіе заслугъ Невиннаго виновнымъ и т. д. На всѣ эти вопросы о. Свѣтловъ пытается отвѣтить соображеніями отъ разума (несмотря на обѣщаніе избѣгать рационализма) и всѣ его соображенія никогда никого не убѣдятъ и не удовлетворятъ. Заявляемъ же дѣлать безнадежное дѣло?

4) Совершенно неправъ о. Свѣтловъ, когда покаянію усваиваетъ характеръ жертвы вполне достаточной для удовлетворенія правды Божіей. „Оно умилостивляетъ Бога и побуждаетъ его отмѣнить казнь за грѣхъ“¹⁾. О. Свѣтловъ представляетъ дѣло такъ, что покаяніемъ отстраняется Божественное правосудіе. Первые люди не покаются, и поэтому надъ ними совершился Божій Судъ; въ противномъ случаѣ Богъ не подвергъ бы ихъ суду²⁾. А за что-же, спрашивается, дано было не покающимся прародителямъ обѣщаніе о Сѣмени, этотъ величайшій актъ Божественной любви и милосердія? Если покаяніе есть средство искупле-

¹⁾ Христіанское вѣроученіе ч. II стр. 331.

²⁾ Тамъ-же стр. 333.

нія, 1) какъ утверждаетъ православный богословъ, то прародители, принеся оное, устранили бы нужду въ Искупителѣ, и тогда падалъ бы главный догматъ. Не это ли хочетъ сказать о. Свѣтловъ, усвоивъ покаянію характеръ сатисфакціи? Нѣтъ, такимъ путемъ мы разрушаемъ христіанскую догматику, а не разъясняемъ ее.

5) Словамъ Бога, обращеннымъ къ Адаму и Евѣ, о слѣдствіяхъ грѣха о. Свѣтловъ придаетъ смыслъ наказанія и видитъ въ нихъ проявленіе Божественнаго гнѣва. Страданіямъ людей придается тотъ же смыслъ, а страданіямъ праведниковъ искупительное значеніе 2). И все это совершенно произвольно отъ собственнаго разума, не справляясь съ Писаніемъ. Нигдѣ въ Писаніи страданія не вызваны наказаніемъ, а слѣдствіемъ грѣха, естественнымъ явленіемъ въ мірѣ грѣха. Быт. II, 17; III, 17—19; ср. V, 12, VI, 23 и др. Если страданія посѣщаютъ праведниковъ, то и въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, ибо совершенной праведности на землѣ нѣтъ (Іов. 4, 17—18); „нѣсть человѣка, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ“ (Заупок. молитва). Только совершенно произвольнымъ утвержденіемъ о. Свѣтловъ придаетъ страданіямъ характеръ средства, предусмотрѣннаго Божественнымъ Промысломъ изначала для поддержанія и возбужденія въ человѣкѣ покаяннаго настроенія. Страданія, имѣющія характеръ кары, способны ожесточить сердце человѣческое, а не размягчить его покаяннымъ сокрушеніемъ. Нужно совсѣмъ не знать психологіи грѣха, чтобы утверждать, что страданіе въ видѣ наказанія можетъ повлечь за собою рѣшимость покориться волѣ Божьей. Если бы упорному грѣшнику стало достовѣрно извѣстнымъ, что претерпѣваемыя имъ страданія являются Божественнымъ возмездіемъ за грѣхи, онъ возропталъ бы на Бога и на Его правосудіе. Можно съ увѣренностью сказать, что никакой законѣный грѣшникъ не приметъ страданій въ этомъ видѣ и не покается. Наоборотъ, если бы грѣшникъ увидѣлъ и созналъ всю глубину Божественной любви, хотящей всѣмъ человѣкамъ спастися, то его сердце тронулось-бы этою любовію, и онъ несомнѣнно принялъ бы и самыя страданія

1) На стр. 384 авторъ утверждаетъ, что прародители и покаяться не могли. Тогда за что же ихъ винить?

2) Стр. 307 Курса.

какъ заслуженныя, полезныя и необходимыя. О. Свѣтловъ, настойчиво разыскивая въ моей книгѣ противорѣчія, находятъ ихъ въ случайно подвернувшихся словахъ на стр. 204 и 252. А на самомъ дѣлѣ слова мои нисколько не противорѣчатъ между собою, они противорѣчатъ тому пониманію страданій, которое раздѣляетъ Свѣтловъ. Взглядъ его на смыслъ земныхъ страданій, помимо своей внутренней психологической несостоятельности, ¹⁾ тратитъ послѣдствіями: Онъ способенъ поселить мысль о необходимости страданій для угожденія Богу, мысль, которая была осуждена еще въ первые вѣка христіанства, когда нѣкоторые христіане въ неразумной ревности сами искали себѣ мученическаго подвига. На почвѣ такой психологіи религіознаго чувства много уродливыхъ явленій возникало въ христіанской исторіи. Нѣтъ, ученіе о. Свѣтлова о смыслѣ страданій не можетъ быть названо „точнымъ знаніемъ“ по этому предмету, какъ онъ горделиво утверждаетъ въ своей рецензій ²⁾, а скорѣе опаснымъ заблужденіемъ.

Таковы детали пониманія Свѣтловымъ догмата искупленія, свидѣтельствующія о неустойчивости, шаткости, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже рискованности его утвержденій. И напрасно онъ пытается реабилитировать свои взгляды, обвиняя меня въ согласіи съ Социномъ. Положенія Социна неправильны и выводы его ложны, но недоумѣніямъ его, вызываемымъ юридическимъ толкованіемъ искупленія, нельзя отказать, по крайней мѣрѣ, въ искренности. Рационалисты 16 вѣка, социціане, были приведены къ отрицанію догмата искупленія богословскимъ юридизмомъ католичества, но они были искренніе невѣжды и заблужденія ихъ были добросовѣстными. Разрушая христіанство, они думали, что служатъ къ его утвержденію. Но что же сказать о богословахъ, рационалистахъ XX вѣка, которые, взявъ средний путь между рационализмомъ и юридизмомъ, съ высоты своей ученой самоувѣренности безапелляціонно и высокомерно рѣшаютъ, что „наказанія грѣшнику должны служить дѣламъ Боже-

¹⁾ Онъ противорѣчатъ и слову Божию, которое нигдѣ не говоритъ объ икупительномъ значеніи страданій; оно говоритъ лишь о терпѣливомъ перенесеніи ихъ (Іак. 1, 2, 12; V, 11; 1 Кор. X, 12—13) и учить молиться объ избавленіи отъ искушеній (Лук. XI, 2—4).

²⁾ Отдыхъ Христіанина, стр. 1098.

ственной любви“, что „раскаяніе умилоствяляетъ Бога и побуждаетъ его отмѣнить казнь за грѣхъ“, что „въ страда-ніяхъ Христа Богъ цѣнитъ не боли и муки, имъ перенесенныя, а любовь“? ¹⁾). Не дышатъ ли всѣ эти произвольныя утвержденія дерзкимъ посягательствомъ на обладаніе тайнами Божественнаго Троическаго Бытія, безудержнымъ стремленіемъ рационализировать то, что по самому существу своему должно быть предметомъ только религіознаго опыта, глубокаго набожнаго чувства. Если богословіе будетъ продолжать оставаться на той рациональной позиціи, съ которой видны „цѣли Божественной²⁾ любви“ и все то, что должно служить этимъ цѣлямъ, всѣ побужденія, которыми руководится Божество въ своихъ рѣшеніяхъ о чловѣкѣ, когда и за что его казнить или миловать, и что „Богъ цѣнитъ въ страданіяхъ Христа“ и что не цѣнитъ, то въ наше время такое богословіе никто, конечно, не будетъ считать серьезной наукой, а просто пустой схоластической болтовней, которой занимаются праздные умы отъ нечего дѣлать. Не соцініанствомъ угрожаетъ нынѣ то мертвое богословское направленіе, которое оживить вздумалъ о. Свѣтловъ, а еще большимъ упадкомъ въ интеллигентныхъ слояхъ всякаго религіознаго интереса. О. Свѣтловъ возмущенъ словами Каррьера, приведенными у меня (II ч. стр. 109) въ качествѣ образчика того умонастроенія, къ которому неизбежно приводитъ богословскій юридизмъ и понялъ, что я одобряю кощунственное глумленіе невѣрующаго писателя ²⁾). Напрасно онъ это говоритъ. Онъ прекрасно знаетъ, что я не одобряю его и никогда не одобрю, въ чемъ ручательствомъ служить все содержаніе моей книги. Но онъ прекрасно видитъ и не можетъ не видѣть (хотя *malà fide* можетъ притвориться, что не видитъ), что кощунство Каррьера есть рѣзкій протестъ противъ богословскаго юридизма въ ученіи объ искупленіи, отъ котораго богословіе о. Свѣтлова въ сущности нисколько не отступило. Это вотъ именно обстоятельство и вызвало ѣдкую сатиру о. Свѣтлова надъ выводомъ, который у меня сдѣланъ изъ словъ Каррьера.

¹⁾ Подобными рѣшеніями полно все богословіе о. Свѣтлова, но и этихъ выраженій достаточно для его характеристики. См. стр. 331 и 333 Христіанскаго вѣроученія и 312 Курса.

²⁾ Отдыхъ Христіанина, стр. 1090.

Но это рефлексъ озлобленнаго критика и я на него не обижаюсь.

Еще маленькій штрихъ въ критикѣ моихъ разсужденій по поводу догмата искупленія. О. Свѣтловъ откуда то открылъ, что я совершенно отрицаю правосудіе въ Богѣ, когда веду рѣчь объ искупленіи (на стр. 106—111), а затѣмъ противорѣчу себѣ, когда говорю о Богѣ, какъ Существо Правосудномъ и святомъ, Которое „оказываетъ противодѣйствіе злу“ и „осуждаетъ грѣхъ прежде чѣмъ простить его“. Последнія слова приведены у меня на стр. 196 и 198 въ отдѣлѣ о конечныхъ судьбахъ Царства Божія и Церкви. О. Свѣтлову показалось, что моя точка зрѣнія на искупленіе исключаетъ возможность послѣдняго суда и воздаянія, въ которомъ Богъ явится Судіею міра. Когда же я заговорилъ о послѣднихъ судьбахъ міра, то мнѣ понадобилось признать правосудіе въ Богѣ, которое раньше мною отрицалось. Я очень признателенъ о. Свѣтлову за его настойчивое желаніе найти въ моей книгѣ противорѣчія и объяснить ихъ обиліемъ взятыхъ мною на прокатъ чужихъ мыслей. Со своей стороны я могъ бы ему отвѣтить тѣмъ же и утверждаю, что мои труды въ этомъ направленіи увѣнчались бы гораздо большими успѣхами. Но объ этомъ такъ много писалось другими оппонентами Свѣтлова въ 1915 году и раньше, что я считалъ бы возможнымъ освободить себя отъ лишняго труда слѣдить страница за страницей полторы тысячи страницъ богословія Свѣтлова. Я считаю необходимымъ лишь заявить, что розыски противорѣчій въ моей книгѣ обычно кончаются ничѣмъ и обращаются на голову самого рецензента (какъ объ этомъ и было сказано выше). И на этотъ разъ противорѣчіе усмотрѣно тамъ, гдѣ его нѣтъ. Къ свѣдѣнію о. Свѣтлова сообщаю, что въ искупленіи я вижу проявленіе и правосудія Божія, а въ конечныхъ судьбахъ усматриваю дѣйствіе любви Божественной. Если этого въ пылу полемики о. Свѣтловъ не усмотрѣлъ, это его вина. Но если бы даже этого не было, если бы я утверждалъ противное, едва ли о. Свѣтловъ, не написавшій ни строки по вопросамъ христіанской эсхатологии и осторожно не высказавшій своихъ взглядовъ, едва ли онъ имѣлъ бы право ловить меня въ противорѣчійхъ по этому пункту. Я считаю необходимымъ спросить самого рецензента, какъ онъ смотритъ на догматъ о страп-

номъ судѣ въ его отношеніи къ догмату искупленія, будетъ ли Судією міра Искупитель міра, принесшій Самого Себя за жизнь міра, или на престолѣ славы возсядетъ только Судія міра, прежняя искупительная миссія Котораго уже болѣе никогда не вспомнётся? Будетъ ли судить грѣшниковъ Сынъ Человѣческій во всеоружіи одного Божественнаго правосудія, или Тотъ же Іисусъ Христосъ, жертва Котораго въ Курсѣ о. Свѣтлова именуется „истинною, дѣйствительною и (въ скобкахъ) вполнѣ достаточною“ (§ 43 Курса стр. 310)? Любопытно бы знать, каковъ взглядъ на послѣдній судъ Христовъ автора „значенія креста въ дѣлѣ Христовомъ“, заключающаго параграфъ о Христѣ, какъ о Жертвѣ вполнѣ достаточной“ (невольнo впадаешь въ искушеніе спросить, отчего не „весьма удовлетворительной“ и почему нѣтъ оцѣнки балломъ?), слѣдующими трогательными словами: „Богъ не можетъ отвергнуть людей, за которыхъ страдалъ Его Сынъ и съ которыми такъ тѣсно соединился любовью, ибо это значило бы отвергнуть Сына, что невозможно. Богъ не можетъ не любить людей: Его Сынъ—Самъ человѣкъ“.¹⁾ Но къ сожалѣнію Курсъ о. Свѣтлова внезапно прерывается и ставится точка. Жгучій вопросъ, безъ котораго міровоззрѣніе христіанское, а стало быть и богословскій Курсъ нельзя назвать законченнымъ и полнымъ, обойденъ или замолчанъ. Сильно сомнѣваюсь, чтобы о. Свѣтлову не было времени удѣлить вниманіе на изученіе этого вопроса, столь важнаго, необходимаго и существеннаго въ системѣ христіанства, безъ котораго, строго говоря, не можетъ и быть цѣльнаго богословскаго Курса. Дѣло объясняется гораздо проще: никакой эсхатологіи нельзя приставить къ Курсу, въ которомъ богословскіе вопросы получили компромиссное рѣшеніе. Богословская спекуляція, такъ ярко себя проявившая въ „Курсѣ“ и „Ввроученіи“, дальше не пошла и хорошо сдѣлала. Тоже самое я сказалъ бы о. Свѣтлову и по поводу двухъ послѣднихъ главъ моей книги, касающихся загробнаго состоянія души и послѣднихъ судебъ человѣка. Критикъ, занимавшійся сыскомъ всевозможныхъ ересей въ эсхатологическомъ отдѣлѣ моей книги, и тутъ не пошелъ дальше общаго злоязычія. Вѣчный, полный захватывающаго интереса вопросъ о будущности человѣка, не нашедшій въ богослов-

1) Стр. 313 Курса.

скихъ книгахъ моего рецензента, не смотря на всю ихъ тяжеловѣсность, ни малѣйшаго отклика, явился для о. Свѣтлова лишь поводомъ, чтобы проявить свою дикую нетерпимость къ чужому мнѣнію. Считаю долгомъ еще разъ заявить моему рецензенту, что я своего богословія не отождествляю съ богословіемъ вообще, какъ это дѣлаетъ онъ, и отнюдь не считаю своихъ мнѣній непогрѣшимыми. О. Галаховъ никогда не думалъ выдавать свое рѣшеніе проблемы вѣчныхъ мученій за единственное и безспорное. По этому вопросу могутъ быть различныя богословскія мнѣнія, но... все дѣло въ томъ, что мнѣній своихъ избѣгаютъ высказывать авторы, которымъ, съ точки зрѣнія ихъ компромиссныхъ взглядовъ, о загробной участи людей рѣшительно нечего сказать. Они могутъ только критиковать, высмѣивать, вышучивать мнѣнія другихъ, обличать ихъ въ непониманіи простыхъ вещей, отыскивать противорѣчія, обвинять во всевозможныхъ ерезяхъ. Выгодная, безопасная позиція нечего сказать, но моральная цѣна ея невысока и пользы дѣлу она принести не можетъ.

Всѣ вообще обвиненія, взводимыя на меня рецензентомъ въ социніанствѣ по вопросу объ искупленіи, въ пантеизмѣ по вопросу о воплощеніи, въ ереси психопаннихитовъ по вопросу о загробномъ состояніи души, въ сантиментальномъ аномизмѣ (боюсь, все ли я перечислилъ) по совѣсти не могу считать серьезными, и считаю ихъ плодомъ воображенія человѣка, находившагося въ моментъ составленія рецензіи въ состояніи аффекта. Обвиненія въ ереси обычный пріемъ о. Свѣтлова, пріемъ затасканный, которымъ онъ пользуется въ своей богословской полемикѣ со всѣми, кто думаетъ иначе. Для оппонентовъ пріемъ этотъ не страшенъ, а о. Свѣтлова отлично характеризуетъ съ моральной стороны, какъ личность не брегающую ролью духовнаго сыщика. По вопросу о чудѣ держусь того мнѣнія, что о. Свѣтловъ признаніемъ сверхъестественности чуда, совершающагося исключительно силою Божіею,¹⁾ создаетъ почву для деистическаго міропониманія и тѣмъ самымъ оказываетъ плохую услугу богословской наукѣ. Касательно объективныхъ признаковъ чуда, я ихъ не отвергаю, о чемъ свидѣлствуютъ 165—166 стр. моей книги. Но опять таки держусь того мнѣнія, что

1) Стр. 161 Курса.

въ дѣлѣ вѣры, слѣдовательно, и для богословской науки, субъективныя доказательства имѣютъ несомнѣнный перевѣсъ передъ объективными. Да и самъ о. Свѣтловъ убѣжденъ въ этомъ, но его обычное служеніе двумъ господамъ сказалось и тутъ: онъ склоняется къ предпочтенію объективныхъ критеріевъ, какъ болѣе важныхъ. Не поэтому ли теперь все меньше и меньше вѣры въ эти объективныя богословскіе критеріи?

Нѣсколько словъ по поводу обвиненія меня въ тайномъ списываніи „нѣсколькихъ страницъ“ изъ двухъ книгъ его о. Свѣтлова. Спѣшу возстановить фактъ въ томъ видѣ, какъ онъ есть. Въ первомъ изданіи первой части моей книги, вышедшемъ въ 1911 году, на стр. 283 со словъ: „Обыкновенно библейскій рассказъ о грѣхопадении“ и т. д. до конца страницы и 12 строкъ слѣдующей 284 страницы всего, стало-быть, 39 строкъ представляютъ большое сходство съ тѣмъ, что сказано въ первомъ изд. Курса Свѣтлова на стр. 184, 185 и 186. Такъ какъ все, что сказано о христіанствѣ въ 1 изданіи цѣликомъ перешло во вторую часть моей книги (О религіи ч. II—Христіанство), вышедшей въ 1915 году, то естественно, все указанное мѣсто оказалось и въ этой книгѣ на стр. 77 и 78. Считаю долгомъ справедливости сказать, что изъ указанныхъ 39 строчекъ 16 строчекъ оказываются даже буквально схожими съ нѣкоторыми строками въ изданіи о. Свѣтлова, а въ остальныхъ несомнѣнное сходство въ мысляхъ. Удостоверяю, что въ означенномъ мѣстѣ, ни въ 1 изд. I части, ни во II части у меня не значится ссылки на Курсъ Свѣтлова, и, такимъ образомъ, къ торжеству о. Свѣтлова, указавшаго изъ 585 страницъ въ обоихъ частяхъ моей книги *цѣлыхъ 19 строкъ*, тайно у него списанныхъ и процитированныхъ, есть достаточная причина. Какъ и чѣмъ объяснить этотъ фактъ, я теперь затрудняюсь, потому что черновики рукописей по изданію I части книги, надъ которыми я сидѣлъ въ 1908-1910 году не сохранились. Возможно и заимствованіе, спорить не могу. При поступленіи на университетскую службу въ 1908 году Курсъ о. Свѣтлова я читалъ очень внимательно и весьма возможно удержалъ въ памяти многое, даже въ выраженіяхъ, особенно въ тѣхъ вопросахъ, надъ которыми и самъ работалъ очень много и долго, когда писалъ статьи для Пастырскаго Собесѣдника

въ 1901 и 1902 году¹⁾. Собственно говоря, особой нужды въ „списываніи“ я не имѣлъ, такъ какъ вопросъ о происхожденіи въ мірѣ зла былъ изслѣдованъ мною въ означенныхъ статьяхъ очень подробно, помимо всякаго вліянія о. Свѣтлова, о Курсѣ котораго въ 1900-1901 году я даже не зналъ. Да и новаго чего нибудь особеннаго въ Курсѣ о. Свѣтлова по вопросу о грѣхопадении не имѣется; всѣ эти мысли высказывались и другими авторами напр. покойнымъ арх. Никаноромъ (въ V т. его словъ) проф. Несмѣловымъ (во II т. „Наука о человѣкѣ“). Слѣдовательно, особенныхъ поводовъ увлечься мнѣніями и даже выраженіями о. Свѣтлова у меня не было и быть не могло. Но въ виду, съ одной стороны, несомнѣннаго сходства въ текстѣ, съ другой, — полной невозможности возстановить его исторію, я считаю долгомъ совѣсти сказать: если о. Свѣтловъ считаетъ не только 16, но и всѣ 39 указанныхъ строкъ своими, пусть они будутъ его и пусть я заимствовалъ ихъ именно у него. Въ слѣдующемъ изданіи книги (если таковое будетъ) я обязуюсь въ этомъ мѣстѣ поставить надлежащую ссылку. Итакъ, отдавъ должное о. Свѣтлову и тѣмъ облегчивъ свою душу, я, для полнаго и вѣщаго торжества истины, не могу не спросить о. Свѣтлова о слѣдующемъ. Первая часть моей книги, гдѣ оказалось заимствованіе, вышла въ 1911 году, и книга моя была послана о. Свѣтлову кажется въ томъ же году, во всякомъ случаѣ не позднѣе 1912 года. Въ отвѣтномъ письмѣ о. Свѣтловъ благодарилъ, написалъ, что будетъ ждать продолженія о (христіанствѣ) и ни однимъ словомъ не упрекнулъ, даже не намекнулъ на заимствованіе.²⁾ Если бы онъ

¹⁾ Пастырскій Собесѣдникъ 1901 годъ: „Ученіе Библіи о сотвореніи міра и человѣка“ № 38, 41, 46, 48; 1902 г.: „Первобытные люди, по ученію Библіи“ № 1, 4, 5, 38, 39; „Библ. ученіе о происхожденіи въ мірѣ зла“ № 43, 44, 46; Слѣдствіе первороднаго грѣха № 47, 48. Изъ № 46 многія мысли и даже отдѣльныя фразы повторены у меня и въ книгѣ.

²⁾ Письмо сохраняю. Считаю необходимымъ отмѣтить еще двѣ интересныя детали. Въ примѣчаніи къ статьѣ „Книга безъ автора“ (Отд. Хр. Іюнь, стр. 774), въ которой о. Свѣтловъ скрылъ себя подъ инициалами П. С. онъ утверждаетъ, что я заимствовалъ у него двѣ страницы (77-78), а въ рецензій, подписанной полной фамиліей, двѣ страницы вырѣбли уже въ нѣсколько страницъ (Декабрь стр. 1094). При этомъ въ рецензій о. Свѣтловъ съ видомъ огорченной добродѣ-

это сдѣлалъ, я устранилъ бы свой промахъ во второй части, за который теперь получаю выговоръ. Почему же онъ этого не сдѣлалъ во время? Почему? Отвѣтъ тотъ же самый, что и раньше; потому что въ I изд. о. Свѣтловъ названъ „съ одобреніемъ“, а въ II части Галаховъ взялъ смѣлость съ нимъ не согласиться. Если бы этого несогласія не было, не было бы и обличенія въ заимствованіи, не было бы обличенія въ ересяхъ и проч., не было бы самой рецензіи. Предоставляю судить читателямъ о качествахъ такихъ рецензій. Главная ихъ цѣль вовсе не интересъ богословской науки, а возстановленіе собственнаго престижа и непомерное, патологическое самолюбіе.

Пора кончить эту страницу изъ исторіи Университетскаго богословія.

Пусть о. Свѣтловъ занимается войною съ богословами, которые и не думали объявлять войну его богословію. Значеніе трудовъ его имѣло мѣсто въ свое время въ богословской наукѣ, но онъ и самъ теперь сознаетъ ихъ практическую непригодность. И пусть онъ не благодаритъ Бога за все, что онъ написалъ; это фарисейская благодарность. Алѣветъ заря, загорается востокъ, наступаетъ новый день и въ богословіи. Уже и догматика, прежняя схоластическая система догматовъ превращается въ міровоззрѣніе, въ глубокую по смыслу, жизненную философію, въ которой сухая безплодная софистика уступаетъ мѣсто живому оплодотворенному опыту богопознанію. Уже въ нравственномъ богословіи замѣтенъ и даже сдѣланъ поворотъ въ сторону индивидуальнаго творчества, внутренняго опыта, и уже появились цѣлыя системы, построенныя по этому принципу.

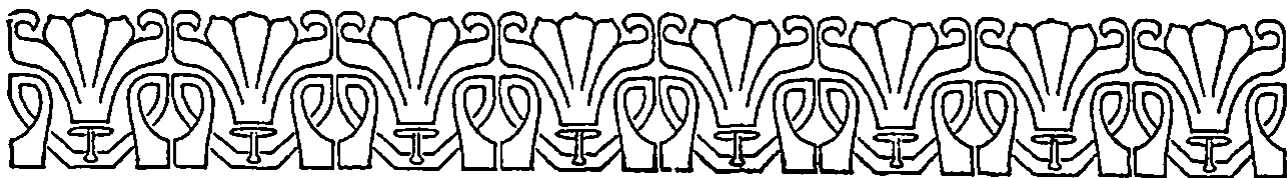
тели указываетъ на свою же статью, какъ на чужую и пишетъ: „это отчасти отмѣчено въ ст. П. С. Книга безъ автора. Отд. Хр. 1915“. Чья же это статья, о. Свѣтловъ? Зачѣмъ такъ лицемѣрить? Въ этомъ же примѣчаніи полуанонимной статьи полемическіе приемы критики пахнутъ явной диффамацией. Онъ говоритъ, что мои 161-163 стр. есть пересказъ 158-159 стр. его Курса (I изд.) и 631-640; 645-647 стр. Христ. Вѣроуч. т. I. Заявляю, что это ложь, которую отецъ Свѣтловъ не осмѣлился повторить въ рецензій. Всякій можетъ убѣдиться въ этомъ, кто прочтаетъ указанныя мѣста у меня и у Свѣтлова. 4

И даже въ апологетикѣ, которой не принесъ никакой пользы рациональный полемическій методъ, живой религіозной опытъ считается теперь единственнымъ способомъ познанія и защиты основныхъ христіанскихъ истинъ. Вотъ какой путь намѣчается въ сферѣ православной богословской науки. Этимъ путемъ, а не какимъ другимъ должно идти и университетское богословіе.

Профессоръ Протоіерей *Іаковъ Галаховъ*.

Томскъ. 1916 г. Февраля 29 д.





Тайна искупленія*).

Къ вопросу о натоличёсной окраскѣ этой тайны въ нашихъ учебникахъ.

Въ катихизисѣ, въ объясненіи 4-го члена символа вѣры, между прочимъ ставится такой вопросъ: „какимъ образомъ крестная смерть Іисуса Христа избавляетъ насъ отъ грѣха, проклятiя и смерти?“.

Предметомъ моего доклада служить возможно полное освѣщеніе этого вопроса.

Извѣстенъ отвѣтъ на этотъ вопросъ въ катихизисѣ: „дабы мы удобнѣе могли вѣровать сей тайнѣ, говорится тамъ, слово Божіе... См. Пространный Катихизисъ м. Филарета.

(Оо. законоучители!) Едва ли кто-либо (изъ васъ) не задумывался надъ этимъ вопросомъ и надъ этимъ отвѣтомъ, задумывался не только надъ тѣмъ, какъ уяснить эту тайну дѣтямъ, то и надъ тѣмъ, какъ вообще осмыслить ее въ своемъ сознаниі?

Обратимъ сначала вниманіе на вторую половину отвѣта. Здѣсь помимо общей глубины затрогиваемаго вопроса рѣзко бросается въ глаза какая-то странная терминологія: здѣсь говорится о „цѣнѣ“ страданій Христовыхъ и опредѣляется эта „цѣна“ какъ безконечная; здѣсь говорится объ „удовлетвореніи правосудію Божію“, о „безмѣрной заслугѣ“ Іисуса Христа; говорится, наконецъ, о „правѣ“ Его, приобретенномъ страданіями. Съ подобной-же странной терминологіей въ приложеніи ко Христу и къ уясненію тайны спасенія мы встрѣчаемся и во всѣхъ учебникахъ, изъясненія христіанскаго вѣроученія.

*) Докладъ на съѣздѣ законоучителей Харьк. Епархіи 29 декабря 1915 г.

Мы свыклись съ этими понятіями, поэтому они и не рѣжутъ намъ ухо, но стоитъ только минуту задуматься надъ ними, чтобы увидѣть, что они не только не уясняютъ раскрываемой тайны, но наоборотъ, безнадежно затемняютъ ее; они искажаютъ христіанское представленіе о Богѣ и Сынѣ Божіемъ и вносятъ страшную путаницу во все христіанское міровоззрѣніе.

Въ самомъ дѣлѣ, если Богу необходимо удовлетвореніе и непремѣнно полное, то онъ уже не Богъ любви, а суровый повелитель, который не знаетъ прощенія, а только полностію *ищетъ своего*,—и это по отношенію къ Сыну-Своему? Какой отецъ способенъ на такое безсердечіе?! Если Сынъ Божій долженъ явить безконечную *заслугу* предъ Богомъ Отцемъ, то Сынъ уже не Сынъ, а наемникъ и Отецъ—не отецъ, а господинъ; ибо какой отецъ требуетъ, чтобы сынъ, *заслужилъ* у него любовь? Да и заслуженная любовь развѣ —любовь?! Нѣтъ, это воздаяніе, плата за заслугу, а не любовь. А *право Христа, приобрѣтенное страданіями*?! Развѣ это не ужасъ?! Отецъ требуетъ, чтобы сынъ пострадалъ, видитъ эти страданія, расцѣниваетъ и когда находитъ, что они безконечно велики, тогда даетъ сыну *право* на спасеніе всѣхъ людей?! А развѣ можно перекладывать отвѣтственность за грѣхи виновныхъ на невиннаго? Здѣсь уже исчезаетъ даже и самое это право, не только любовь...

Какъ все это и подобное могло быть? Откуда пришли къ намъ эти странныя, порочащія имя Божіе, идеи и почему они не только вторглись въ наши учебники, но и у многихъ царятъ въ головахъ?

Отвѣтъ кратокъ: изъ Рима все это, отъ католиковъ,—мы имѣемъ дѣло здѣсь, какъ теперь принято выражаться, съ католическимъ засиліемъ. Причина-же, почему эти идеи утвердились у насъ, въ нашемъ богословскомъ безсиліи, въ томъ, что они нашли пустое мѣсто въ нашемъ научномъ христіанскомъ міровоззрѣніи и заняли его, ибо вопросъ о спасеніи, особенно въ части его: *какимъ образомъ, процессомъ* то, что совершилъ Христосъ—*касается каждаго изъ насъ*,—принадлежитъ къ числу самыхъ неясныхъ, мало освѣщенныхъ.

Но почему подобныя идеи царятъ въ католическомъ богословіи? Потому что богословіе тамъ, какъ и все, при-

няло общую народную окраску и развивается въ унисонъ съ общимъ направлениемъ и строемъ жизни древле-державнаго Рима.

Извѣстно, что христіанство съ самыхъ первыхъ своихъ историческихъ шаговъ столкнулось съ Римомъ и по необходимости должно было считаться съ римскимъ духомъ и римскимъ способомъ и складомъ мышления. А Римъ, это—какъ извѣстно, носитель и выразитель идеи права, закона. Право (*jus*) было основной стихіей, въ которой вращались всѣ его понятія и представленія: *jus* было основой его личной жизни, оно-же опредѣляло и всѣ его семейныя, общественныя и государственныя отношенія. Религія не составляла исключенія,—она была тоже однимъ изъ примѣненій идеи юридической. Становясь христіаниномъ, римлянинъ и христіанство старался понять именно съ этой стороны,—онъ и въ немъ искалъ прежде всего состоятельности юридической. Такъ христіанское ученіе о *тожествѣ добродѣтели и блаженства* постепенно вылилось въ полу-языческую юридическую систему о трудѣ и наградѣ за трудъ,—лейтъ-мотивъ всего католичества. А гдѣ трудъ и награда за трудъ, тамъ уже неизбежно—разсчетъ, арифметика; тамъ непременно и заслуга, и удовлетвореніе, и искупленіе въ католическомъ смыслѣ, какъ выкупъ, т. е. уплата въ такомъ именно количествѣ, какое требуется; словомъ, тамъ качественныя отношенія замѣняются количественными [пропорціями и вмѣсто великой тайны сострадающей любви Божественной подставляется логическая система юридическихъ, наемническихъ отношеній.

Юридическій союзъ всегда есть показатель наличной нравственной несостоятельности: гдѣ оскудѣваетъ любовь, тамъ на престолъ ея садится право. Когда вы чувствуете свое безсиліе достигнуть цѣли путемъ нравственнаго только воздѣйствія, вы прибѣгаете къ помощи права. Такъ и всегда бывало. Юридическій союзъ возникаетъ тогда, когда одному человѣку или семейству оказывается не подъ силу бороться съ окружающимъ его міромъ, чтобы обезпечить себѣ извѣстную долю благополучія, человѣкъ и входитъ въ уговоръ съ другимъ человѣкомъ, находящимся въ такомъ же положеніи. Они принимаютъ на себя взаимныя обязательства, и работаютъ на общую пользу. Но это общеніе совсѣмъ не

общеніе любви, не нравственный союзъ; эти люди служатъ другимъ только потому, что иначе имъ не получить того, чего они желаютъ себѣ. Цѣль ихъ жизни не общество, а свое собственное „я“. Юридическій строй, такимъ образомъ, имѣетъ своей задачей сопоставить нѣсколько эгоизмовъ такъ, чтобы эгоисты не мѣшали другъ другу, и чтобы каждый изъ нихъ получалъ слѣдующую ему долю. Какъ такой, юридическій строй можетъ представить выгоды только себялюбію. Первая его выгода въ томъ, что онъ вмѣсто живаго союза предлагаетъ холодный, внѣшній. Для государства или моихъ согражданъ не особенно важно, каково мое внутреннее настроеніе, для ихъ существенно лишь мое внѣшнее поведеніе, потому что только это послѣднее касается ихъ благополучія, выражаетъ мое отношеніе къ нимъ. Это, конечно, унижаетъ личность, превращая ее въ бездушный винтъ общественной машины, но это-же даетъ человѣку такую свободу, или лучше сказать, такой произволъ въ душевной жизни, какого онъ не можетъ получить ни при какомъ другомъ страхѣ, въ особенности въ нравственномъ. Нравственный союзъ требуетъ соотвѣтствія нравственнаго, проникаетъ со своими требованіями и указаніями въ самое святилище человѣческой совѣсти. Юридическій же строй туда не проникаетъ никогда, довольствуясь соблюденіемъ внѣшнихъ рамокъ и оставляя человѣка тайнымъ господиномъ внутри себя. Этотъ произволъ увеличивается сознаніемъ полной независимости или необязанности никому своимъ благополучіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если другіе служатъ человѣку чѣмъ-либо, то онъ знаетъ, что они служатъ не изъ расположенія къ нему, а изъ необходимости или изъ желанія блага прежде всего себѣ. За эту службу они получаютъ столько-же и съ его стороны; отношенія уравнены, ему; слѣдовательно, не приходится считать никого своимъ благодѣтелемъ. Правда, это обрекаетъ человѣка на страшное одиночество, но себялюбіе и есть одиночество по существу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ высшее значеніе въ глазахъ человѣка и всѣ тѣ услуги, даже самыя незначительныя, которыя онъ оказываетъ своимъ союзникамъ. Услуги эти дѣлаются, въ сущности, помимо желанія блага другому не изъ любви къ союзнику, а просто изъ желанія получить

равное вознагражденіе. Поэтому человекъ и требуетъ себѣ этого вознагражденія, требуетъ, какъ должнаго, и будетъ считать себя въ правѣ мстить, если это вознагражденіе не послѣдуетъ. Чувства признательности въ собственномъ смыслѣ нельзя найти въ душѣ эгоиста. Поэтому и увѣренность, на которой зиждутся всѣ союзы, не имѣетъ тѣхъ свойствъ, какъ въ союзѣ нравственномъ. Въ послѣднемъ это—радостное и вмѣстѣ смиренное упованіе,—въ первомъ же это скорѣе увѣренность въ томъ, что союзникъ не можетъ обмануть, такъ какъ есть извѣстное ручательство, въ силу котораго онъ нѣкоторымъ образомъ принуждается исполнять обязательство. Тамъ увѣренность покоится на свободномъ желаніи личности, и отсюда—постоянная благодарность къ ней,—здѣсь же на чемъ-то третьемъ, что принуждаетъ личность, и отсюда благодарности нѣтъ, а есть одно эгоистическое чувство безопасности. Человекъ теряетъ ту „свободу чада Божія“, которая составляетъ высшее достоиніе его,—но для эгоизма эта свобода слишкомъ тяжела, чтобы онъ не промѣнялъ ее на рабство, лишь-бы оно оставило его при его желаніяхъ.

Не трудно видѣть, что можетъ произойти, если человекъ, съ точки зрѣнія этой юридической, законнической теоріи, станетъ разсматривать свои отношенія къ Богу.

Главная опасность юридической теоріи въ томъ, что при ней человекъ можетъ считать себя, какъ-бы въ правѣ не принадлежать Богу всѣмъ своимъ сердцемъ и помышленіемъ: въ юридическомъ союзѣ такой близости не предполагается и не требуется; тамъ нужно соблюдать только внѣшнія условія союза, вопреки слову Апостола: „я ищу не вашего, а васъ“ (2 Кор. XII,—14). Человекъ можетъ и не любить добра, можетъ оставаться прежнимъ себялюбцемъ, онъ долженъ только исполнять заповѣди, чтобы получить награду. Это какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ тому наемническому, рабскому настроенію, которое дѣлаетъ добро только изъ-за награды, безъ внутренняго влеченія и тяготѣнія къ нему. Правда, это состояніе подневольнаго добродѣланія необходимо переживается всякимъ подвижникомъ добродѣтели и не одинъ разъ въ его земной жизни, но это состояніе никогда не должно возводиться въ правило, это

только предварительная ступень; цѣль-же нравственнаго развитія въ добродѣланіи совершенномъ, произвольномъ. Юридическая теорія тѣмъ и грѣшитъ, что она это предварительное, подготовительное состояніе освящаетъ въ качествѣ законченнаго и совершеннаго. А разъ освящено наемническое отношеніе къ волѣ Божіей, этимъ раскрыта дверь для всѣхъ тѣхъ практическихъ и теоретическихъ выводовъ, которые съ необходимостію изъ этого отношенія слѣдуютъ.

Это все со всѣми послѣдствіями произошло именно въ католичествѣ. Предметомъ упованія здѣсь, строго говоря, является не милость Божія, а собственныя силы человѣка, ручательствомъ-же, тѣмъ третьимъ, что обязываетъ союзника, служить для человѣка его собственныя дѣла, какъ заслуги. Притомъ достоинство 'заслуги приписывается не добродѣтелямъ или постояннымъ расположеніямъ души, а отдѣльнымъ внѣшнимъ *поступкамъ*, которые, въ свою очередь, наемническое настроеніе постарались по возможности сократить и сдѣлать наиболѣе формальными, по естественному въ наемникѣ желанію достигнуть своей платы съ возможно меньшей затратой силъ ¹⁾.

Въ рамкахъ этой-то юридической теоріи великая тайна спасенія чрезъ воплощеніе Сына Божія отлилась въ уродливую форму „искупленія“ въ католическомъ смыслѣ этого понятія съ ученіемъ о безконечномъ удовлетвореніи Бога Отца цѣною безконечныхъ заслугъ сына Божія.

Наша богословская наука лѣтъ 200 тому назадъ пришла къ намъ изъ западной школы и донинѣ несетъ тяжелое ярмо этого вліянія. Наши богословы стараго времени обычно избирали такой путь для выраженія православной истины: они брали готовые трактаты западныхъ ученыхъ и думали найти православіе путемъ отрицанія тѣхъ ихъ выводовъ, которые противорѣчатъ православнымъ символическимъ книгамъ. Для „полноты изслѣдованія“ брали иногда трактаты изъ обоихъ враждующихъ лагерей (католичество и протестантство) и, ставя ихъ одинъ противъ другого, такъ сказавъ, сокращая ихъ одинъ на другой, думали въ остаткѣ

¹⁾ См. объ этоѣ Арх. Сергія: „разборъ инославныхъ ученій объ оправданіи. Богосл. Вѣстникъ, 1895 г. Апрель.

получить православіе. Понятно, что могли они получить въ результатѣ отъ подобнаго приема. Вотъ почему, не говоря уже про Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича, такой великій святитель, какъ овятой Димитрій Ростовскій, оказался не застрахованнымъ отъ этого западнаго вліянія, что было обнаружено въ его „Четвухъ Минеяхъ“, когда онъ ихъ представилъ въ Москву. Святитель послѣ исправилъ ихъ. Мы знаемъ, что даже кристаллически-прозрачный умъ Филарета Московскаго не могъ вполнѣ освободиться отъ этого вліянія и отразилъ его какъ въ отдѣльныхъ рубрикахъ катихизиса (напр. служеніе Христа), такъ и въ общей окраскѣ тайны спасенія.

Перейдемъ теперь къ положительному освѣщенію нашего вопроса.

Если терминологія катихизиса, въ вышеприведенныхъ выраженіяхъ, а за нимъ и большинства учебниковъ въ освѣщеніи этого вопроса явно западническая, юридическая, то какъ-же мыслить тайну искупленія въ строго православномъ духѣ?

Обращаемся къ первой половинѣ того отвѣта въ катихизисѣ, съ котораго мы и начали свою рѣчь. „Дабы мы удобнѣе могли вѣровать сей тайнѣ, говорится здѣсь, слово Божіе вразумляетъ насъ о ней, сколько вмѣститъ можетъ, чрезъ сравненіе Іисуса Христа съ Адамомъ“... Здѣсь и далѣе нѣтъ, конечно, ничего католическаго; здѣсь мало только ясности. Что чрезъ Адама, какъ „естественнаго главу“, или, сказали-бы мы, корень всего человѣчества, зараза грѣха распространяется на всѣхъ людей,—это вполнѣ понятно,—если поврежденъ корень, то это поврежденіе скажется и на стволѣ и на вѣтвяхъ и на каждомъ листкѣ дерева;—но какимъ образомъ, какимъ прогрессомъ „заслуга“ Христа передается всѣмъ людямъ,—и современникамъ Его, и бывшимъ до Него, и будущимъ послѣ Него? Адамъ соприкасается съ каждымъ изъ насъ чрезъ безконечную цѣпь преемственныхъ рожденій,—какимъ-же путемъ соприкасается съ каждымъ изъ насъ Второй Адамъ, Христосъ Спаситель? Отвѣтъ: „посредствомъ вѣры“, если и вѣренъ по существу, то во всякомъ случаѣ недостаточенъ, ибо вѣра—это мое и отъ меня, Господь-же даровалъ намъ спасеніе отъ Себя.

вѣра можетъ быть, а можетъ и не быть (въ зависимости отъ чего спасется, или не спасется то или другое лице), спасеніе-же отъ Спасителя дано объективно всему человѣчеству и объективно касается всякаго человѣка безотносительно къ тому, повѣритъ человѣкъ или нѣтъ. Словомъ, то, что далъ каждому человѣку Христосъ, это *ранѣе вѣры*, вѣра-же есть только отвѣтъ на это Божественное „толку въ сердце“. Итакъ, что-же это такое далъ Христосъ каждому человѣку и какимъ образомъ этотъ даръ Спасителя передается, всѣмъ,—и бывшимъ, и настоящимъ и будущимъ людямъ?

Второй Адамъ даровалъ намъ то, что мы потеряли въ первомъ, именно *единеніе* съ Богомъ, непосредственное Богообщеніе. Сущность грѣхопаденія состоитъ въ *отдѣленіи* отъ Бога, въ потерѣ „дерева жизни“, этого, по выраженію митрополита Филарета „величественнаго образа благодатной жизни въ Богѣ“ (Зак. на Быт. т. I,—41). Первые люди до паденія „бесѣдовали съ Богомъ“, а послѣ паденія были изгнаны изъ этого рая непосредственнаго общенія съ Богомъ, *отдѣлились отъ Него*, захотѣли жить сами, безъ Бога, не по заповѣди ограниченія своей чувственной природы и подчиненія ея духовной (заповѣдь о не вкушеніи плодовъ съ дерева познанія добра и зла), а по закону преобладанія чувственности надъ духомъ. День нарушенія первыми людьми райской заповѣди былъ страшнымъ *днемъ рожденія въ мѣртъ эгоизма*, т. е. *обособленія, горделивой самости*, днемъ перемѣщенія центровъ: прежде центромъ жизни былъ Богъ, теперь этотъ центръ человѣкъ поставилъ въ самомъ себѣ. Отсюда и вся катастрофа перваго грѣхопаденія; отдѣлившись отъ Существа всесовершеннаго, люди обрекли себя на всевозможныя несовершенства во всѣхъ отношеніяхъ; переставши быть *единными въ Богѣ*, они обрекли себя на *дробную множественность* съ эгоистическимъ вытѣсненіемъ всѣми всѣхъ и каждымъ cadaго. Нравственное отдѣленіе отъ Бога, потеря единаго центра жизни въ Богѣ, повела къ раздѣленію нравственному людей между собою.

Произошло нѣчто подобное тому, что происходитъ въ мѣртъ въѣщнемъ; мы отдѣлены другъ отъ друга, мы не едины потому, что насъ раздѣляетъ пространство и время. Я не могу чув-

ствовать, воспринимать присутствіе того, кто отъ меня далеко, просто потому, что мои чувства коротки. То-же и со временемъ: *ощутительно*, я нахожусь съ этимъ если не въ единеніи, то во всякомъ случаѣ—въ *жизненномъ общеніи*. Того-же, что прошло, я уже не чувствую, я сохраняю о немъ въ лучшемъ случаѣ только воспоминаніе. Еще, уже моя граница по отношенію къ будущему; здѣсь нѣтъ даже и воспоминаній и вообще никакого общенія, кромѣ эпизодическихъ и въ общемъ очень рѣдкихъ предчувствій и т. п. Если мы станемъ на точку зрѣнія Кантовскаго да и вообще, по моему мнѣнію неоспоримаго положенія, что пространство и время внутри насъ, что это субъективныя формы, *способы* воспріятія нами въ сущности единаго бытія, тогда указанное сравненіе будетъ болѣе, чѣмъ только сравненіе. Въ немъ наглядный показатель внутренней стороны дѣла, той катастрофы, которую произвелъ въ мірѣ эгоизмъ, разбившій людей на замкнутые въ себя особи и потому введшій ихъ въ полосу смерти.

Вотъ что было потеряно въ первомъ Адамѣ и это все было восстановлено во Второмъ Адамѣ.

Какимъ-же путемъ и способомъ?—Путемъ воплощенія Сына Божія: когда человѣкъ въ лицѣ Адама не захотѣлъ быть сыномъ Божиимъ, тогда Единородный Сынъ Божій захотѣлъ стать Сыномъ Человѣческимъ; чтобы потерянное (Богообщеніе) чрезъ искушеніе диавольское восстановить любовь Божественной.

Положеніе значительно здѣсь осложнилось тѣмъ, что въ паденіи, кромѣ искушенія діавола, участвовала и свобода человѣка; значитъ и въ восстановленіи кромѣ дара отъ Бога долженъ быть и подвигъ свободы.

Итакъ, по любви къ падшему творенію Сынъ Божій становится Сыномъ Человѣческимъ и черезъ то *возсоединяетъ все человечество съ Богомъ*. Какимъ-же образомъ?

Тайна здѣсь въ любви, а процессъ ея приложенія раскрывается въ наименованіи Спасителя. Сыномъ Человѣческимъ. Обратимся къ выясненію послѣдняго понятія.

Извѣстно, что Господь постоянно называлъ Себя Сыномъ Человѣческимъ. Имя это было пзвѣстно евреямъ. У

пророка Іезекииля, напр. каждая глава (за исключеніемъ тѣхъ, которыя служатъ продолженіемъ) начинается обращеніемъ: „Сынъ Человѣческій!“ значитъ—человѣкъ въ лучшемъ и совершенномъ смыслѣ этого понятія, человѣкъ; не утратившій связи своей съ людьми и чувствующій къ нимъ свой человѣческій долгъ.

Нѣсколько въ иномъ и именно болѣе широкомъ смыслѣ говорится о „Сынѣ Человѣческомъ“ у пророка Даніила въ 7 главѣ. Тамъ подъ образомъ разныхъ звѣрей выводятся разныя культуры и народности и говорится, что „у звѣрей этихъ была отнята власть ихъ, и продолженіе жизни дано имъ только на время и на срокъ... И вотъ, продолжаетъ пророкъ „видѣлъ я, какъ облаками небесными шелъ какъ-бы Сынъ Человѣческій, дошелъ до Ветхаго днями и подведенъ былъ къ нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы всѣ народы, племена и языки служили ему; владычество Его—владычество вѣчное, которое не преѣдетъ, и царство Его не разрушится“ (7,—12—14).

Несомнѣнно, въ этомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ Вѣчнаго Царя, который пришелъ для того, чтобы воцариться надъ всѣмъ временнымъ, называетъ Себя Сыномъ Человѣческимъ Іисусъ Христосъ; и потому именно *Онъ вѣчный Царь* надъ всѣмъ человѣчествомъ, что *Онъ—Сынъ Человѣческій*.

Въ самомъ дѣлѣ, Сынъ Человѣческій, это значитъ—*Сынъ человечества*, т. е. всего рода человѣческаго; значитъ Онъ въ ближайшемъ родствѣ, единеніи находится со всѣмъ человѣчествомъ и съ каждымъ человѣкомъ. И въ этомъ, конечно, причина того, что Онъ страдаетъ за все человѣчество и спасаетъ всѣхъ людей, ибо ближайшее родство, это почти то-же, что *единеніе жизни*; секретъ-же единенія жизни заключается въ *тайнѣ любви*.

Не напрасно говоримъ мы, что опредѣленіе: „Богъ—любы есть“ есть наиболѣе совершенное изъ всѣхъ опредѣленій жизни Божественной. Да, въ любви все,—и законъ и пророки, и религія и нравственность и объясненіе всѣхъ догматовъ, въ любви-же Божественной и тайна спасенія, искупленія Богочеловѣкомъ Іисусомъ Христомъ всего рода человѣческаго.

Какимъ образомъ?

Нетрудно уяснить это по живымъ примѣрамъ жизни.

Гдѣ любовь, тамъ *единеніе жизни*, тамъ *любящій живетъ жизнью любимого* и изъ *двухъ жизней* получается *одна*. Въ самомъ дѣлѣ, смотрите: вотъ мать и ребенокъ,— ихъ соединяетъ самая чистая земная любовь. Заболѣлъ ребенокъ и матери больно, даже физически больно; весело ребенку и матери весело. Ребенокъ—это въ собственномъ смыслѣ кусочекъ матери и существуетъ онъ отдѣльно отъ нея, какъ-бы, по недоразумѣнію. По несовершенству чловѣческому это единеніе жизней, да и то въ очень относительной степени, существуетъ только въ маленькомъ кругу ближайшихъ родственниковъ. Совершенствованіе духовное расширяетъ этотъ кругъ: у святаго шире сердце и глубже внутренняя связь со всѣми. И вотъ воплощается на землѣ Любовь Божественная, *всесовершенная*,—что должно быть слѣдствіемъ этого?—Должно быть единеніе Воплотившагося со всѣми, единеніе столь полное, что Онъ будетъ жить жизнью всѣхъ, т. е. переживать эту жизнь всѣхъ, какъ Свою, и сообщать Свою жизнь всѣмъ, поскольку они ее принять желаютъ и могутъ.

Это и произошло именно въ воплощеніи Сына Божія, и этимъ именно путемъ и процессомъ Божественная жизнь Христа сообщается всѣмъ людямъ, всѣмъ и бывшимъ до Христа (вывелъ изъ ада вѣровавшихъ въ Него) и бывшимъ во времена Христа и тѣмъ, которые были или будутъ послѣ, потому что прославившійся Богочеловѣкъ Христосъ вышелъ изъ условій пространства и времени и для Него нѣтъ уже ничего бывшаго и будущаго, а есть только всегда пребывающее:

Такимъ образомъ, искупительная жертва Иисуса Христа не правовая сдѣлка, гдѣ невинный, какъ-бы, платитъ Богу долгъ за другихъ, виновныхъ и такимъ образомъ удовлетворяетъ божественное правосудіе, а полнота любви Божественной, т. е. самопожертвованія Божественнаго, *благодаря чему Христосъ пережилъ жизнь всѣхъ* или—что то же—*пострадалъ за всѣхъ*.

Если у матери, допустимъ, есть десять сыновей, которые ставятъ ее ни во-что и ведутъ распутную жизнь,—она ихъ вразумляетъ, она ихъ учитъ примѣромъ своей жизни и, видя безрезультатность всего этого, она молчаливо и

безутѣшно страдаетъ, страдаетъ за *нихъ*, въ своей душѣ—*не отълаетъ ихъ, а переживаетъ*,—значить, *невинно страдаетъ!*—страдаетъ не для удовлетворенія кого-либо, а потому, что *любитъ*. Эти страданія ея потому, конечно, такъ трогательны и сильно-дѣйственны, что они невинны и смиренны, и въ этомъ ихъ глубоко-нравственное *оживляющее* значеніе. Быть можетъ, дѣти и не исправятся или не всѣ исправятся, но любовь эта не пропадетъ даромъ, и первое условіе ея дѣйствія—это то, чтобы сынъ *повѣрилъ* въ нее, хотя-бы не много *почувствовалъ, что она есть*, далъ ей точку приложенія въ своемъ сердцѣ. Если это достигнуто, если эта любовь почувствована хотя-бы отчасти, то заложено начало *новой жизни*, которая, развиваясь, неизбежно проявится въ *подвигъ борьбы* съ противными началами и выразится, какъ постепенный ростъ нравственнаго совершенствованія, какъ все большее и большее *уподобленіе* той любви, которая зародила эту жизнь.

Подобное происходитъ и въ дѣлѣ спасенія людей крестною жертвою (а не заслугами!) Христа Спасителя.—Богъ вразумлялъ людей чрезъ законъ и пророковъ, далъ живой примѣръ жизни Богочеловѣка въ Лицѣ воплотившагося Сына Божія, сталъ Богочеловѣкомъ, т. е. *человѣкомъ обожившимся*, значить, *чуждымъ эгоизма, отдѣленія, грѣха* и потому жившимъ *о жизни всѣхъ людей* и значить, страдавшимъ всѣми *ихъ страданіями*, т. е. невинно, ибо Самъ грѣха не сотворилъ. И чрезъ все это не только указалъ на нуть жизни Своимъ ученіемъ и Своимъ живымъ примѣромъ, но и *даровалъ самую жизнь—любовь Божественную* во всей ея безконечной безпредѣльности, во всей ея всеобъемлющей и всеобъединяющей полнотѣ.

Люди, какъ сотворенные по образу Божію, имѣли любовь и по грѣхопадению, но они заключили ее въ тѣсную кору эгоизма и поставили центръ ея внутри себя, въ своемъ „я“; они забыли, что любовь есть жизнь всеобъединяющая и, не имѣя живаго факта, примѣра этой любви, плохо понимали ее, какъ таковую, изъ теоретическаго Богодуховеннаго ученія. Тогда Господь раскрылъ эту любовь въ жизни, именно какъ жизнь Божественную, всеобъединяющую, т. е. далъ ее, *какъ фактъ, какъ величайшую воа-*

рождающую силу, призывая прежде всего всѣхъ къ тому, чтобы *увѣрвали въ Него*, т. е. открыли свое сердце для принятія этой жизни Божественной. И какъ порочный сынъ, впервые почувствовавшій величіе и силу сострадательной любви къ нему матери, съ этого момента вступаетъ съ нею въ нѣкоторое *иное, духовное единеніе*, какъ-бы узнавши ее съ другой, прежде невѣдомой стороны, и *получивши въ этомъ силу* для борьбы съ прежними своими страстями, такъ и вѣрующій чрезъ вѣру во Христа вступаетъ въ новое, прежде невѣдомое общеніе съ Нимъ, почерпая въ источникъ Его Божественной жизни новыя силы для борьбы съ ветхимъ человѣкомъ и для возрастанія новаго по идеалу уподобленія Христу. „Подобни мнѣ бывайте, яко-же и азъ Христу“, говоритъ Апостоль Павелъ. „Знаемъ, говоритъ Апостоль любви, что когда откроется (полнота жизни), будемъ подобны Ему“ (Іоан. 3,—2). Не равны, не то-же, что Христосъ, а подобны Ему по настроенію; ибо одно дѣло быть равнымъ, другое—подобнымъ. Это и есть спасеніе, обоженіе, т. е. возможное для человѣка воспріятіе жизни Божественной.

Вступивши въ единеніе со Христомъ чрезъ вѣру въ Него (кому вы довѣряете, съ тѣмъ всегда по мѣрѣ довѣрія вступаете въ единеніе), вѣрующій становится общникомъ Его жизни, поскольку вмѣстить ее можетъ, т. е. членомъ Его духовнаго тѣла или Церкви, въ которой все приспособлено для сокращенія человѣка ветхаго и для возрастанія новаго.

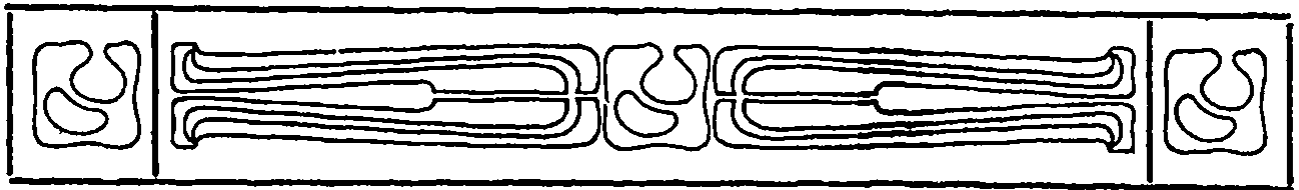
Здѣсь и осуществляется субъективно, т. е. въ каждомъ субъектѣ, великая тайна искупленія. Какъ солнце вызываетъ развитіе жизни лишь въ томъ, что живо, мертвое-же по природѣ остается такимъ-же, какъ-бы сильно оно лучами солнца ни согрѣвалось; такъ и Солнце Правды (т. е. оправданія) Христосъ Спаситель спасаетъ, можетъ спасти, т. е. оживить Своею Божественною жизнію только тѣхъ, которые пожелаютъ принять Его. Объективно Онъ пережилъ жизнь всѣхъ и, значить, для всѣхъ открылъ Свою Божественную жизнь,—какъ солнце освѣщаетъ все,—субъективно-же она оживляетъ только тѣхъ, которые вѣрою и подвигомъ жизни ее воспринимаютъ. Здѣсь нѣтъ ни заслугъ,

ни удовлетворенія, ни наемнической расцѣпки, — здѣсь только одна любовь, возстановляющая единеніе, порванное паденіемъ. Человѣкъ безъ общенія съ Богомъ захотѣлъ быть равнымъ Богу, — въ этомъ катастрофа, обособленіе, отдѣленіе отъ жизни Божественной; Богъ по любви къ падшему созданію сталъ человѣкомъ, — въ этомъ искупленіе спасеніе, воссоединеніе съ жизнію Божественной природы человѣка.

Итакъ, въ любви рѣшеніе вопроса, а не въ заслугахъ и правѣ, въ любви-же и освѣщеніе того, *какимъ образомъ* смерть Іисуса Христа спасаетъ насъ отъ грѣха, проклятія и смерти, т. е. отъ богоотчужденія.

Свящ. І. Дмитревскій.





Божественное самоуничиженіе *).

Мы часто говоримъ о самоуничиженіи Сына Божія, Господа Іисуса Христа, который смирилъ „Себе, послушливъ бывъ до смерти, смерти же крестныя“. Но мы почти не обращаемъ вниманія на то, что и Самъ Богъ Отецъ еще раньше, чѣмъ Сынъ, тоже добровольно уничижилъ Себя для того, чтобы сдѣлаться доступнымъ слабому, немощному человеку: свое Божественное откровеніе, это драгоцѣнное сокровище Онъ заключилъ въ грубый скудельный сосудъ, какимъ былъ еврейскій народъ въ ветхомъ завѣтѣ, а не избралъ для храненія этого сокровища болѣе достойнаго помѣщенія.

Эта-то мысль о самоуничиженіи Бога Отца и будетъ темой моего доклада.

Еврейскій народъ удостоился стать избраннымъ народомъ Божиимъ и этому народу ввѣрены быша словеса Божія. Почему? Онъ стоялъ выше другихъ народовъ древности? Онъ былъ болѣе способенъ къ воспріятію Божественнаго откровенія?

*) Докладъ на съѣздѣ законоучителей Харьковской епархіи 29 декабря 1915 г.

Примѣч. ред. Помѣщая настоящій докладъ, считаемъ нужнымъ заявить, что не можемъ согласиться со всѣми положеніями и выводами докладчика, не признаемъ вполнѣ правильными его объясненія нѣкоторыхъ библейскихъ фактовъ и характеристики нѣкоторыхъ библейскихъ лицъ. Основательныя возраженія были сдѣланы докладчику на самомъ съѣздѣ, особенно Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Антоніемъ; ихъ читатель найдетъ въ протоколахъ съѣзда, помѣщаемыхъ въ приложеніи къ наст. кн. журнала, —туда мы его и отсылаемъ. Интересующимся можемъ еще указать печатающуюся въ нашемъ журналѣ, по поводу нападокъ проф. П. И. Ковалевскаго на Ветхій Завѣтъ, статью: *Новѣйшіе толки о религіозно-нравственномъ и воспитательномъ значеніи Ветхаго Завѣта*. П. Красина. (Отд. изд. 1909 г.)

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, позвольте сдѣлать экскурсію въ область исторіи, позвольте сравнить древне-еврейскій народъ съ двумя культурными народами древности—греками и римлянами. Начнемъ съ Греціи.

Уже въ пятомъ столѣтіи до Рождества Христова въ Греціи мы видимъ философовъ, возвѣщавшихъ идеи, которыя живы и до настоящаго времени. Вспомните Демокрита—отца атомистической теоріи, которая и до сихъ поръ лежитъ въ основѣ физики. Вспомните Сократа съ его возвышеннымъ ученіемъ о Богѣ, о добрѣ, о безсмертіи души. Вспомните великаго Платона, о которомъ Евсевій Кесарійскій говоритъ, что въ ученіи о Богѣ и будущей загробной жизни онъ какъ-бы пророчески приблизился къ преддверію христіанской истины. Вспомните, наконецъ, Аристотеля, которымъ не даромъ такъ широко пользовалась богословская наука въ средніе вѣка на Западѣ.

Посмотримъ на науку у древнихъ грековъ. Уже Талесъ Милетскій занимался доказательствомъ теоремы о равенствѣ угловъ въ равностороннемъ треугольникѣ. Когда Пифагоръ доказалъ свою знаменитую теорему о квадратѣ гипотенузы, то онъ на радостяхъ принесъ въ жертву богамъ сто воловъ. Когда Архимедъ случайно открылъ свой извѣстный законъ о потерѣ вѣса тѣлѣ въ водѣ, погрузившись самъ въ ванну въ банѣ, то онъ пришелъ отъ этого въ такой восторгъ, что, выбѣжавъ изъ бани, въ костюмѣ Адама помчался домой, крича дорогой: эврика! эврика! Въ Греціи положены были основы всѣхъ наукъ: математики, астрономіи, физики, исторіи, политической экономіи, этики, медицины и проч. Элементарная геометрія до сихъ поръ существуетъ въ томъ видѣ, какъ ее построилъ Эвклидъ.

Я не могу подробно останавливаться на греческой литературѣ и искусствѣ. Я лишь упомяну, что имена Гомера, Софокла, Эврипида, Аристофана—общеизвѣстны и навсегда останутся бессмертными. Что касается искусства, то развѣ кто-нибудь не слышалъ имени скульптора Фидія? Развѣ въ настоящее время не служатъ украшеніемъ европейскихъ художественныхъ музеевъ Аполлоны Вельведерскіе, Венеры Милосскія и т. п? Въ вѣкъ Перикла въ Афинахъ явились два живописца Зевксисъ и Парразій. Разъ оба они состязались въ искусствѣ. Зевксисъ нарисовалъ виноградныя кис-

ти такъ естественно, что, когда картина была вынесена на площадь, то на нее сѣли птицы, думая полакомиться виноградомъ. Принесъ затѣмъ и Парразій свою картшу; она была какъ-бы завѣшена рѣдкимъ холстомъ, изъ-за котораго виднѣлся рисунокъ.—„Ну, сними же занавѣсъ“, сказалъ Зевксисъ. Парразій разсмѣялся: картина изображала именно занавѣсъ изъ холста. Одинъ художникъ обманулъ птицъ, другой—такого же художника. Если это и анекдотъ, то достаточно характерный.

Таковъ культурный уровень древней Греціи. Перейдемъ къ Риму.

Культура въ древнемъ Римѣ, и именно, внѣшняя культура: государственныя установленія, законы, удобства жизни—стояла на такой высотѣ, что я осмѣливаюсь утверждать, что она немногимъ уступала нашей современной. Римъ имѣлъ удивительно стройный государственный механизмъ, прекрасно разработанные законы, войско въ любомъ количествѣ и огромные кадры чиновниковъ всякаго рода. Многочисленный штатъ полиціи охранялъ общественное спокойствіе и порядокъ; улицы, базары, трактиры находились почти подъ такимъ же бдительнымъ присмотромъ и наблюдениемъ, какъ и въ наше время; существовалъ надзоръ надъ аптеками и продажей ядовитыхъ веществъ. Каждый кварталъ города имѣлъ врача для бѣдныхъ. Прекрасно была организована тайная полиція, которая слѣдила даже за образомъ мыслей гражданъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуешь Тацитъ. Весь городъ могъ спокойно отправляться въ циркъ или театръ въ полной увѣренности, что на время представленія нарочитый корпусъ жандармеріи разставитъ по городу свои патрули, чтобы охранять оставшіяся безъ людей жилища. Точно также римляне могли спокойно спать ночью, зная, что прекрасно организованная ночная стража и пожарная команда гарантируютъ ночной покой, какъ отъ злоумышленниковъ, такъ и отъ грозной стихіи—огня.

Въ домахъ знатныхъ римлянъ были особыя помѣщенія для зимняго и особыя для лѣтняго времени. Наше воздушное и паровое отопленіе были извѣстны римлянамъ. Архитектурное искусство у римлянъ стояло на изумительной высотѣ. Придворные архитекторы Нерона въ его такъ называемомъ „золотомъ дворцѣ“ устроили надъ большой столо-

вой комнатой огромный куполъ, который днемъ и ночью вращался на оси. Однако, это еще мелочь въ сравненіи съ другими произведеніями древне-римскаго архитектурнаго искусства. Театръ Эмилиа Скавра вмѣщалъ восемьдесятъ тысячъ зрителей, состоя изъ трехъ этажей. Однако, Скрибоній Куріонъ устроилъ театръ еще болѣе грандіозный. Сооруженіе состояло изъ двухъ полуоваловъ, изъ которыхъ каждый могъ вмѣстить по 50 тысячъ зрителей. Полуовалы вращались на своихъ осяхъ. Когда полуовалы были обращены одинъ къ другому своими выпуклыми сторонами, то представляли собою собственно два театра, въ которыхъ одновременно шли два различныхъ представленія; но затѣмъ они поворачивались другъ къ другу своими вогнутыми сторонами и тогда составляли одинъ театръ, вмѣщавшій сто тысячъ зрителей.

Что касается философіи, науки, искусства и литературы, то въ этихъ отношеніяхъ римляне стояли ниже грековъ. За то они пошли дальше грековъ въ области практической философіи или морали, а также юриспруденціи. Въ особенности высоко стояло у римлянъ нравственное ученіе стоической философіи. У Сенеки, Марка Аврелія и Эпиктета стоицизмъ дѣлается проповѣдью состраданія, любви къ ближнему, братства и равнаго достоинства всѣхъ людей. А о римской юриспруденціи достаточно замѣтить, что вѣдь и современные наши юристы изучаютъ римское право.

Таковъ культурный уровень древнихъ грековъ и римлянъ. Сравнивая съ ними въ этомъ отношеніи древнихъ евреевъ, мы должны сказать, что для послѣднихъ такое сравненіе окажется слишкомъ невыгоднымъ, прямо-таки убійственнымъ. Евреи не создали ни науки, ни искусства, ни философіи. Въ еврейской и вообще поэзіи семитической сухая абстракція, въ лирикѣ сухой дидактизмъ (исключеніе составляютъ лишь псалмы Давида); нѣтъ и слѣда эпоса, сатиры или драмы. Быть можетъ, какіе-либо памятники зодчества остались намъ отъ многовѣковой еврейской исторіи? Единственное великолѣпное сооруженіе, которымъ евреи могли бы гордиться,—это храмъ Соломоновъ, если бы онъ не былъ построенъ съ помощью чужестранныхъ мастеровъ. Государственный строй, быть можетъ, у нихъ былъ своеобразный, не похожій на строй государства у другихъ наро-

довъ? Опять нѣтъ: евреи пожелали имѣть у себя царя, „какъ у прочихъ народовъ“. Остается допустить еще одно предположеніе: быть можетъ, въ нравственномъ отношеніи евреи стояли выше другихъ? Но и тутъ ждетъ насъ полное разочарованіе. Собственные пророки изображаютъ нравственное состояніе еврейскаго народа въ крайне непривлекательныхъ чертахъ. Римскіе писатели Тацитъ и Страбонъ отзываются о евреяхъ также въ высшей степени неодобрительно. Но что всего замѣчательнѣе, послушайте отзывъ о евреяхъ знаменитаго К. Маркса-еврея по происхожденію: „свѣтская основа іудейства-практическія потребности, эгоизмъ; свѣтскій культъ евреевъ-торгашество; свѣтскій богъ евреевъ-деньги“.

И вотъ этотъ-то народъ, такъ низко стоявшій въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, становится избраннымъ народомъ Божиимъ; этому народу ввѣряется Божественное откровеніе; чистая, святая, Божественная истина проходитъ чрезъ призму сознанія народа невѣжественнаго, жестоковаго, узко-практическаго эгоиста, торгаша и, конечно, такая призма неизбѣжно должна оставить свой слѣдъ на свѣтлыхъ лучахъ Божественной истины. *Это и есть то, что я называю самоуничиженіемъ Бога.*

Я знаю, мнѣ тотчасъ возражать: Божественное откровеніе записывалось подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ Духа Святаго и, слѣдовательно, оно свободно отъ чисто человѣческихъ несовершенствъ. На это возраженіе я буду отвѣчать чрезъ нѣсколько минутъ разсмотрѣніемъ вопроса о Боговдохновенности Св. Писанія. Теперь же я ставлю вопросъ прежде всего такой: почему именно евреи сдѣлались избраннымъ народомъ Божиимъ, а не греки, или римляне? Я полагаю, что выскажу правдоподобное предположеніе, если отвѣчу такъ: если бы Божественное откровеніе было дано чрезъ Сократовъ, Платоновъ, Сенеку и т. п. философовъ и мудрецовъ древности, то вѣдь тогда легко было бы допустить, что чистыя, святыя истины Библии—произведеніе человѣческаго генія, потому что мы видѣли, какія высокія понятія о Богѣ мы встрѣчаемъ у этихъ знаменитыхъ философовъ. Между тѣмъ, если бы еврейскій геній самъ создавалъ себѣ религію, то это была бы религія талмуда, но не Библии. Это-то и замѣчательно, что самая возвышенная религія древности

оказывается у народа, такъ низко стоявшаго на культурномъ уровнѣ; это-то и доказываетъ, что такая религія не была произведеніемъ самого человѣка, а есть даръ свыше.

А теперь посмотримъ, что же привнесъ въ Божественное откровеніе самъ человѣкъ, какъ отразились въ Библии человѣческія несовершенства, въ чемъ состоитъ самоуничженіе Бога, Который снизошелъ до этихъ несовершенствъ, Который показалъ Себя въ Библии В. Завѣта не такимъ, каковъ Онъ въ дѣйствительности, а такимъ, какимъ Онъ могъ быть доступенъ несовершенному человѣческому разуму.

Чтобы яснѣе выразить то, что я хочу сказать, я позволю себѣ заранѣе привести аналогію, которой буду пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи своей мысли. Въ філософіи является азбучной та истина, что мы не знаемъ міра, каковъ онъ въ дѣйствительности, а знаемъ лишь свойства вещей, какими ихъ рисуютъ намъ наши внѣшнія чувства. Что такое, напр., звукъ? Физика говоритъ намъ, что звуковъ въ природѣ нѣтъ, а есть колебанія воздушныхъ волнъ той или иной скорости. Самый низкій тонъ, какой только мы въ состояніи воспринять, вызывается колебаніями воздуха со скоростью 16 въ секунду, а самый высокій тонъ соотвѣтствуетъ 48—50 тысячамъ колебаній въ секунду. Значитъ, то, что мы называемъ звукомъ, есть колебанія воздушныхъ волнъ, которыя нашимъ слуховымъ органомъ воспринимаются, какъ звуки. Далѣе. Физика же утверждаетъ, что въ природѣ нѣтъ и цвѣтовъ, а есть колебанія эфирныхъ волнъ различной скорости. При колебаніи со скоростью 395 билліоновъ въ секунду мы имѣемъ ощущеніе краснаго цвѣта, при скорости 729 билл. въ секунду мы воспринимаемъ фіолетовый цвѣтъ; въ промежуткахъ этихъ крайнихъ границъ распредѣляются остальные цвѣта радуги: оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синій. То же нужно сказать о запахахъ, вкусахъ, ощущеніяхъ теплоты и холода и т. д. Все это наши субъективныя состоянія, дѣйствительность вовсе не похожа на нихъ, реальный міръ не доступенъ нашимъ познаніямъ, мы знаемъ лишь наши собственные ощущенія, а міръ дѣйствительности—это какой-то сфинксъ, мы не знаемъ, что онъ такое самъ по себѣ помимо тѣхъ ощущеній,

какія онъ вызываетъ въ насъ. „Вещь въ себѣ“ не познаваема, говоритъ Кантъ.

Вотъ это я прошу запомнить, чтобы была понятна моя дальнѣйшая мысль.

Раскрываемъ первыя страницы Библии и читаемъ здѣсь: „И созда Богъ человѣка, персть возьмъ отъ земли, и вдуну въ лице его дыханіе жизни. И наложи Богъ изступленіе на Адама, и успе; и взя едино отъ ребръ его, и исполни плотию вмѣсто его. И созда Господь Богъ ребро, еже взя отъ Адама, въ жену, и приведе ю ко Адаму“ (Быт. 11, 7, 21—22). Вотъ фактъ, какъ онъ изложенъ у Моисея. Это не фотографическая копія дѣйствительности, это дѣйствительность, прошедшая чрезъ призму сознанія первобытнаго человѣка. Это та форма истины, какая могла быть доступна его несовершенному уму. А какова же настоящая дѣйствительность? Какова объективная истина? Этого я не знаю, какъ не знаю и того, что такое міръ въ себѣ. Я не сомнѣваюсь лишь въ томъ, что какой-то міръ существуетъ внѣ меня; точно также я не сомнѣвался, что люди созданы Богомъ, но и только. Нѣкоторые изъ современныхъ богослововъ идутъ дальше. Нельзя, говорятъ они, представлять себѣ дѣло такъ, что Господь, какъ какой-либо горшечникъ, лѣпитъ изъ глины фигуру человѣка, проводитъ внутри ея трубочки венъ и артерій, наполняетъ ихъ красной жидкостью, вкладываетъ въ средину пищеварительный аппаратъ, аппаратъ для дыханія и проч. и, наконецъ, даетъ ему душу. Сказаніе Моисея нужно понимать такъ, что не природа, а Божественная сила собрала во-едино всѣ элементы, изъ которыхъ состоитъ тѣло человѣка; что процессъ соединенія въ одно цѣлое этихъ элементовъ длился, быть можетъ, довольно продолжительное время, что тѣло человѣка проходило извѣстныя стадіи развитія. Что касается сотворенія Евы, то здѣсь Моисей хочетъ образно выразить ту идею, что мужчина и женщина—существа одной и той же природы. Я не иду за этими богословами, пока по этому вопросу не выскажетъ своего опредѣленія Церковь.

Припомнимъ, далѣе, повѣствованіе о явленіи Бога Аврааму въ видѣ трехъ странниковъ. Авраамъ умываетъ Господу ноги, Господь вкушаетъ молоко, мясо, хлѣбъ. Что здѣсь въ дѣйствительности происходило? Какова объектив-

ная истина? Опять скажу: я не знаю. Знаю лишь то, что такой антропоморфизмъ въ представленіи Божества для насъ неприемлемъ, истина здѣсь является въ той формѣ, въ какой она могла быть доступна сознанию первобытнаго человека.

Нѣтъ надобности приводить другіе примѣры антропоморфизма, какой мы встрѣчаемъ чуть не на каждой страницѣ Библии В. Завѣта.

Обратимъ вниманіе на законодательство Моисея, на законы, относящіеся къ Богослужебному культу, и законы нравственные.

Книга Левитъ почти исключительно говоритъ о богослужебномъ ритуалѣ: самымъ подробнымъ образомъ указываетъ когда, какъ, какое животное можно или должно приносить въ жертву, какъ нужно остерегаться прикосновенія къ чему-либо нечистому: трупу умершаго человека, къ нечистому животному, падали, какъ очищать себя, въ случаѣ такого прикосновенія и т. п. Нѣтъ ни слова о томъ, съ какимъ внутреннимъ настроеніемъ обращаться къ Богу; получается такое впечатлѣніе, что не въ этомъ дѣло, а въ томъ, выполнены ли до точности всѣ внѣшнія дѣйствія, какія требуются въ томъ или другомъ случаѣ. Для примѣра возьмемъ наставленіе о томъ, какъ приносить въ жертву всесожженія птицу. „Если изъ птицъ приносить оныя (еврей) Господу всесожженіе, пусть принесетъ жертву свою изъ горлицъ, или изъ молодыхъ голубей. Священникъ принесетъ ее къ жертвеннику и свернетъ ей голову, и сожжетъ на жертвенникѣ, а кровь выпѣдитъ къ стѣнѣ жертвенника; зобъ ея съ перьями ея отниметъ и броситъ его подлѣ жертвенника на восточную сторону, гдѣ пепелъ. И надломитъ ее въ крыльяхъ ея, не отдѣляя ихъ, и сожжетъ ее священникъ на жертвенникѣ, на дровахъ, которыя на огнѣ; это всесожженіе, жертва, благоуханіе пріятное Господу“ (Лев. 1, 14—17). А вотъ какъ совершается очищеніе выздоровѣвшаго прокаженнаго: „Священникъ очищающій поставитъ очищаемаго человека предъ Господомъ у входа скинии собранія. И возьметъ священникъ одного овна, и представитъ его въ жертву повинности, и лозъ едея, и принесетъ это, потрясая предъ Господомъ. И заколетъ овна на томъ мѣстѣ, гдѣ закаляютъ жертву за грѣхъ и всесожженіе, на мѣстѣ

святомъ, ибо сія жертва повинности, подобно жертвѣ за грѣхъ, принадлежитъ священнику, это великая святыня. И возьметъ священникъ крови жертвы повинности, и возложитъ священникъ на край праваго уха очищаемаго и на большой палецъ правой руки его, и на большой палецъ правой ноги его. И возьметъ священникъ изъ лога елея, и польетъ на лѣвую свою ладонь. И омочитъ священникъ правый перстъ свой въ елей, который на лѣвой ладони его, и покропитъ елеемъ съ перста своего семь разъ предъ лицомъ Господа. Оставшійся же елей, который на ладони его, возложитъ священникъ на край праваго уха очищаемаго, на большой палецъ правой руки его и на большой палецъ правой ноги его, на мѣста, гдѣ кровь жертвы повинности. А остальной елей, который на ладони священника, возложитъ онъ на голову очищаемаго, и очиститъ его священникъ предъ лицомъ Господа“. (Лев. XIV, 11—18).

Вы видите, какія детали, какія мельчайшія подробности ритуала, какъ строго все это предписывается, какъ точно обозначается, какимъ пальцемъ какой руки продѣлать то или другое дѣйствіе. Одно лишь забыто, нѣтъ, не забыто, а признается ненужнымъ—сердечное, внутреннее настроеніе, какъ очищаемаго, такъ и священника, который очищаетъ его „предъ лицомъ Господа“. Кто виноватъ въ этомъ? Законодатель? Нѣтъ, не онъ, а народъ, ради котораго дается законъ, народъ, которому могла быть понятна только именно эта внѣшняя регламентировка, внѣшнія подробности.

А вотъ законы нравственно-гражданскіе. „Когда дерутся люди, и ударятъ беременную женщину, и она выкинетъ, но не будетъ другого вреда, то взять съ виновнаго пеню, какую положить на него мужъ той женщины, а онъ долженъ заплатить оную при посредникахъ. А если будетъ вредъ, то отдай душу за душу, глазъ за глазъ, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу, обожженіе за обожженіе, рану за рану, ушибъ за ушибъ“ (Исх. XXI, 22—25).

Для насъ, воспитанныхъ на иномъ законѣ, на законѣ Евангелія, какъ все это звучитъ дико, жестоко! А между тѣмъ законъ данъ по повелѣнію Божію. Что же, Богъ виноватъ въ этой жестокости? Конечно же, нѣтъ! Господь лишь поступаетъ своей правдой ради „жестокосердичнаго“ народа еврейскаго, которому иные законы были бы непо-

няты, недоступны. И даже этимъ несовершеннымъ закономъ—„око за око“ Господь все же ведетъ народъ къ нѣ-которому совершенству сравнительно съ тѣмъ состояніемъ нравственной грубости, какая была свойственна евреямъ до-селѣ: Господь желаетъ право мести ограничить предѣлами справедливости; Онъ какъ-бы такъ говорить: если кто тебя обидѣлъ—повредилъ тебѣ глазъ, то и ты, мстя, можешь повредить ему глазъ, но одинъ, а не оба. Точно также право разводиться съ женами предоставлено было евреямъ въ виду ихъ „жестокосердія“, какъ объ этомъ Самъ Христосъ говоритъ.

И здѣсь, такимъ образомъ, мы видимъ самоуничиже-ніе Господа ради несовершенства избраннаго народа.

Нравственный законъ Библии Ветхаго Завѣта далекъ, какъ мы видимъ, отъ совершенства. Вполнѣ поэтому понят-но, что и ветхозавѣтные праведники, если къ нимъ примѣ-нить нравственную мѣрку новозавѣтнаго евангельскаго за-кона, конечно, „не устоятъ въ судѣ“, нравственная мѣрка для нихъ окажется слишкомъ высокой. „Изъ рожденныхъ женами, говоритъ Христосъ, нѣтъ ни одного пророка боль-ше Іоанна Крестителя, но меньшій въ царствіи Божіемъ больше его“ (Лк. VII, 28): Даже къ лучшимъ людямъ В. З. нравственная мѣрка Евангелія не примѣнима, ихъ нельзя судить по этой мѣркѣ. Возьмемъ примѣры.

Вотъ патриархъ Іаковъ, сынъ Исаака, любимецъ мате-ри Ревекки. Посмотрите его поведеніе по отношенію къ брату и затѣмъ къ отцу. Усталый и проголодавшійся старшій братъ Исавъ возвращается съ охоты. У Іакова приготовлено вкусное блюда—похлебка. Исавъ проситъ брата дать ему покушать. Іаковъ забываетъ, что предъ нимъ братъ, что онъ голоденъ; или нѣтъ: очень хорошо помнить, что предъ нимъ именно голодный человѣкъ. И вотъ въ немъ заговорила эго-истическая жилка торгаша, онъ тотчасъ сообразилъ, что при такихъ условіяхъ можно сдѣлать выгодный гешефтъ, и за похлебку запросилъ цѣну.—простите за выраженіе,—дѣйствительно, жидовекую. Исавъ долженъ былъ согласить-ся и получилъ похлебку за уступленные права первород-ства. Въ наше время за такую сдѣлку Іаковъ подвергался бы уголовной отвѣтственности. Но это еще не все. Далѣе мы видимъ, на какія хитрости пускается Іаковъ, чтобы обма-

нута умирающаго отца и какъ такимъ образомъ получаетъ благословеніе первородства. И Господь утверждаетъ Іакова въ правахъ, приобрѣтенныхъ такимъ не честнымъ, коварнымъ способомъ. Почему? Да потому, что нельзя мѣрить ветхозавѣтнаго человѣка на нашъ аршинъ, нельзя примѣнять къ нему нравственнаго закона Евангелія.

Другой примѣръ. Предъ выходомъ изъ Египта израильтяне, „по слову Моисея, просили у Египтянъ вещей серебряныхъ и вещей золотыхъ и одеждъ. Господь же далъ милость народу (своему): и они давали ему, и обобралъ онъ Египтянъ“. (Исх. XII, 35—36). Что мы можемъ сказать въ оправданіе Моисея за это?

А вотъ еще несомнѣнно лучший человѣкъ въ В. Завѣтѣ—царь и пророкъ Давидъ. „Давидъ дѣлалъ угодное предъ очами Господа и не отступалъ отъ всего того, что Онъ заповѣдалъ ему, во всѣ дни жизни своей, кромѣ поступка съ Урією, хеттеяниномъ“ (III Цар. XV, 5). Такъ говоритъ писатель третьей книги Царствъ, писавшій въ началѣ этой своей книги о Давидѣ слѣдующее: „Когда царь Давидъ состарѣлся, вошедъ въ преклонныя лѣта, то покрывали его одеждами, но не могъ онъ согрѣться. И сказали ему слуги его: пусть поищутъ для господина нашего царя молодую дѣвицу, чтобъ она предстояла царю и ходила за нимъ, и лежала съ нимъ,—и будетъ тепло господину нашему царю. И искали красивой дѣвицы во всѣхъ предѣлахъ израильскихъ, и нашли Ависагу Сунамитянку и привели ее къ царю. Дѣвица была очень красива, и ходила она за царемъ и прислуживала ему, но царь не позналъ ея“ (3 Цар. 1, 1—4). Поставьте на ряду съ этимъ заповѣдь Христа: „всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ“ (Мѣ. V, 28). Ясно, что праведность Давида не можетъ устоять предъ закономъ совершеннымъ, предъ закономъ Евангелія.

Возьмемъ еще одно сопоставленіе ветхаго и новаго завета, сопоставленіе, дѣлаемое Самимъ Іисусомъ Христомъ. Жители одного самарянскаго селенія отказались принять Іисуса Христа, путешествовавшаго въ Іерусалимъ. „Видя это, ученики Его, Іаковъ и Іоаннъ, сказали: Господи, хочешь ли, мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ неба и истребилъ ихъ, какъ и Ілія сдѣлалъ. Но Онъ, обратившись къ

нимъ, запретилъ имъ и сказалъ: не знаете, какого вы духа; ибо Сынъ Человѣческой пришелъ не губить души человѣческія, а спасать“ (Лк. IX, 54—56). А что же сдѣлалъ пророкъ Ілія, примѣру котораго хотѣли подражать ученики Христовы? Царь Охозія упалъ чрезъ рѣшетку съ горницы своей, расшибся и занемогъ. И вотъ онъ отправляетъ посольство къ Веельзевулу, божеству Аккаронскому, узнать, выздоровѣетъ ли онъ отъ болѣзни. Посольство было встрѣчено на дорогѣ пророкомъ Іліею, который, по повелѣнію Божію, предрекъ, что царь не встанетъ съ постели своей именно потому, что посылаетъ вопрошать Веельзевула. Возвратились посланные къ царю и рассказали о встрѣчѣ съ чело-вѣкомъ, который сказалъ это и который былъ весь въ волосахъ и препоясанъ кожанымъ поясомъ. Догадался царь, что это былъ Ілія и послалъ отрядъ въ пятьдесятъ воиновъ искать пророка. Предводитель отряда найдя Ілію, сидящаго на верху горы, говоритъ ему: Человѣкъ Божій, царь говорить: сойди.—Если я человѣкъ Божій, отвѣчаетъ пророкъ, то пусть сойдетъ огонь съ неба и поглотитъ тебя и твой пятидесятокъ. Такъ и случилось. Такъ случилось затѣмъ и съ другимъ пятидесяткомъ и только третьему начальнику пятидесятка удалось умолить пророка сойти съ горы и пойти къ царю.

Впрочемъ, довольно этихъ примѣровъ, ясно показывающихъ, что и лучшихъ людей В. Завѣта нельзя судить на основаніи совершеннаго закона евангельскаго.

Остается упомянуть еще о томъ, что библейскіе писатели В. З. не чужды нѣкоторыхъ заблужденій и сообщаютъ не вполнѣ вѣрныя свѣдѣнія изъ области космогоніи, географіи, исторіи, естествовѣдѣнія и т. п. Несомнѣнно, напр., что Іисусъ Навинъ, приказывавшій солнцу остановиться въ своемъ движеніи, стоялъ на точкѣ зрѣнія Птолемеевой системы мірозданія, а не современной Коперниковой. Въ книгѣ Левитъ мы читаемъ, что израильтянамъ запрещается ѣсть зайца, „потому что онъ жуетъ жвачку, но копыта у него не раздвоены“. Но изъ естественной исторіи мы знаемъ, что заяцъ не жуетъ жвачки. Въ XIII главѣ 2 кн. Паралипоменонъ рассказывается о томъ, что у царей Израильскаго и Іудейскаго было 1,200,000 отборнаго войска. Здѣсь несомнѣнно огромное преувеличеніе, ибо вся Палестина по сво-

имъ размѣрамъ равняется району одного нашего уѣзда и неособенно большого и едва ли въ состояніи была дать милліонъ войска, если вся армія Наполеона при нашествіи на Россію въ 1812 году не доходила до милліона. Во 2 й книгѣ Царствъ разсказывается о томъ, какъ Давидъ поразилъ Адраазара, царя Сувскаго, взявъ при этомъ у него *тысячу семьсотъ* всадниковъ, и 20 тысячъ пѣшихъ (2 Цар. VIII, 4). Въ I книгѣ Паралипоменонъ объ этомъ же пораженіи Адраазара говорится, что Давидъ взялъ у него *семь тысячъ* всадниковъ и 20 тысячъ пѣшихъ (I Пар. XVIII, 4).

И вотъ теперь послѣ всѣхъ этихъ несовершенствъ Библии В. З. возникаетъ вопросъ о томъ, какъ примирить это обстоятельство съ ученіемъ о боговдохновенности Библии.

Мы переходимъ къ вопросу о боговдохновенности книгъ Священ. Писанія.

Ученіе о боговдохновенности книгъ Св. Писанія В. За-вѣта имѣетъ для себя основаніе въ словахъ ап. Петра, который говорилъ объ озареніи Духомъ Святымъ пророковъ: „Ни бо волею бысть, когда челоуѣкомъ пророчество, но отъ Святаго Духа просвѣщаеми глаголаша святіи Божіи челоуѣцы“ (2 Петр. 1, 21).

Нѣкоторые богословы (Аѣинагоръ, Іустинъ Мученикъ, Тертуллианъ) понимали богодухновенность книгъ Св. Писанія слишкомъ строго, полагая, что священные писатели были только *тростію, органомъ, трубою* Духа Святаго и записывали то, что диктовалъ имъ Духъ Святыи безъ всякаго участія собственнаго сознанія и воли; внушено не только содержаніе, но и самая форма изложенія мысли. Но если это такъ, тогда Богъ является отвѣтственнымъ за всѣ несовершенства, за всѣ ошибки и противорѣчія, какія мы находимъ въ Библии. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, нужно еще поставить вопросъ о томъ, если Духъ Святыи диктовалъ откровеніе священнымъ писателямъ, то позднѣйшіе списки и переводы священныхъ книгъ на другіе языки тоже были инспирированы Духомъ Святымъ? (Вѣдь въ подлинникѣ не дошло до насъ ни одной книги.) Но такое предположеніе не допустимо уже а priori. А затѣмъ, объ этихъ спискахъ и переводахъ Библии мы знаемъ, что они слишкомъ далеки отъ совершенства. Для доказательства достаточно будетъ привести одинъ примѣръ. Въ нашей си-

нодальной Библии во 2 книгѣ Царствъ мы читаемъ о завоеваніи Давидомъ г. Равы Аммонитской, гдѣ сказано: „И взялъ Давидъ вѣнецъ царя ихъ съ головы его,—а въ немъ было золота талантъ и драгоценный камень, и возложилъ его Давидъ на свою голову,—и добычи изъ города вынесъ очень много. А народъ, бывшій въ немъ, онъ вывелъ и положилъ ихъ подъ пилы, подъ желѣзныя молотилки, подъ желѣзные топоры и бросилъ ихъ въ обжигательныя печи. Такъ онъ поступилъ со всѣми городами Аммонитскими“. (Гл. XII, 30—31). Предположимъ, что здѣсь инспирирована каждая буква. Что же оказывается? Оказывается, что Аммонитскій царь носилъ на головѣ корону вѣсомъ около пяти пудовъ и эту корону возложилъ потомъ себѣ на голову Давидъ. Затѣмъ Давидъ множество народа предаетъ мучительной смерти подъ пилами, топорами и сожигаетъ въ печахъ. Не говоря уже о жестокости этого поступка, непонятно, какъ Давидъ умудрился сжигать въ печахъ тысячи труповъ, тогда какъ въ наше время, при самой совершенной техники дѣла, сожженіе одного трупа требуетъ массы горючаго матеріала. Однако, дѣло просто объясняется. Оказывается, что въ Мазоретскомъ текстѣ Библии божество Аммонитское Milkom передѣлано ошибочно въ Molkom—имя Аммонитскаго царя и такимъ образомъ въ дѣйствительности корона въ 5 пудовъ вѣса была на головѣ не царя, а божества Аммонитскаго и Давидъ надѣлъ на свою голову не корону Милькома, а взялъ отсюда лишь драгоценный камень, который и вставилъ въ свою корону. Что касается бросанія тысячъ аммонитянъ подъ пилы, топоры и обжигательныя печи, то дѣло идетъ не о казни этихъ людей, а о посылкѣ ихъ на заводы лѣсопиленные и для обжиганія кирпича. Таковъ фактъ въ болѣе правильномъ изложеніи.

Итакъ, озареніе свящ. писателя Духомъ Святымъ нельзя понимать въ такомъ строгомъ смыслѣ, будто оно простиралось на букву писанія. Озареніе, внушеніе или инспирація не обезличивала писателя, не дѣлала его лишь механическимъ орудіемъ въ распоряженіи высшей силы: умъ писателя, озаряемый Св. Духомъ, оставался въ то же время свободнымъ и сознательнымъ дѣятелемъ, а не простымъ лишь орудіемъ. Иначе было бы проще сбросить Библию съ неба въ готовомъ видѣ подобно тому, какъ, по

ученію Магомета, сброшенъ съ неба Коранъ. Такъ какъ священные писатели обладали свободой въ способѣ выраженія откровенной истины, то отсюда становятся понятными разности въ стилѣ, въ глубинѣ, силѣ, рельефности, яркости и выразительности рѣчи. Достаточно сравнить, напр., величавую, эпически спокойную рѣчь бытописателя Моисея, повѣствующаго о сотвореніи міра Богомъ, и восторженную, живую, образную рѣчь пророка Давида, изображающаго величіе и мудрость Творца, проявленную Имъ при сотвореніи того же міра. Отсюда же и то обстоятельство, что одинъ и тотъ же предметъ одного писателя интересуетъ одной своей стороной, другого—другой, вслѣдствіе чего получается многостороннее освѣщеніе предмета. Такъ, въ вопросѣ объ оправданіи человѣка ап. Іаковъ преимущественное вниманіе удѣляетъ добрымъ дѣламъ, въ то время какъ ап. Павелъ главнымъ образомъ уясняетъ значеніе вѣры.

Что инспирація не простиралась на букву Писанія, видно уже изъ того, что нѣкоторые священные писатели, при написаніи книгъ, пользовались литературными источниками, существовавшими ранѣе, не богодухновенными. Такъ, напр., евангелистъ Лука заявляетъ, что онъ намѣренъ писать свое благовѣствованіе объ Іисусѣ Христѣ на основаніи тщательнаго изслѣдованія тѣхъ многочисленныхъ повѣствованій, какія уже существовали ранѣе (Лк. 1, 1). Точно также ветхозавѣтные священные писатели указываютъ на нѣкоторые источники, которыми они пользовались при написаніи своихъ книгъ и которые теперь являются утраченными. Такова книга: Книга войнъ Господнихъ (упоминаетъ Моисей въ кн. Числь (XXI, 14), Книга Праведнаго (у Іисуса Навина, X, 13, 2 Цар. 1, 18), Книга Нафана пророка (1 Цар. XXIX, 29), Книга дѣлъ Соломона (3 Цар. XI, 41) и др.

Для болѣе правильнаго уясненія вопроса объ инспираціи необходимо, далѣе, имѣть въ виду ту цѣль, какую ставить себѣ Библія. Она не задается цѣлю дать человѣку свѣдѣнія по всемъ отраслямъ знанія. Для этого человѣку данъ разумъ, чтобы онъ изучалъ міръ, законы природы и достигалъ бы чрезъ это власти надъ природой. Откровеніе же необходимо человѣку тамъ, гдѣ его разумъ, предоставленный самому себѣ, былъ бы совершенно безсильнымъ и

беспомощнымъ; откровеніе необходимо для сообщенія чело-
вѣку свѣдѣній о Богѣ, о цѣли и назначеніи міра и чело-
вѣка, о средствахъ спасенія и достиженія вѣчнаго блажен-
ства. Все это и есть задача Библии. Тутъ она содержитъ
вѣчную и непреложную истину, которая не подлежитъ ни-
какимъ измѣненіямъ и дополненіямъ, ибо дана полностью,
насколько это доступно челоуѣку. По отношенію къ этому
рода истинамъ инспирація является необходимымъ усло-
віемъ и является тутъ въ полной своей силѣ и объемѣ;
содержаніе истины всецѣло дано свыше. Иначе и быть не
можетъ, если принять во вниманіе характеръ истины, по
большей части превышающей силы челоуѣческаго разумѣ-
нія, а равно и важность этой истины для спасенія челоуѣка.
Что касается разнаго рода другихъ свѣдѣній, о которыхъ
какъ-бы вскользь и мимоходомъ сообщаетъ Библия, свѣдѣ-
ній астрономическихъ, географическихъ, естественно-исто-
рическихъ и т. п., то тутъ нельзя требовать отъ священ-
ныхъ писателей, чтобы они давали свѣдѣнія непременно
полныя, непременно соответствующія отрого научнымъ кри-
теріямъ истины. Нельзя требовать этого хотя бы уже
только потому, что въ такомъ случаѣ Библия явилась бы
книгой совершенно недоступной для простаго вѣрующаго,
не стоящаго на высотѣ научныхъ знаній; при томъ же не-
полная истина въ этой научной области, даже научныя за-
блужденія вовсе не имѣютъ значенія въ дѣлѣ спасенія
челоуѣка.

Заканчивая свой докладъ, я хочу напомнить основные
мой тезисы:

I. Божественное откровеніе В. З., пройдя черезъ призму
челоуѣческаго совнанія, при томъ сознанія челоуѣчества въ
его дѣтскомъ состояніи, должно поэтому носить черты нѣ-
котораго несовершенства.

Это несовершенство проявилось:

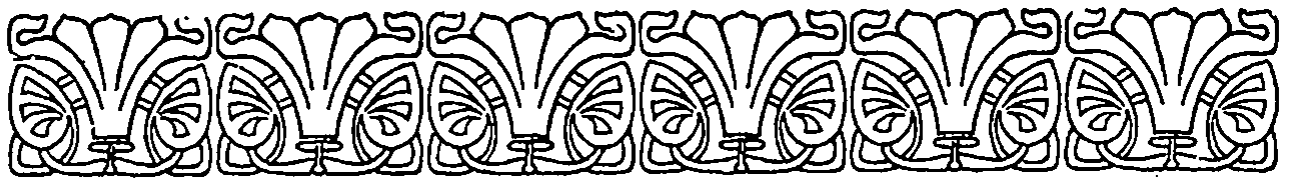
- а) въ крайнемъ антропоморфизмѣ библейскаго вет.-за-
вѣтнаго представленія о Богѣ.
- б) въ несовершенствѣ нравственнаго законодательства.
- в) въ ошибкахъ-историческихъ, космологическихъ, есте-
ственно-историческихъ и проч.

II. Если въ несовершенствахъ перваго и втораго рода
можно видѣть самоуничтоженіе Бога, Который снисшелъ до

человѣка, до уровня его дѣтскаго разума, то въ ошибкахъ и заблужденіяхъ научнаго характера повинны сами священные писатели Библии, которымъ при написаніи Св. книгъ была предоставлена извѣстная самостоятельность, свобода: руководство Духомъ Святымъ не простиралось на изложеніе этихъ научныхъ свѣдѣній, не имѣющихъ значенія для нашего спасенія.

Прот. Н. Липскій.





О церковно-обрядовомъ воспитаніи въ школъ*).

Вопросъ, на которомъ я рѣшаюсь задержать нѣсколько вниманіе настоящаго высокаго собранія, т. е. вопросъ о ритуальномъ, въ широкомъ смыслѣ слова, воспитаніи учащихся дѣтей, интересовалъ меня съ самыхъ первыхъ шаговъ моего законоучительства; но въ нынѣшнемъ году, съ одной стороны, благодаря даннымъ на страницахъ журнала „Вѣра и Разумъ“ просвѣщеннымъ богослужебнымъ распоряженіямъ нашего Высокопреосвященнаго Архипастыря, (Антонія), а съ другой—подъ впечатлѣніемъ наплыва въ наши учебныя заведенія изъ западныхъ губерній бѣженцевъ учениковъ, послужившихъ новымъ объектомъ моего наблюденія, этотъ вопросъ приобрѣлъ для меня особенную остроту и вызвалъ болѣзненную чуткость ко всякому проявленію учениками церковно-обрядоваго невѣжества.

Въ началѣ учебнаго года я имѣлъ и поводъ усилить къ этой сторонѣ воспитанія свое вниманіе: въ одномъ изъ старшихъ классовъ послѣ прочтенія предъурочной молитвы не успѣлъ я сдѣлать ученику замѣчанія по поводу его небрежности въ освѣщеніи себя крестнымъ знаменіемъ, какъ получилъ въ отвѣтъ реплику: „да это, батюшка,—обрядъ, а потому большой важности не имѣетъ“. Ко нечю, этотъ ученикъ и его товарищи были выведены изъ того ложнаго взгляда, что обряды большой важности не имѣютъ. Но этотъ случай навелъ меня на грустныя размышленія. По собственному опыту и по опыту своихъ собратьевъ—законоучителей я знаю, съ какимъ трудомъ прививаются учащимся благочестивые навыки въ низшихъ классахъ школы. Сколько настойчивости, вниманія и твердости воли долженъ имѣть за-

* Довладе на Харьковскомъ Епархіальномъ законоучительскомъ съѣздѣ 1915 года.

коноучитель для того, чтобы научить дѣтей хотя бы правильно креститься или носить святой крестикъ у себя на груди. Малѣйшее слабоволіе, забывчивость или небрежность законоучителя въ этомъ отношеніи—и разъ начатое дѣло рушится, такъ какъ ребенокъ удивительно вѣрно подмѣчаетъ, чѣмъ „батюшка“ интересуется, какія требованія повторяетъ и повѣряетъ, и что мало привлекаетъ къ себѣ его вниманіе. Требуется неопустительная пастырская бдительность, потому что каждый день при внимательномъ отношеніи вы найдете дѣтей безъ креста на шеѣ—или утеряннаго, или забытаго во время умыванія гдѣ то на умывальникѣ, или просто оставленнаго дома по причинѣ непрочности оборвавшагося шнурка, или не купленнаго еще мамой; каждый день вы увидите, какъ уродливо полагается дѣтьми крестное знаменіе—вмѣсто чела на носъ или уста, вмѣсто плеча подъ плечо и т. д. И вотъ приходится констатировать, что этотъ великій трудъ законоучителя остается малопродуктивнымъ, и въ старшихъ классахъ дѣти теряютъ то, что внушено имъ съ такою затратою энергіи въ дѣтствѣ. Гдѣ искать причину сего? Думается намъ, что помимо всего прочаго, о чемъ постоянно твердить намъ духовная пресса, помимо тлетворнаго духа времени, помимо церковнаго невѣжества или нравственнаго разложенія той семьи и среды, изъ которой набирается контингентъ учащихся, немалая доля вины за это упущеніе падаетъ и на насъ—воспитателей. Въ низшихъ начальныхъ школахъ законоучители, имѣющіе часто по три—четыре школы въ приходѣ и обремененные требоисправленіями да письмоводствомъ, не имѣютъ ни времени, ни силъ отнестись къ дѣлу воспитанія съ должнымъ вниманіемъ, а заботятся только о томъ, какъ бы дѣти прилично отвѣтили на экзаменѣ, гдѣ экзаменаторами явятся люди, сами нешолучившіе церковнаго воспитанія, требующіе буквы, а не духа религіи. Въ среднихъ школахъ всѣхъ типовъ, начиная съ четвертаго и кончая старшимъ классомъ, производится односторонняя погоня за знаніями, оставляющая далеко за собою воспитаніе: тутъ происходитъ усиленная нагрузка памяти часто излишними тонкостями, малодоступными для питомцевъ свѣтской школы философскими и богословскими сужденіями и отрывочными текстами Свящ. Писанія, которые для незнакомыхъ съ са-

мыми священными книгами юношей мало имѣютъ значенія. Гдѣ же тутъ воспитаніе? Вѣдь, тѣ умозрительныя истины вѣры, которыя именуются догматами, въ нашихъ школахъ преподаются большинствомъ законоучителей отвлеченно, внѣ приложенія ихъ къ жизни. При этомъ забывается главное требованіе методики Закона Божія—одновременное дѣйствіе урока на всѣ силы души, т. е. обогащеніе ума знаніями, умягченіе сердца эстетическими образами, пробужденіе благихъ порывовъ воспитываемой въ добрѣ воли учащихся. Отсюда—печальные результаты воспитанія: полное равнодушіе къ тѣмъ знаніямъ и христіанскимъ принципамъ, которые преподавались въ школѣ, и быстрое подчиненіе голосу общественнаго мнѣнія, часто несогласнаго съ истиной Христовой,—равнодушіе къ уставамъ церкви, ея заповѣдямъ, ея храму, ея дивному богослуженію—по выходѣ изъ школы. Въ наше преподаваніе Закона Божія вкралась досадная погрѣшность, которую мы всѣ ищемъ и не можемъ найти. Эта погрѣшность привела насъ къ разрыву съ живою вѣрою не только христіанъ первыхъ вѣковъ, нравственная высота которыхъ едва-ли повторится въ исторіи, но и къ разрыву съ вѣрою нашихъ предковъ до-Петровской Руси. Правда, благочестіе этихъ предковъ не разъ было осмѣяно въ литературѣ за его излишнюю и одностороннюю обрядность. Но въ эту-то обрядность вложена была душа русскаго христіанина, а послѣдовательными отступленіями отъ этой обрядности, сознательнымъ или бессознательнымъ устраненіемъ обрядоваго воспитанія изъ школы устранена и живость нашей вѣры и создана будущность нашихъ уроковъ Закона Божія. А какъ протестъ противъ бездушности религіозно-нравственной жизни, мы видимъ многочисленные толки старообрядцевъ и сектантовъ, въ поискахъ живой вѣры удаляющихся отъ св. церкви „на страну далече“. И хочется теперь, когда ужаснѣйшая война выдвинула вопросъ о переоцѣнкѣ многихъ цѣнностей, кликнуть кличъ братьямъ-пастырямъ: „не слѣдуетъ-ли намъ, братья, оживить давно оставленное церковно-обрядовое воспитаніе въ школѣ? Не служить-ли причиною религіознаго охлажденія общества усвоенная подъ вліяніемъ протестантскаго умозрительнаго богословія исключительная наша привязанность къ нагруженію юныхъ головъ отрывочными знаніями

богословскихъ тонкостей въ ущербъ привитію дѣтямъ благочестивыхъ навыковъ нашихъ предковъ? Не пора-ли намъ перестать бояться, что обряды могутъ повести только ко внѣшнему благочестію и ханжеству, убивая внутреннее сердечное расположеніе и настроеніе? Конечно, всякое средство, само по себѣ нравственно безразличное, можно сдѣлать орудіемъ либо добра, либо зла,—въ зависимости отъ того, какъ имъ пользоваться. Такъ и обряды, при неумѣломъ пользованіи могутъ затемнить въ умахъ лежащую въ основѣ ихъ истину. Но бояться этого не слѣдуетъ, уяснивши себѣ правильное значеніе обряда.

Ибо—что такое обрядъ?

1) Обрядъ есть внѣшнее выраженіе вѣроваій человѣка. Люди—не духи, и никогда таковыми не будутъ. А будучи существами чувственно-духовными, они и стараются въ представленіи своемъ все невидимое, духовное, идеальное облечь въ видимое, чтобы чрезъ то сдѣлать его доступнымъ себѣ. Такъ, напр., Высочайшее Существо Богъ въ высшей степени духовенъ и безконечно возвышенъ надъ природою; поэтому человѣкъ, особенно съ невысокимъ нравственнымъ развитіемъ, и неспособенъ ни представить Его Себѣ, ни стать въ живыя отношенія къ Нему безъ видимаго посредства. Такимъ посредствомъ и служитъ обрядъ. Какъ для древняго Израиля явленіе огня, грома, бури, молніи служило знакомъ присутствія Божія на Синаѣ, такъ и обрядъ всегда и вездѣ служитъ для человѣка символомъ и удосто-вѣреніемъ въ дѣйствительности присутствія и воздѣйствія Бога на человѣка. Православная Церковь вѣруетъ, что каждый обрядъ, совершенный во имя ея, имѣетъ то или другое освящающее, обновляющее и укрѣпляющее значеніе. Оторванная отъ всякой видимости и обрядности религіозность принимаетъ видъ или неопредѣленной чувствительности, какъ нѣмецкій шетизмъ, или же крайней логической отвлеченности, каковъ раціонализмъ. Въ Свящ. Писаніи объ обрядахъ говорится мало, такъ какъ порядокъ и чинъ богослуженія ни Христомъ, ни апостолами не установленъ. Обряды развивались съ развитіемъ самой жизни Церкви, и она то сокращала, то дополняла ихъ, то уничтожала, то замѣняла

1) Настоящее понятіе объ обрядахъ составлено по свѣдѣніямъ энциклопед. словаря Бракгауза и Ефрона (см. церковн. обрядъ).

новыми. Церковь считала себя въ правѣ дѣлать это, сохраняя свою вѣру неизмѣнною и имѣя для сего основаніе въ примѣрѣ святыхъ апостоловъ, на соборѣ въ Іерусалимѣ постановившихъ не слѣдовать ветхозавѣтному обряду обрѣзанія. На основаніи практики древней вселенской Церкви и у насъ, на Руси, нынѣ Церковью оставлены существовавшіе раньше нѣкоторые обряды, каковы напр.: чинъ пещнаго дѣйства, чинъ дѣйства страшнаго суда, чинъ дѣйства въ недѣлю Ваий и проч. Однако обрядъ не есть что-либо произвольное и случайное: та или другая обрядовая особенность рождается обыкновенно изъ народно-бытовыхъ формъ, какъ наилучшій для даннаго времени способъ выраженія и охраненія церковной истины въ одинаково для всѣхъ доступномъ символическомъ знакѣ. Но то, что представляется наилучшимъ для даннаго времени, можетъ перестать быть таковымъ для послѣдующаго. Какъ человѣческая форма выраженія божественной истины, разъ принятый обрядъ сохраняетъ свое значеніе лишь до тѣхъ поръ, пока дальнѣйшіе успѣхи религіознаго сознанія не вызовутъ къ жизни новыхъ, болѣе современныхъ обрядовыхъ формъ. Сколько же души, думается намъ, вляли наши предки въ тѣ или другіе обряды, если эти послѣдніе во всей ихъ красѣ являлись выраженіемъ религіознаго сознанія общества данной эпохи! Удивительно-ли, что при невысокомъ уровнѣ умственнаго развитія наши старообрядцы отождествили обряды съ догматами? Но то была неправильная уродливая форма привязанности къ обрядамъ. Наша же Церковь православная при всемъ великолѣпіи и богатствѣ ея богослуженія и обрядовъ замѣчательно умѣла сохранить равновѣсіе между формою и содержаніемъ, между высокою истиною и ея не менѣе высокимъ выраженіемъ. У насъ нѣтъ ни католическаго преобладанія внѣшности, затмевающей существо вѣры, ни реформатскаго отрицанія обрядовъ, лишающаго вѣру наглядности. А потому при настоящемъ уровнѣ просвѣщенія бояться отождествленія догмата съ обрядомъ едва-ли слѣдуетъ. Отрывать же отъ людей, живущихъ не столько умомъ, сколько чувствомъ, церковные обряды—не значить-ли лишить ихъ одного изъ источниковъ религіозной жизни?

Въ февральской книжкѣ журнала „Богословскій Вѣстникъ“ за 1918 годъ была помѣщена очень содержательная

статья священника И. Гумилевскаго: „Апостольское пониманіе богослужебнаго чина“. Въ этой статьѣ авторъ останавливаясь на заповѣди св. ап. Павла: „вся благообразно и по чину да бываютъ“ (1 Кор. XIV, 40), пытается выяснитъ, чѣмъ именно былъ богослужебный чинъ въ своемъ преобразованіи, когда еще богослуженіе не имѣло опредѣленной фizioноміи, и находилось въ первой фазѣ своего развитія. Несомнѣнно, въ словахъ Апостола: „по чину да бываютъ“, и тотъ несложный элементарный чинъ, какой существовалъ въ его время, получилъ апостольскую санкцію, чѣмъ было обеспечено его дальнѣйшее существованіе. Затѣмъ, приводя такое, повидимому, несущественное указаніе Апостола, какъ о неприличіи женѣ молиться Богу (въ собраніи) съ непокрытою головою (1-е Кор. 11, 13), о. Гумилевскій подчеркиваетъ святую ревность Апостола въ охраненіи даже мельчайшихъ подробностей человѣческаго быта, если эти подробности вошли въ сферу христіанскаго богослуженія. Обычнымъ, повседневымъ явленіемъ для всѣхъ была женщина съ покрытою головою; казалось, это явленіе было совершенно безразлично къ вопросамъ богослужебнаго характера. Но вотъ, она появляется въ собраніи молящихся съ непокрытою головою и становится объектомъ апостольскаго вниманія. Непривычное явленіе признается за личное безстыдство, за церковное неприличіе, или безчинство. Св. Апостоль доказываетъ это неприличіе рядомъ аподиктическихъ сужденій о подчиненіи Христа Богу (Отцу), мужа—Христу, жены—мужу, какъ главѣ; на нихъ мы останавливаться не будемъ. Для нашихъ цѣлей интересенъ выводъ о. Гумилевскаго: „поступать по чину означаетъ: присутствуя за христіанскимъ богослуженіемъ, наблюдать прежде всего чинъ естественно сложившейся жизни, поскольку она запечатлѣна ясными слѣдами религіозной думы въ положительномъ смыслѣ этого слова“. И далѣе: „предписаніе хранить общеизвѣстный обычай, говоритъ авторъ, обращается въ требованіе богослужебной дисциплины, получая религіозное освѣщеніе и входя въ составъ христіанскаго богослуженія, какъ одинъ изъ его необходимыхъ моментовъ. Жизнь есть непрестанное богослуженіе (Дѣян. 17,28). А потому и христіанское богослуженіе не начало, а кульминаціонный пунктъ этого богослуженія, моменты наивысшаго напряже-

нія религиознаго чувства. Чтобы подняться на вершину, нуженъ постепенный подъемъ, и онъ начинается съ религиозной дисциплины, обнимающей всю жизнь человѣка, обращающей его въ непрестанное хожденіе предъ лицомъ Живаго Бога, какъ бы въ чувствѣ постояннаго осязанія Его, видѣнія одесную себя силы Его. Въ этомъ именно смыслѣ получаетъ свою ясность строгое требованіе, предъявленное Апостоломъ свободы къ женщинамъ—соблюдать обычай покрытія головы, какъ непрерывное памятованіе о Богѣ и Его волѣ... Требованіе Апостола можетъ быть рассматриваемо, какъ прототипъ тѣхъ главъ Типикона и разсѣянныхъ по нему отдѣльныхъ замѣчаній, которыя предъявляютъ къ молящимся опредѣленныя (правила) требованія богослужебной дисциплины и при томъ не только въ моментъ присутствія ихъ въ храмѣ, но и внѣ его, въ повседневной жизни... Пусть мы развиваемся самодѣтельно. Но мы изживаемъ энергію, возгрѣваемую силою Бога, и развиваемся по Божьему плану. Въ этомъ смыслѣ мы Богомъ живемъ, движемся и существуемъ (Дѣян. XVII, 28). А если такъ, то нѣтъ явленія жизни, безразличнаго въ религиозномъ отношеніи, какъ нѣтъ и самой жизни внѣ Бога даже тамъ, гдѣ она есть жизнь противъ Бога... Жизнь есть непрерывное богообщеніе или, что то же, непрерывное богослуженіе: каждое явленіе человѣческой жизни запечатлѣно религиозной думой, такъ какъ въ каждомъ явленіи просвѣчивается мысль Бога о Своемъ созданіи или мысль человѣка о Богѣ и данныхъ Имъ законахъ жизни. Здѣсь то и получаетъ свое объясненіе та настойчивость, съ которою Апостолъ защищаетъ общечеловѣческій обычай женщинъ покрывать свою голову: это—символизированная мысль Бога о женщинѣ, опредѣлившая разъ навсегда: „къ мужу твоему влеченіе твое, и онъ будетъ господствовать надъ тобою“ (Быт. III, 16),—и вмѣстѣ съ тѣмъ символизированное послушаніе женщины уставамъ Божества“.

Выводя изъ своихъ сужденій объ апостольскомъ пониманіи богослужебнаго чина то первое положеніе, что поступать по чину—это значитъ пребывать въ чинѣ естественно сложившейся жизни, поскольку она запечатлѣна ясными слѣдами религиозной думы, о. Гумилевскій цитируетъ въ своей статьѣ другое мѣсто изъ того же посланія къ Корин-

бянамъ: „хвалю васъ, братья, что вы все мое помните и держите преданія такъ, какъ (καθώς) Я передалъ вамъ“ (XI, 2 ст.), и говоритъ: „поступать по чину въ этомъ смыслѣ слова значить: дѣйствовать въ точномъ соотвѣтствіи съ апостольскимъ преданіемъ, не извращая его личными кривотолками“. Какъ разъ у Коринѳянъ, которыхъ Апостоль хвалитъ за сохраненіе преданій, какъ видно изъ контекста рѣчи, и были отступленія въ отношеніи богослужебнаго чина, выражавшіяся въ томъ, что нѣкоторые вѣрующіе, сходясь въ домъ молитвы со своими приношеніями для проскомидіи и вечера любви, проявляли грубое нарушеніе богослужебнаго чина: прежде совершенія евхаристіи наѣдались и упивались, служа болѣе плоти, нежели духу. Эти вѣрующіе, очевидно, однимъ внѣшнимъ образомъ воспріали апостольское преданіе о Божественной евхаристіи (1 Кор. XI, 23—26), заботясь только объ объективной точности принятаго отъ Апостола евхаристійнаго дѣйствія, но не создавая и не вызывая въ себѣ соотвѣствующихъ этому дѣйствію душевныхъ настроеній и переживаній. Но одна объективная точность обезсмысливаетъ богослуженіе, если самая жизнь водится въ это время сторонними побужденіями. Чтобы обуздать плотоугодниковъ, св. Павелъ предписалъ коринѳянамъ строгую дисциплину самоиспытанія, которая имѣла въ послѣдствіи такое огромное значеніе въ исторіи богослуженія: „Да искушаетъ человекъ себе, и тако отъ хлѣба да ястъ, и отъ чаши да пьетъ: ядый бо и пійй недостойнѣ, судъ себѣ ястъ и пьетъ, не разсуждая Тѣла Господня“ (1 Кор. XI, 29). „Самоиспытаніе, говоритъ Гумилевскій,—это центростремительное тяготѣніе души къ Богу своему, обнимающее всѣ ея силы... Сердце въ этомъ случаѣ свободно влечется къ Богу, увлекаая за собою и волю на богоугодную дѣятельность. Происходитъ постоянная провѣрка: „въ вѣрѣ ли мы?“ (2 Кор. 13, 15). Такъ строго и опредѣленно подчеркнутый Апостоломъ принципъ самоиспытанія въ дополненіе къ несложному чину евхаристіи, опредѣлившемуся въ своихъ существенныхъ и неизмѣняемыхъ моментахъ, обезпечилъ будущность развитію христіанскаго богослуженія. Ибо, чѣмъ въ сущности оно является въ своемъ историческомъ развитіи со стороны содержанія, какъ не постепеннымъ накопленіемъ религіознаго творчества самоиспытующей совѣсти, которая

то плачетъ, то восторженно ликуетъ, то размышляетъ о вещахъ божественныхъ въ неизмѣнномъ намѣреніи быть причастникомъ Христовыхъ Таинствъ“.

Отсюда—поступать по чину, прибавимъ мы, будетъ еще значить: восходя отъ силы въ силу, стремиться повѣркою своей души и воспитаніемъ сердца и воли постоянно вызывать въ себѣ то душевное настроеніе, какое соотвѣтствовало бы переживаемымъ Церковью священнымъ воспоминаніямъ и богослужебнымъ моментамъ. Церковь должна славить Бога „единими усты и единѣмъ сердцемъ“. Посему даже служители Церкви коринтской, одаренные отъ Бога особыми чрезвычайными дарованіями—даромъ пророчества, даромъ языковъ или истолкованія пророчествъ,—когда изрекали свои пророчества или импровизировали молитву, оставляя ихъ безъ объясненія для молящихся призываются Апостоломъ къ соблюденію чина: „вся благообразно и по чину да бываютъ“ (1 Кор. XIV, 40).

Кто же теперь изъ нашихъ воспитанниковъ своимъ пониманіемъ церковнаго чина и своимъ стремленіемъ осуществить понятое въ жизни соотвѣтствуетъ сему апостольскому воззрѣнію? Кто наблюдаетъ проникнутый религіозной думою порядокъ естественно сложившейся жизни? или кто хранитъ апостольскія преданія, не извращая ихъ криво-толками? Кто такъ чутокъ, что всякій высокопоэтической моментъ богослужебнаго подъема отражается въ его живой душѣ такъ, какъ высокій звукъ въ одинаково настроенныхъ инструментахъ?—Наши учащіяся, какъ провинціальныхъ, такъ и губернскихъ училищъ, и не только южныхъ и западныхъ, а вѣроятно, и повсемѣстныхъ, являются въ своей церковной жизни и дома и въ храмѣ почти полными профанами. Да они тутъ и не совсѣмъ виноваты: они просто не воспитаны ритуально, а посему и не знаютъ ни объективно уставовъ св. Церкви, ни субъективно своего церковнаго долга. Встарину, когда не было школъ, святой долгъ воспитанія въ дѣтяхъ церковно-обрядовыхъ навыковъ и чувствъ принимали на себя родители. Исторія первыхъ вѣковъ христіанства повѣствуетъ о тѣхъ незабвенныхъ матеряхъ, которыя воспитали для Церкви великихъ свѣтильниковъ вѣры, о тѣхъ простыхъ благочестивыхъ семьяхъ, гдѣ дѣти вмѣстѣ съ родителями творили единую молитву въ

благопотребные моменты, гдѣ вмѣстѣ пѣли псалмы, вмѣстѣ читали евангеліе, вмѣстѣ постились и говѣли. Гдѣ теперь такая семья? Что дастъ дѣтямъ нынѣшняя мать (даже) не простая (простая, по нашему мнѣнію, кое-что дастъ), а интеллигентная, но неполучившая церковнаго воспитанія? Я знаю мать, которая имѣетъ сейчасъ полуторагодового сына, ни разу еще непричащеннаго Св. Таинъ (мать окончила курсъ въ гимназій и, кажется, сама еще дочь священника). Что можетъ дать та семья, которая сама не молится, не постится и въ храмѣ не бываетъ? Во второмъ классѣ у меня былъ мальчикъ, который до поступленія въ гимназію никогда не раскрывалъ евангелія, а между тѣмъ сообщалъ мнѣ нелѣпыя свѣдѣнія о младенчествѣ и отрочествѣ Спасителя, и на мой вопросъ: „откуда ты это узналъ?—давалъ отвѣтъ: „мнѣ папа давалъ читать книгу „о неизвѣстной жизни Іисуса“. Другой нетронутый мальчикъ въ приготовительномъ классѣ на мой вопросъ: „когда ты молишься?“—„никогда не молюсь“.—„Почему?“—„у насъ ни папа, ни мама—никто никогда не молится“. Ужасомъ вѣетъ отъ такого семейнаго воспитанія. А посмотримъ теперь результаты школьнаго воспитанія тѣхъ недалекихъ отъ насъ предшествовавшихъ лѣтъ, въ которые воспитывались наши отцы и дѣды. Лучше всего судить о томъ воспитаніи по плодамъ его. Но что это за плоды? Припоминается мнѣ слѣдующая картина: въ соборѣ за царскимъ молебномъ стоитъ группа чиновниковъ, занимающихъ въ городѣ видное положеніе, и очень непринужденно ведетъ между собою оживленный разговоръ. Что совершается передъ глазами цѣлымъ соборомъ священнослужителей, о чемъ возносятся прошенія—это для вѣсншихъ въ храмъ житейское оживленіе представителей провинціального beau-mond'a не представляетъ никакого интереса. Ни одинъ изъ нихъ за все время моихъ невольныхъ наблюденій не счелъ своимъ долгомъ перекреститься. Но вотъ настоятель читаетъ св. евангеліе о дани кесарю и выразительно произноситъ: „и глагола имъ; чій образъ сей и написаніе? И глаголаша Ему: кесаревъ“... (Мѡ. 22, 20—21). Что сталося съ чиновниками?—какъ будто пронизанные электрическимъ токомъ, по примѣру одного, всѣ быстро и часто закрестились. Что разбудило ихъ? или обрадовались тому, что на монетѣ былъ образъ кесаревъ?.. И удивительно

еще то, что среди чиновниковъ были лица, получившія воспитаніе въ кадетскихъ корпусахъ, гдѣ, по общему мнѣнію и историческимъ даннымъ, обученіе Закону Божию стоитъ выше, чѣмъ въ гимназіяхъ. Подобныхъ случаевъ при желаніи можно бы привести не мало. Но кому и безъ того не извѣстна полная невнимательность, пассивность и безсознательность тѣхъ нашихъ молящихся, которые во всѣхъ другихъ областяхъ, кромѣ религіи, заявляютъ себя „сознательными“? А что сказать о духовной школѣ послѣдней четверти прошлаго столѣтія? Едва-ли церковно-воспитательная сторона стояла въ ней выше, чѣмъ въ свѣтской. Одинъ уважаемый священникъ, очень усердный въ выполненіи церковнаго устава не только въ богослужебномъ чинѣ, но и въ домашней жизни, съ горечью рассказывалъ мнѣ, что по окончаніи семинаріи онъ цѣлый годъ священствовалъ, совершая литургію безъ всякихъ къ ней приготовленій и испытаній совѣсти. Онъ уже черезъ годъ съ ужасомъ узналъ отъ своего сосѣда-священника, что готовящимся служить литургію положено прочитывать правило изъ опредѣленныхъ каноновъ и молитвъ. Да развѣ школа, готовившая будущихъ пастырей, не должна была научить ихъ этой святой обязанности? Такъ стояла церковно-обрядовая, или церковно-уставная сторона воспитанія для родителей нашихъ учениковъ; такъ стоитъ она и нынѣ въ отношеніи нашихъ питомцевъ и дома, и въ школахъ, и въ храмѣ, гдѣ это лучше всего наблюдается. Вотъ входитъ гимназистъ, реалистъ, студентъ или просто школьникъ въ храмъ: идетъ, не перекрестившись, впередъ, стучить ногами, и если не видитъ товарищей передъ глазами, то переходитъ съ мѣста на мѣсто, не находя, гдѣ ему лучше стать. Слѣдите за нимъ внимательно, и вы поразитесь, сколь далекимъ, чужимъ, малопонятнымъ является для него тотъ благослужебный чинъ, который исполненъ весь дивной повѣи, то тоскующей и плачущей о грѣхахъ, то единодушно возглашающей хвалу Богу, то громогласно торжествующей побѣду надъ смертію и общее воскресеніе: „поклонимся Отцу“, „поклонимся Святому Господу Іисусу“, „приидите поклонимся и припадемъ ко Христу“—это для него пустые звуки. Слушаніе святаго евангелія, его цѣлованіе, поклоненіе праздничной, иконѣ—все это требуетъ не только соответствующаго внутренняго

настроения, но и внѣшнихъ приемовъ церковнаго приличія, каковыя часто остаются для учащихся невѣдомыми; когда осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, когда полагать поклоны и какіе—поясные или земные, когда преклонять главу, или креститься безъ поклоновъ, какъ держать себя при исповѣди и святомъ причащеніи, и какъ готовиться къ нему—и это усваивается дѣтми не сразу, требуетъ настойчиваго и долгаго упражненія и внушенія со стороны воспитателей. Предоставить все личному усмотрѣнію молящихся нельзя: ибо чинъ богослуженія долженъ служить цѣлямъ общецерковнаго сознанія, а не быть выраженіемъ личныхъ переживаній.

Что касается домашней жизни учащихся и ихъ благочестивыхъ въ ней навыковъ, то такая не подлежитъ нашему наблюденію; но можно думать, что и тамъ дѣло обстоитъ нисколько не лучше, если не хуже: тамъ некому слѣдить за дѣтми съ этой стороны—и это крупный минусъ въ системѣ нынѣшняго семейнаго воспитанія. На смѣну семьи является школа. Такъ пусть же наша школа будетъ лучше, чѣмъ школа, воспитавшая нашихъ отцовъ. Школа должна исправить и пополнить недостатки семейнаго воспитанія во всѣхъ его частяхъ, и будетъ преступно предъ Богомъ и церковью для пастыря-законоучителя пренебречь проявленіемъ религіозныхъ думъ и навыковъ учащихся дѣтей. Наткнувшись первоначально на удивительную трудность въ этомъ дѣлѣ, на упорство усвоенныхъ съ дѣтства неблагочинныхъ привычекъ дѣтей, я склоненъ былъ думать, что въ маломъ возрастѣ, пока нѣтъ развитого сознанія, церковное дисциплинированіе и недостижимо. Но вѣдь еврейскія дѣти въ 4—6 лѣтъ отъ роду уже знаютъ свои талмудическія правила, и меня не мало поразило, когда одна маленькая (6—7 лѣтъ) подруга моей дочери—еврейка за чаемъ заявила, что ей нельзя взять масла къ хлѣбу ножомъ, а нужно ложечкою. А какъ благоговѣнно и сознательно держать себя на молитвѣ католическія дѣти! И эти навыки дѣтства остаются на всю жизнь. Среди моихъ сослуживцевъ есть католики съ университетскимъ образованіемъ, который и теперь не выйдетъ изъ дома, предварительно не перекрестившись. Значитъ ритуальное воспитаніе возможно и доступно.

Чтобы не остаться одинокимъ въ своихъ сѣтованіяхъ на тотъ перерывъ, который разъединилъ наше законоучительство съ церковнымъ воспитаніемъ нашихъ древнихъ предковъ, я позволю себя сослаться на подобныя же жалобы нѣкоторыхъ собратьевъ. Въ 35-мъ номерѣ журнала „Законоучитель“ была помѣщена статья законоучителя Екатеринбургской епархіи священника І. Покровскаго: „законоучительство по церковнымъ книгамъ“. Въ ней авторъ жалуется на то, что въ нынѣшнемъ обученіи Закону Божію „все отнесено къ области знанія, умственности: много надо знать по программамъ (умъ). Между тѣмъ, пишетъ Покровскій, по нашимъ наблюденіямъ, по человѣческому разсужденію, религія держится сердечными привязанностями, привычкою, любовію къ праздникамъ, къ обрядности (сердце и воля). Любовь эта вложена, скажемъ, съ младенческихъ лѣтъ воспитателями, подводившими мальчика къ образамъ, освѣщеннымъ лампадкою, водившими его любить посты и послѣ нихъ ожиданіе разговѣнья, согрѣвая, освѣщая эти уставы сказочной поэзіей: „скоро, Ваня, молочко прилетитъ, теперь оно уже на березкѣ“. Далѣе выражается въ статьѣ тоска по той утратѣ, какую понесла наша школа съ „освобожденіемъ“ ея отъ часослова. На нѣкоторое время утрата часослова восполнялась „Роднымъ Словомъ“ Ушинскаго, въ которомъ былъ своеобразный религіозный отдѣлъ въ видѣ дневника мальчика, записавшаго свои впечатлѣнія въ Рождество, въ великій постъ, въ страстную недѣлю, въ пасхальную ночь и проч. Это были чудныя высокоталантливыя страницы, но не „поворачиваясь“, говоритъ авторъ, кому-то свободное обращеніе съ религіозными впечатлѣніями, и эта книга удалена изъ школы. „Въ Часословѣ и Псалтири—въ избранныхъ псалмахъ и величаніяхъ—праздники представлены въ прекрасномъ видѣ, звучно, красиво, трогательно, божественно! Изложеніе же событія не даетъ праздника—безъ стихирь, безъ канона, безъ величанія“. Въ другой своей статьѣ (въ № 40 того-же журнала)—„церковное законоучительство“—о. Покровскій опять жалуется на то, что „въ нашей программѣ—нѣтъ мѣста Псалтири“, а между тѣмъ еще св. Златоустъ говоритъ: „уне есть солнцу престати отъ теченія своего, неже оставити Псалтирь“. Раньше—не рѣдкость было встрѣтить знатоковъ Часослова и Псалтири, ка-

ковы были историческія личности—царь Алексѣй Михайловичъ, Петръ Великій, Ломоносовъ и другіе, а теперь ихъ нѣтъ. И все это глубоко вѣрно. Тамъ же, въ „Законоучителѣ“ мы найдемъ откровенное признаніе не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ сѣздовъ въ томъ, что церковно-обрядовое воспитаніе отсутствуетъ въ свѣтской школѣ, и это является однимъ изъ существенныхъ ея недостатковъ.

Такъ подумаемъ же, отцы и братія, о томъ, какъ этотъ недостатокъ исправить! Конечно, это весьма трудная задача, и придумать мѣры воспитанія здѣсь, на непродолжительномъ нашемъ собраніи, едва-ли возможно. А посему и цѣлью моего доклада являлось не столько указаніе средствъ ритуальнаго воспитанія, сколько возбужденіе къ этой сторонѣ законоучительства нашего общаго вниманія. Быть можетъ, кто-нибудь подумаетъ объ этомъ въ свободныя минуты у себя дома, да и подѣлится съ нами печатно черезъ журналъ „Пастырь и паства“. Однако и съ своей стороны укажу на то, что представляется для меня въ настоящее время цѣлесообразнымъ въ этомъ отношеніи. а) Во-первыхъ, наше законоучительское братство уже сдѣлало рѣшительный шагъ къ церковному воспитанію дѣтей, вводя въ программу по Закону Божию чтеніе Священнаго Писанія въ старшихъ классахъ средней школы. б) Чтобы это дѣло шло успѣшно, необходимо существующую по вѣроученію и нравоученію для этихъ классовъ программу значительно сократить. Полагаться въ этомъ дѣлѣ сокращенія лично на себя не всякому законоучителю безопасно, хотя Министерство Народнаго Просвѣщенія однимъ изъ недавнихъ циркуляровъ и зоветъ насъ въ нынѣшнемъ году къ такимъ сокращеніямъ. А потому слѣдуетъ намъ просить законоучительскую комиссію при нашемъ братствѣ обсудить это дѣло и дать намъ печатно указаніе тѣхъ вопросовъ, которые безъ ущерба для дѣла могутъ быть опущены. Въ противномъ случаѣ сокращеніе программъ нарушитъ единообразіе въ отдѣльныхъ школахъ, что можетъ практически затруднять учащихся при переходѣ изъ одного учебнаго заведенія въ другое, да и само по себѣ нежелательно. Сокращеніе необходимо въ цѣляхъ выигрыша времени для чтенія Свящ. Писанія, а чтеніе Свящ. Писанія, несомнѣнно, заставитъ учащихся иной разъ присмотрѣться внимательнѣе къ тому или другому

жизненному явленію, проникнуть въ него религіозной душою, провѣрить свое душевное состояніе съ ученіемъ о немъ свв. основателей церкви—и это уже будетъ крупнымъ нашимъ завоеваніемъ.

в) Необходимо намъ законоучителямъ во время урока ни на минуту не забывать, что цѣлю его является не одно выясненіе даннаго вопроса для интеллекта учениковъ, но раньше всего его дѣйствіе на сердце и волю воспитанника, на возбужденіе въ немъ соотвѣтствующихъ душевныхъ волненій и благихъ порывовъ къ совершенію добра. Къ сожалѣнію, погоня за отмѣтками для четверной вѣдомости часто парализуетъ нашу работу на классныхъ урокахъ. Поэтому по вопросамъ церковно-обрядовымъ наилучшимъ средствомъ являлись бы бесѣды законоучителя внѣ урока, когда ученику впередъ не угрожаетъ двойка, совершенно связывающая его психику. Для этого нужно посвящать отдѣльные уроки, особенно въ низшихъ классахъ, напередъ объявивши ученикамъ: „сегодня спрашивать не буду, а поговорю о томъ то“. Такія бесѣды особенно цѣнны предъ [великими праздниками, наканунѣ богослуженій, въ Великій постъ, предъ говніемъ и проч. Еще лучше давать наставленія по практическимъ вопросамъ церковной жизни послѣ утренней предъурочной общей молитвы, при условіи, чтобы эти наставленія не были обширны. Я не могу до сихъ поръ не вспоминать съ благодарностью своего о. ректора семинаріи, который по временамъ давалъ намъ въ храмѣ послѣ молитвы чисто практическія указанія о томъ, какъ нужно держать себя за богослуженіемъ: святость ли мѣста или приподнятое молитвою настроеніе оказывало свое вліяніе, но эти наставленія ложились на душѣ сильнѣе всякихъ классныхъ и книжныхъ о томъ разсужденій. г) Такою же мѣрою церковнаго воспитанія могло бы служить снабженіе нашихъ учебниковъ отдѣльными наставленіями литургическаго и каноническаго характера. Наше братство въ числѣ предметовъ своихъ занятій намѣчаетъ изданіе учебниковъ. Будетъ великой его заслугой пополненіе книжекъ для младшихъ классовъ наставленіями о томъ, какъ нужно держать себя за богослуженіемъ, какъ нужно говѣть и т. п. Возьмите любую книжку по Закону Божію для приготовительнаго класса, и вы не найдете въ ней даже послѣдованія все-

дневныхъ молитвъ въ церковномъ порядкѣ. Почему бы, напр., въ курсѣ третьяго класса по богослуженію не напечатать составленныя Его Высокопреосвященствомъ (Преосвящ. Антоніемъ), или помѣщенныя въ № 40 журнала „Законоучитель“ правила о томъ, какъ нужно молиться въ церкви? Посмотрите любой учебникъ исторіи Церкви, и вы можете видѣть, какъ сухо, безжизненно излагается въ нихъ исторія вселенскихъ соборовъ. А между тѣмъ соборы были заняты не одними догматами. Развѣ вселенское сознание церковно-практической жизни, выраженное въ каноническихъ опредѣленіяхъ, не менѣе важно для жизни христіанина, чѣмъ догматы? Напечатано ли въ учебникѣ церковной исторіи для ознакомленія хотя одно такое опредѣленіе? Если истины вѣры лучше всего усвоить по первоисточникамъ, т. е. по книгамъ Свящ. Писанія, то нужно то же думать и о правилахъ жизни. Наши же ученики никогда не видѣли и „книги правилъ“.

Но все же, скажемъ въ заключеніе, одними конкретными указаніями здѣсь дѣлу помочь нельзя. Нужна добрая воля законоучителей, нужно усердіе; при немъ можно найти пути къ воспитанію. Такъ пусть же каждый изъ насъ не небрежетъ объ этой сторонѣ воспитанія. Не будемъ считать вопросы богослуженія и хожденія предъ Богомъ малозначащими. Часто и усердно нужно разворачивать страницы Типикона для себя и для учащихся: вѣдь онѣ писаны, по выраженію профес. М. Скабаллановича, „людьми, не имѣвшими другой жизни, кромѣ молитвы и поста, которымъ сладость богослуженія позволяла принимать пищу разъ въ 5 дней и спать не иначе, какъ стоя или сидя... Страницы составлявшася ими устава не могли не оказаться политыми слезами умиленія и божественною кровью исповѣдничества“ (Толк. Типик. проф. М. Скабаллановича, вступит. глава, стр. 2). Такъ пусть же наши дѣти знакомятся съ этими святыми страницами, пусть изучаютъ ихъ, и пусть осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ не тогда, какъ слышать, что на монетѣ было изображеніе „Кесарево“, а тогда, когда приглашаются воздать „Божія Богови“!

Свящ. Ал. Соловьевъ.



Скептицизмъ и путь къ побѣдѣ надъ нимъ.

Говорить о скептицизмѣ въ настоящее время—это значитъ затрогивать одну изъ самыхъ чувствительныхъ струнъ жизни современнаго человѣка, беречь самое больное мѣсто ея. Сомнѣнiе во всемъ, неудовлетворенность ничѣмъ, огульное отрицанiе всего,—эти характерныя для нашего общества черты бьютъ въ глаза на каждомъ шагу. Въ религи и въ наукѣ, въ чистомъ знанiи какъ и въ практической жизни доминирующимъ направлениемъ умовъ является недовѣрiе ко всему приобрѣтенному и нажитому, стремленiе къ переоцѣнкѣ самыхъ установившихся и общепризнанныхъ цѣнностей и лихорадочное исканiе новыхъ путей, новыхъ откровенiй и невѣдомыхъ истинъ.

Однако нельзя сказать, что эта волна скептицизма, столь высоко поднявшаяся на поверхности нашего житейскаго моря, является чѣмъ-то доселѣ не видѣннымъ и не слыханнымъ въ исторiи человѣчества. Нѣтъ, нерѣдко и въ прежнiя времена скептическое настроенiе настолько завладало умами людей, что становилось господствующимъ и доводило ихъ положительно до отчаянiя. Таково напр. въ особенности время, предварявшее христіанскую эру.

И ничего нѣтъ удивительнаго въ такомъ господствѣ скептицизма среди людей. Ибо сомнѣваться и отрицать для духа человѣческаго есть его *jus naturale*, его естественная потребность. Развѣ только въ пору ранняго дѣтства человѣкъ можетъ твердо и несомнѣнно довѣрять всему его окружающему, не знать душевныхъ тревогъ и внутренняго разлада. Но вѣдь какъ кратки дни такого блаженнаго невѣдѣнiя и успокоенiя, какъ, съ другой стороны, и малоцѣнна

такая наивная, дѣтская вѣра! Сомнѣніе очень скоро начинаетъ забираться уже въ дѣтскую душу, очень скоро она начинаетъ испытывать недовольство, недовѣріе, подозрѣвать обманъ и ложь въ отношеніи къ себѣ.

По пословицѣ: „чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ“ и челоуѣкъ—чѣмъ дольше живетъ, тѣмъ больше разъѣдается скептицизмомъ. Его не успокоиваетъ религія, его не умиротворяетъ наука. Наоборотъ, чѣмъ глубже заходитъ испытующій умъ челоуѣка въ эти области, тѣмъ какъ бы дальше отодвигается отъ него познаніе истины и вмѣстѣ съ нею разрѣшеніе всякихъ сомнѣній и недоумѣній. „Премудрость откуда обрѣтется и кое мѣсто есть вѣдѣнія. Не вѣсть челоуѣкъ пути ея, ниже обрѣтется въ челоуѣцѣхъ. Бездна рече морю: нѣсть во мнѣ, и море рече: нѣсть со мною“ (Іов. 28, 12—15). Какимъ безотраднымъ скептицизмомъ вѣетъ отъ этихъ словъ и вмѣстѣ какою жизненною правдою звучать они! „Что есть истина“? (Іоан. 18, 38) съ безнадежнымъ сомнѣніемъ вопрошаетъ Христа Пилатъ, и, заранѣе отрицая всякую истину, даже не хочетъ ждать отвѣта на свой вопросъ отъ Лица той истины, Которое стояло предъ нимъ.

Но будучи естественнымъ и свойственнымъ каждому челоуѣку въ отдѣльности, скептицизмъ ео ірсо является неизбѣжнымъ и для цѣлаго общества, для всякаго народа. Зеркаломъ общественной и народной жизни, отражающимъ въ себѣ ея направленія и настроенія, по справедливости считается литература. И вотъ мы видимъ, что народной литературѣ всѣхъ временъ оказываются присущими скептическія ноты въ той или другой ихъ высотѣ и силѣ. Вспомнимъ, напр., хотя бы два произведенія: Гете—„Фаустъ“ и Сенкевича—„Безъ догмата“. Какъ въ первомъ изъ нихъ докторъ Фаустъ, такъ во второмъ главный герой Плошевскій, не смотря на ихъ высокое интеллектуальное развитіе, оба невыносимо страдаютъ отъ обуревающего ихъ духъ сомнѣнія и отрицанія. „Все изучилъ я съ трудомъ и страстью, и вотъ я вижу наконецъ, что тотъ же я, какъ былъ, глупецъ“.. и „даже вижу не добиться знанья, какъ жжетъ меня это сознанье“! Такъ восклицаетъ Фаустъ, и ему вторить въ унисонъ Мефистофель, герой той же драмы: „я—отрицающій всегда все въ мірѣ духъ. И это не проста

все, что на свѣтъ родится, къ уничтоженью лишь годится и потому ему ужъ лучше бы не быть, чѣмъ даромъ землю тяготить“. „Не знаю, не знаю и не знаю“ отзывается о самомъ себѣ Плошовскій. „Скептицизмъ, скептицизмъ, возведенный въ квадратъ, исключаетъ во мнѣ всѣ непоколебимыя убѣжденія. Я не только къ себѣ самому скептически отношусь, но и къ своему скептицизму... Ничѣмъ другимъ, какъ тѣмъ же скептицизмомъ истомленный, поэтъ (Гейне) въ лицѣ стоящаго въ раздумьи на берегу моря юноши говоритъ: „о, разгадайте мнѣ жизни загадку, вѣчно тревожный и страшный вопросъ, о, разрѣшите мнѣ тайну отъ вѣка: въ чемъ состоитъ существо человѣка, что онъ такое, куда онъ идетъ и кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ“.

Нужно ли говорить, что въ нашей отечественной литературѣ типовъ съ преобладающимъ скептическимъ настроеніемъ можно найти сколько угодно. Литературныя произведенія послѣдняго времени, можно сказать, насыщены такого рода типами. Скептики Андреева, Чехова, Горькаго и др. являются не только людьми сомнѣвающимися во всемъ, неудовлетворенными ничѣмъ, но и всеотрицающими чистыми нигилистами. Такое преобладаніе скептическихъ идей въ литературѣ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ настоящей дѣйствительностію, которая за послѣдніе годы характеризуется особымъ усиленіемъ сомнѣній и отрицаній среди нашего общества. Все это принуждаетъ насъ къ тому выводу, что скептицизмъ есть явленіе общечеловѣческое и тяготѣетъ надъ людьми, какъ ихъ неизбѣжный рокъ.

Отъ этого скептицизма, какъ извѣстнаго настроенія и переживанія, нужно отличать скептицизмъ научный, философскій. Подъ именемъ сего послѣдняго разумѣется философское направленіе, характеризующееся, съ одной стороны, сомнѣніемъ въ возможности знанія и постиженія истины, съ другой—отрицаніемъ возможности философскаго знанія, рѣшенія конечныхъ вопросовъ о мірѣ и человѣкѣ. Такой скептицизмъ, само собой разумѣется, не могъ явиться въ первую пору развитія философіи. Какъ ребенокъ въ дѣтскомъ возрастѣ довольствуется наивною вѣрою въ дѣйствительность окружающаго его міра и всѣхъ явленій его, такъ и философія въ первой стадіи своего развитія руководилась убѣжденіемъ въ полномъ соотвѣтствіи своего знанія

съ сущностію вещей, съ реальною ихъ истинностію. Первые философы направляли свое вниманіе на первоначала и конечныя цѣли бытія, на разъясненіе вопросовъ объ устройствѣ и состояніи міра. Такими же вопросами, какъ: что такое знаніе, каковы предѣлы его и т. д., первые философы въ большинствѣ случаевъ не задавались, довѣрчиво принимая за чистую истину показанія своихъ чувствъ и положенія своего разума.

Естественно, что такое слѣпое довѣріе къ показаніямъ чувствъ и силъ разума съ постепеннымъ развитіемъ критической мысли рушилось. Догматисты встрѣтились съ софистами. Эти послѣдніе сразу выдвинули вопросъ о достовѣрности самаго знанія, о значеніи человѣческаго разума въ дѣлѣ познанія, о степени истинности нажитыхъ знаній. Софисты были правы въ своей оппозиціи догматистамъ, въ своемъ требованіи критической провѣрки въ отношеніи къ сущности, методамъ и результатамъ познавательной дѣятельности. Но они не соблюли должныхъ границъ въ своихъ требованіяхъ, взяли задорный, насмѣшливый тонъ и отъ здравой критики иногда уклонялись въ недостойное философа злоупотребленіе свободою мысли, въ пустую діалектику, рассчитанную на эффектъ. Какъ бы то ни было, софисты все же нѣсколько подорвали наивную вѣру въ объективную значимость познанія. Дальнѣйшій и болѣе серьезный ударъ былъ ей нанесенъ абсолютнымъ скептицизмомъ. Представители его дошли въ своемъ изслѣдованіи о достовѣрности человѣческаго познанія до отрицанія всякаго его значенія, до отрицанія самой возможности для человѣка познать истину.

Родоначальникомъ такого скептицизма въ древне-греческой философіи считается Пирронъ (340 г. Р. Х.). Послѣдователями его ученія были Тимонъ, Энезидемъ, Агриппа, Секстъ Эмпирикъ и другіе. О Тимонѣ извѣстно, что онъ письменно изложилъ ученіе Пиррона, но эти сочиненія въ подлинникѣ до насъ не дошли. Взамѣнъ ихъ мы имѣемъ обстоятельное сочиненіе Энезидема: Περὶ ἀσέβειας λόγος (ученія Пиррона). Здѣсь авторъ подробно передаетъ тѣ положенія (τρόπος), которыми Пирронъ и его послѣдователи аргументировали свои скептическія воззрѣнія. Секстъ Эмпирикъ въ сочиненіи Περὶ ἀσέβειας λόγος (Περὶ ἀσέβειας λόγος и др.) далъ еще

болѣе полное и систематическое изложеніе скептической доктрины, въ которой начала пирронизма были доведены уже до *pes plus ultra*. Это и есть такъ называемый абсолютный скептицизмъ, который ставилъ сомнѣніе во всемъ и отрицаніе всею самоцѣлю, и потому только все подрывалъ и разрушалъ, самъ ничего не созидая. Высшимъ идеаломъ жизни такіе скептики считали атораксію, полное равнодушіе ко всему, примиреніе со всѣмъ въ теоріи и практикѣ. О Пирронѣ рассказывается, что этотъ абсолютный скептикъ спокойно выносилъ самыя жестокія операціи, ничуть не волновался во время самыхъ явныхъ угрозъ его жизни (напр. во время морской бури) и при словесныхъ турнирахъ съ своими противниками благодушно сносилъ всякія ихъ дерзости. Къ такой атараксіи долженъ стремиться какъ къ своему идеалу и всякій послѣдователь абсолютнаго скепсиса: онъ долженъ мало-помалу заглушать въ себѣ всякіе интересы и превращаться въ духовную окаменѣлость, въ неподвижную статую. Атараксія въ ея практическомъ и теоретическомъ примѣненіи сводилась къ жизненной, духовной атрофіи и превращала человѣка въ живого мертвеца. Понятно, что ученіе съ такими мертвящими идеалами и началами не могло найти себѣ прочной почвы для существованія. Потому абсолютный скептицизмъ и исчезъ вмѣстѣ съ древней философійю.

Начиная съ Декарта, абсолютный скептицизмъ принимаетъ другой видъ—скептицизма условнаго или относительнаго. Начало и, пожалуй, сущность его Декартъ провозгласилъ въ своемъ тезисѣ: *de omnibus dubitandum*. Отсюда и скептицизмъ его получилъ характеръ собственно скепсиса, сомнѣнія въ признанныхъ истинахъ, но не окончательнаго отрицанія ихъ. Сомнѣніе, по Декарту, есть методъ познанія, его начальный пунктъ, за которымъ слѣдуютъ другіе приемы убѣжденія въ истинѣ, но никакъ не отказъ отъ изслѣдованія, не отверженіе истины, какъ таковой. Однако послѣдующіе философы далеко не всегда и вездѣ усвоили скепсису только такое методологическое значеніе; иногда его возводили въ нѣчто самостоятельное, въ принципъ. Такъ, напр., эмпирикъ Юмъ, считавшій единственно достовернымъ источникомъ познанія опытъ, пришелъ къ отрицанію всей такъ называемой, трансцендентной области по-

знанія. Рационалистъ Кантъ, обличившій Юма въ скептицизмъ, однакоже и самъ склонился къ нему, когда началъ учить, что нашему познанію доступны лишь только внѣшнія явленія и формы или феномены вещей, а ноумены ихъ, или самая сущность, остается недоступной нашему разуму. Онъ призналъ для человѣка возможнымъ познаніе только субъективное, а объективное—отвергъ безусловно. Съ этой стороны „Критика чистаго разума“ Канта есть наглядное доказательство его отрицательно скептическихъ взглядовъ.

Скептицизмъ Юма и Канта подѣйствовалъ заразительнымъ образомъ на всѣхъ слѣдовавшихъ за ними философовъ. Такъ позитивисты (Контъ, Милль) говорили, что мы знаемъ только состоянія и свойства своего духа, но что такое этотъ духъ, что такое матерія, находящаяся внѣ духа и открывающаяся въ немъ, этого мы не знаемъ и знать не можемъ. Они были готовы считать за достовѣрное все осязаемое, очевидное, реальное и никакого значенія не хотѣли придавать всему невещественному, незримому, духовному. Они въ сущности были вѣрными учениками Юма. И даже философы и мыслители ближайшихъ къ намъ годовъ не освободились отъ тѣхъ крайностей скептицизма, въ которыя они то и дѣло впадали при построеніи своихъ системъ и своихъ доктринъ. Особенно яркими типами въ этомъ случаѣ служатъ нѣмецъ-философъ Ф. Ницше и нашъ русскій Л. Толстой, скептическія тенденціи которыхъ простерлись даже до отрицанія религіозныхъ, моральныхъ и культурныхъ цѣнностей.

Подводя итогъ воему сказанному о скептицизмѣ, его сущности и историческомъ развитіи, мы вправѣ утверждать, что скептицизмъ въ той или иной формѣ, въ большей или меньшей силѣ всегда, отъ лѣтъ древнихъ и донинѣ, имѣлъ свое мѣсто у людей въ процессахъ ихъ мыслительной и познавательной дѣятельности, что, слѣдовательно, этотъ скептицизмъ—не случайное явленіе, но коренится въ самой (поврежденной) природѣ человѣческаго духа. Съ другой стороны, для той же (идеальной въ существѣ) природы человѣческаго духа скептицизмъ никогда не былъ и не можетъ быть нормальнымъ настроеніемъ и отношеніемъ человѣка всему окружающему. Всѣ мы отлично сознаемъ, что для того, чтобы жить и жить не бесполезно, надо нѣчто

знать, во что нибудь вѣрить, руководиться извѣстными началами, вдохновляться надлежащими идеалами. Иначе „стоитъ ли жить, въ этой тьмѣ заблужденій, стоитъ ли жить, если правда мертва“ (В. Соловьевъ). Дѣйствительно, тогда не стоитъ жить если мы окружены безпросвѣтной тьмой, если обречены на безнадежныя заблужденія. Однако, люди жили и живутъ и ничего такъ не любятъ, какъ эту жизнь, и именно потому, что видятъ въ ней смыслъ и значеніе, чувствуютъ, что она приводитъ ихъ постепенно къ болѣе яркому свѣту, къ лучезарной истинѣ. Отсюда понятно, что скептицизмъ въ его принципиальномъ (а не методологическомъ) значеніи и особенно въ его крайне-отрицательномъ выраженіи долженъ быть всемирно избѣгаемъ и постепенно устраняемъ, какъ устраняется всякое препятствіе, всякій тормазъ съ той дороги, которая ведетъ къ истинной цѣли и назначенію. Скептицизму должна быть объявлена непримиримая война, съ нимъ должна вестись самая напряженная борьба. Но всякая война и борьба только въ томъ случаѣ бываетъ побѣдоносною для борцовъ и погубительною для врага, когда ведется при пособіи надлежащихъ средствъ, цѣлесообразными приемами. Какія средства и пути могутъ обезпечить намъ побѣду надъ скептицизмомъ? Чѣмъ и какъ можно доказать его несостоятельность? Чѣмъ и какъ можно оправдать наше стремленіе и тяготѣніе къ положительному знанію, наши надежды на достиженіе истины и правды? Чтобы обстоятельно отвѣтить на эти возбужденные вопросы, необходимо подвергнуть основательной критикѣ самыя начала скептицизма, т. е. его крайнее недовѣріе къ познавательнымъ силамъ человѣка и огульное отрицаніе истинности и значимости человѣческаго знанія. Къ этой критикѣ мы теперь и перейдемъ.

II.

Прежде всего, что касается популярно-практическаго скептицизма, съ аспектами коего мы встрѣчаемся почти на каждомъ шагѣ, то нужно сказать, что на него нельзя смотрѣть какъ на строго определенное, логически обоснованное мировоззрѣніе, а просто какъ на преобладающее настроеніе. Того почвою, на которой создается такое скептическое настроеніе, служатъ постоянно наблюдаемые факты ограниченности че-

ловѣка, грубыхъ заблужденій и ошибокъ его разума. Жизнь и дѣятельность человѣческая свидѣтельствуя краснорѣчиво о томъ, что духовныя силы человѣка далеки отъ совершенства, что, поэтому, умственный прогрессъ его идетъ самымъ черепашинымъ шагомъ, что часто кажется „тмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ“, что постоянно намъ приходится испытывать разочарованіе и производить надъ собою опыты самоисправленія. Если Сократъ былъ правъ, когда говорилъ о себѣ: „знаю только, что ничего не знаю“, то не менѣе правъ и современный человѣкъ, повторяющій эти слова. Вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ познаній въ человѣкѣ растутъ и неудовлетворенность ими, жажда новыхъ и новыхъ знаній, и такимъ образомъ усиливается его скептическое настроеніе, создается отрицательный взглядъ на самое значеніе и необходимость этихъ знаній.

Не оспаривая вышеуказанныхъ наблюденій, позволено однако возражать противъ тенденціознаго сгущенія красокъ въ разрисовкѣ бѣдности и ничтожества разума человѣческаго и плодовъ его дѣятельности. Въ этихъ скептическихъ нотахъ слышится больше нетерпѣливости и требовательности людей, горделиво считающихъ себя, только себя центромъ и цѣлю міра, чѣмъ настоящая правда. Центромъ и цѣлю міра служить не одинъ человѣкъ и даже не одинъ народъ, а все человѣчество, развивающееся и совершенствующееся во времени по законамъ строгой постепенности. Въ какой стадіи совершенства находится оно въ данное время, сказать трудно, ибо „времена и лѣта развитія міра и человѣка положилъ Отецъ въ своей власти“ (Дѣян. 1, 7). Можетъ быть человѣкъ только еще начинаетъ дѣло своего духовнаго совершенствованія, можетъ быть онъ только что подошелъ къ своему Оавору, на которомъ должно прозойти его, преображеніе и откровеніе ему истины! Поэтому какія же основанія могутъ быть у него, чтобы падать духомъ и отчаиваться въ виду незавидныхъ результатовъ его дѣятельности?! Но болѣе внимательное наблюденіе надъ прожитой исторіей человѣчества и болѣе справедливая оцѣнка успѣховъ его интеллектуальнаго развитія дадутъ намъ право на болѣе свѣтлый и утѣшительный взглядъ какъ на настоящее, такъ и будущее человѣчество. Нынѣш-

нее состояніе науки и культуры по сравненію съ таковымъ же состояніемъ въ вѣка давно минувшіе ясно говоритъ намъ, что достигнутые успѣхи далеко не ничтожны. Человѣчество сдѣлало огромный шагъ впередъ и вышло изъ младенческаго своего состоянія невѣдѣнія и если не пришло въ мѣру зрѣлаго возраста, то во всякомъ случаѣ движется въ этомъ направленіи. Свѣтъ истины, особенно съ пришествіемъ на землю Воплощенной Истины, начинаетъ все болѣе и болѣе озарять умы и проникать сердца людей, такъ что даже самое распространеніе скептицизма въ наше время справедливо разсматривать какъ плодъ усиленныхъ стремленій къ истинѣ, къ вершинамъ знанія во всѣхъ доступныхъ для человѣка областяхъ вѣдѣнія. Когда заблудившійся въ лѣсу путникъ изъ-за рѣдѣющихъ деревьевъ видитъ конецъ своему блужданью, то онъ вслѣдствіе прилива энергіи становится особенно торопливъ въ своихъ движеніяхъ и по винѣ этой торопливости нерѣдко снова и снова сбивается съ пути къ выходу изъ тьмы лѣсной. Не есть-ли и скептицизмъ нашихъ дней предчувствіе скорого выхода къ свѣту истины?

Но если не свободенъ отъ возраженій скептицизмъ, слишкомъ сомнѣвающийся въ значеніи и успѣхахъ человѣческаго знанія, тѣмъ болѣе достоинъ осужденія тотъ скептицизмъ, который свое сомнѣніе доводитъ до отрицанія всякаго знанія. Такой всеотрицающій скептицизмъ возможенъ только или при потерѣ нормальнаго здравомыслія, или при озлобленномъ возстаніи противъ неприятныхъ, стѣснительныхъ нормъ. На возможность первой части дилеммы намекаетъ древній мудрецъ въ своемъ изреченіи. „рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ“ (Пс. 52, 1). Развѣ не безуміе, въ самомъ дѣлѣ, — отрицать, что знаніе, хотя и ограниченное, возможно для человѣка и есть дѣйствительный фактъ, развѣ не безуміе говорить, что мы ничего не знаемъ даже о простыхъ вещахъ? Не значить ли это прежде всего, что у насъ нѣтъ и самаго мышленія, той самой психической силы, безъ которой однако мы ничего не могли бы знать и о своемъ неананіи. Да. Вѣдь мышленіе человѣческое не имѣетъ и имѣть не можетъ другой цѣли своей дѣятельности, какъ только знаніе, и именно знаніе чего-нибудь опредѣленнаго, и въ такомъ качествѣ наше мышленіе

всегда есть сила положительная, творчески-созидательная, а не отрицательная и разрушительная. Мышленіе, отрицающее возможность знанія, производитъ надъ собою самоубійство. Такимъ образомъ, скептицизмъ, отрицающій возможность знанія, въ сущности граничитъ съ безуміемъ. „Со стороны почти невозможно понять, что это такое. Бредовой хаосъ клубами вырывается съ этой предѣльной границы разума, и все—пронизывающимъ холодомъ умъ умерщвляется. Тутъ за тонкой перегородкой—начало духовной смерти. И потому состояніе предѣльнаго скепсиса возможно лишь въ мановеніе ока, чтобы затѣмъ либо вернуться къ огненной пылкѣ Пиррона, либо погрузиться въ безпросвѣтную ночь отчаянія, откуда нѣтъ уже выхода и гдѣ гаснетъ самая жажда Истины“¹⁾. Такими словами характеризуетъ состояніе скептика—отрицателя профессоръ священникъ П. Флоренскій.

Возможность второй части вышеуказанной дилеммы какъ бы предусмѣтрѣна дальнѣйшими словами поцитованнаго псалма: „растлѣшася и омерзѣшася начинаніи своими и нѣсть творяй благостыню“ (Пс. 52, 1). Къ такому концу, т. е. къ утратѣ всякихъ нравственныхъ правилъ и къ уклоненію въ злыя, непотребныя дѣла неизбежно приходятъ всѣ, отрицающіе стѣснительныя для нихъ нормы жизни и правила поведенія. Такіе голые скептики не признаютъ никакой отвѣтственности за свои дѣйствія, за прожитую жизнь, и такимъ образомъ эта жизнь теряетъ всякіе признаки разумно-нравственной жизни, становится животною жизнью. Но даже и животная, чисто тѣлесная жизнь при такомъ крайне скептическомъ настроеніи оказывается очень непрочною. Леонъ Плошовскій (въ романѣ: „Безъ догмата“) своимъ скептицизмомъ отравилъ жизнь любимому существу, —и самъ наложилъ руки на себя. Крайній скептицизмъ порождаетъ собою безнадежный пессимизмъ, который повергаетъ человѣка въ бездну отчаянія и толкаетъ на самоубійство. Умноженіе такихъ самоубійствъ въ наше время стоитъ въ несомнѣнной связи съ развитіемъ въ нашемъ обществѣ этихъ крайне скептическихъ и пессимистическихъ настроеній. Всѣ эти соображенія показываютъ, по нашему мнѣнію, съ достаточною убѣдительною всю несостоятельность съ теорети-

¹⁾ „Столпъ и утвержденіе истины“, Москва 1914 г. стр. 38—39.

ческой и всю вредность съ практической стороны такъ называемаго популярнаго скептицизма.

Скептицизмъ философскій, хотя и представляетъ изъ себя въ научномъ смыслѣ болѣе значительную величину, какъ обставленный надлежащей аргументаціей и возведенный въ систему, однако ничуть не выигрываетъ отъ этого въ своей состоятельности. Абсолютный скептицизмъ въ философіи легко можетъ быть уличенъ во внутреннемъ самопротиворѣчїи. Мы не можемъ ни о чемъ имѣть истиннаго знанія, ибо всякое знаніе наше есть одна фикція, иллюзія. Но вѣдь это настойчивое утвержденіе о нашемъ ;ничего-незнанїи выдается скептиками за подлинное ихъ знаніе?!... Чтобы отдѣлаться отъ такого возраженія, они заявляютъ: мы не знаемъ и того, что не знаемъ ничего, вообще ни о чемъ мы не имѣемъ достовѣрныхъ познаній. На чемъ же основывается такое отрицательное отношеніе къ знанію? Скептики указываютъ во 1-хъ, на рѣзкое до противоположности различіе въ ученіяхъ философовъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ.

Такъ, напр., философъ Ермій (жившій между 180—200 г.г.) въ своемъ сочиненіи: „Осмѣяніе языческихъ философовъ“ говоритъ: „я готовъ слѣдовать мудрецамъ образованнаго міра, если хотя двое изъ нихъ будутъ согласны между собою въ самыхъ основныхъ вопросахъ, но вотъ я вижу, что они... дѣлятъ меня на атомы, дѣлаютъ изъ воды, воздуха и огня... превращаютъ во всѣхъ животныхъ: я плаваю, летаю, пресмыкаюсь, лежу. Наконецъ, является Эмпедокль и доказываетъ мнѣ, что я не болѣе, какъ растеніе“. Такое крайнее расхожденіе во взглядахъ на одинъ и тотъ же, но для насъ самый существенный вопросъ убиваетъ въ насъ всякое довѣріе къ наукѣ и знаніямъ и заставляеть отрицать ихъ значеніе и истинность. Фактъ разногласія, отвѣтимъ мы на это, возраженіе скептикамъ, фактъ несомнѣнный и фактъ всегдашній. Но что онъ доказываетъ? Толи, что нѣтъ никакой истины въ знаніяхъ людей и что эти знанія не имѣютъ никакой цѣны?! Но вѣдь то, что мы называемъ въ данномъ случаѣ истиной, совпадаетъ съ предѣломъ всякаго знанія. Такая истина есть идеаль и, какъ таковой, будетъ всегда лежать впереди ограниченаго, но непрестанно прогрессирующаго разума. Этотъ идеаль манить лю-

дей къ себѣ, какъ завѣтный огонекъ среди ночной мглы, но по мѣрѣ приближенія къ нему человѣка отдаляется отъ него, ибо самъ же человѣкъ по мѣрѣ постиженія идеала возводитъ его все на большую высоту. Въ этой общечеловѣческой работѣ по раскрытію нашихъ идеаловъ или, что то же, по выясненію завѣтныхъ истинъ наибольшее значеніе принадлежитъ философамъ, изслѣдующимъ конечные вопросы, послѣднія цѣли и отдаленнѣйшія причины всего существующаго. Въ этихъ изслѣдованіяхъ и философы, какъ люди съ ограниченными познавательными силами, по существу не могутъ сказать послѣдняго слова, открыть конечной истины, но почтительно останавливаются на различныхъ разстояніяхъ отъ нея. Порознь философы и дѣйствительно какъ будто уничтожаютъ одинъ другого, опровергая взаимно свои взгляды и строя свои различныя системы. Однако безпристрастный обзоръ этихъ философскихъ ученій показываетъ, что философская мысль постепенно идетъ къ свѣту истины и не только не разрушаетъ зданія человѣческой науки, но возводитъ его все выше и выше и укрѣпляетъ основанія его все прочнѣе и прочнѣе. Лейбницъ говорилъ о дѣятельности философовъ такъ: „всѣ философы сходятся въ томъ, что утверждаютъ и расходятся только въ томъ, что отрицаютъ“. Утверждаютъ же философы самые основные и существенные пункты философіи, безъ которыхъ нѣтъ и самой этой науки, а отрицаютъ второстепенныя детали ея, варьируя ихъ каждый по-своему. Стало быть въ общемъ и главномъ философы, несмотря на видимое разнорѣчіе, сходятся и преслѣдуютъ ничто другое, какъ только одну истину, постигая ее въ различной мѣрѣ и степени, смотря по-тому, какая кому изъ нихъ посильна.

Во 2-хъ, скептики-отрицатели ссылаются на субъективность нашего познанія, на измѣнчивость нашихъ чувственныхъ воспріятій, на крайнее разнообразіе впечатлѣній у различныхъ людей. Что они хотятъ этимъ сказать? То конечно, что человѣкъ въ отношеніи познанія какого бы то ни было предмета или явленія поставленъ въ полную зависимость отъ своихъ внѣшнихъ чувствъ, показанія которыхъ не только не еходны, но и иногда прямо противорѣчивы. Такъ, вода, которая кажется холодною для разгоряченнаго человѣка, для озябшаго представляется теплою. Хлѣбъ, ка-

жущійся такимъ вкуснымъ и пріятнымъ голодному, не представляетъ ничего особеннаго для сытаго и т. д. Если у одного и того же человѣка, вслѣдствіе различнаго его состоянія, въ разное время получаютъ различныя познанія объ одномъ и томъ же предметѣ, то тѣмъ большее различіе этихъ познаній можетъ получиться у различныхъ людей, не сходныхъ между собою по внутреннему настроенію и по внѣшнему положенію. Такъ, предметы или явленія, кажущіяся однимъ красивыми, полезными и т. д., другимъ совершенно могутъ представиться безобразными и бесполезными. То, что одни считаютъ справедливымъ, нравственнымъ и т. д., другіе могутъ признавать ложнымъ, безнравственнымъ и т. д. Истинное же знаніе всегда одно, должно вполнѣ совпадать съ познаваемымъ и не давать о немъ двухъ не гармонирующихъ другъ съ другомъ представленій.

Все это такъ, отвѣтимъ мы на приведенную аргументацію, все это справедливо въ отношеніи къ процессамъ нашего познанія. Но что этимъ доказывается? Во всякомъ случаѣ не то, что мы ничего не знаемъ и не можемъ знать и должны оставить надежду на пріобрѣтеніе истины. Уже то самое, что эта надежда въ человѣкѣ не гаснетъ, а все сильнѣе и сильнѣе разгорается, что жажда познаній становится все ненасытимѣе, это самое хорошо говоритъ за возможность достиженія того, къ чему человѣкъ стремится. Инстинкты никого не обманываютъ и не могутъ обманывать, ибо коренятся на природныхъ требованіяхъ. И „человѣкъ по природѣ своей стремится къ знанію“, какъ сказалъ великій Аристотель. Такое стремленіе должно найти себѣ удовлетвореніе. Когда и гдѣ,—вотъ на эти вопросы могутъ люди отвѣчать различно. Обычно люди требовательны и хотятъ сами въ короткій срокъ своей жизни на землѣ все узнать и вкусить отъ плодовъ своихъ знаній. Такія требованія идутъ изъ глубины идеальной сущности нашей души, но они не согласуются съ условіями наличной дѣйствительности, которая повсюду ставитъ препятствія и тормазы нашему осуществленію идеаловъ. Въ результатѣ всегда получается, что мы должны бываемъ удовлетвориться частичнымъ и несовершеннымъ знаніемъ и постиженіемъ истины, а полноту и совершенство перенесши въ будущ-

ность, которая, надѣмся, доставитъ намъ болѣе благоприятныя условія для развитія и усовершенствованія.

Нельзя обойти здѣсь молчаніемъ того обстоятельства, что есть большая разница и въ самыхъ нашихъ познаніяхъ, именно разница въ смыслѣ ихъ истинности и достовѣрности. Познаніе о предметахъ и фактахъ внѣшняго міра, получаемое чрезъ посредство органовъ чувствъ человѣческаго тѣла, понятно отличается меньшею степенью достовѣрности, нежели познаніе относительно нашей внутренней психической жизни, получаемое безъ всякаго посредства изъ нашего самонаблюденія. Единство и тождественность воспринимающаго субъекта и воспринимаемыхъ фактовъ познанія здѣсь не можетъ возбуждать сомнѣній. Здѣсь можно говорить развѣ о различной интенсивности и отчетливости воспріятій и представленій, какъ объектовъ познанія, а не о различіи по существенному ихъ содержанію. Такое содержаніе всегда доступно человѣку и заслуживаетъ полной достовѣрности.

Итакъ вся аргументація безусловнаго скептицизма безусловно же и несостоятельна. Но предположимъ даже, что адепты этой доктрины и нашли бы доказательства въ защиту своего положенія, допустимъ, что имъ удалось бы доказать невозможность истиннаго знанія для человѣка. Послужило ли бы имъ въ пользу добытое доказательство? Нисколько, черезъ это они только создали бы логическое *contradictio in adjecto*: опредѣливъ себя, какъ отрицаніе всякаго истиннаго знанія, скептицизмъ доказалъ бы возможность такого знанія, именно знанія о нашемъ ничего незнаніи, и такимъ образомъ всталъ бы въ противорѣчіе самъ съ собою. Выходомъ изъ такого самопротиворѣчія могъ бы служить развѣ тотъ, который указывалъ софистъ Кратилъ. Онъ, по сообщенію Аристотеля (въ „Метафизикѣ“), училъ не представлять вовсе никакихъ оправданій для своего отрицанія знанія, а просто махать рукою въ отвѣтъ на назойливые вопросы. Но вѣдь въ этомъ случаѣ и на вопросъ о состоятельности скептицизма придется только махнуть рукою по рецепту Кратила.

Теперь разсмотримъ скептицизмъ условный или относительный, тотъ самый, который въ рѣшеніи вопроса о возможности знанія стремится пройти среднимъ путемъ между совер-

шеннымъ знаніемъ и абсолютнымъ незнаніемъ, какъ предѣльными границами человѣческаго вѣдѣнія. Повидимому, этотъ путь и есть единственно вѣрный, ибо *in medio stat veritas*. Равнымъ образомъ и тѣ основанія, на которыя опирается этотъ скептицизмъ, представляются достаточно прочными. Именно, онъ говоритъ, что всякое наше познаніе насквозь субъективно и притомъ не только имѣющее содержаніемъ своимъ внѣшнематеріальный міръ, но и внутренне духовный. Посему какъ сенсуализмъ, такъ и рационализмъ въ качествѣ методовъ познанія не могутъ дознать объективной истины. Наше познающее я, или сознание въ состояніи только уловить внѣшнюю сторону, преемственный порядокъ признаковъ, свойственныхъ извѣстному предмету или явленію. Внутренняя же сторона, цѣлокупная сущность познаваемого факта такъ и остается скрытой и непостижимой для насъ. Такую же печать феноменальности и субъективности носятъ на себѣ и тѣ наши познанія, о которыхъ мы по преимуществу говоримъ: это наши знанія, т. е. о выработываемыхъ самимъ нашимъ разумомъ изъ переживаемаго человѣкомъ матеріала на основаніи присущихъ намъ апріорныхъ формъ мышленія. Таковы, напр., наши высшія понятія, сужденія и идеи, таковы философскія, чисто-математическія и др. отвлеченныя концепціи и доктрины. Истинность и достовѣрность всѣхъ такихъ познаній можетъ имѣть свое единственное основаніе въ неложности и самодостовѣрности человѣческаго сознанія. Но это сознаніе, составляющее самый центръ и глубину нашего духа, не можетъ подлежать провѣркѣ посторонними данными и въ концѣ концовъ должно быть принято какъ самодовлѣющее, самодоказуемое. Объ объективной истинности такого познанія, какъ продукта человѣческаго-субъективнаго сознанія, не можетъ быть и рѣчи.

Условный скептицизмъ никогда не существовалъ въ видѣ строго самостоятельнаго ученія, какъ существовалъ въ древности скептицизмъ безусловный. Онъ входилъ и входитъ въ системы новой философіи, какъ отдѣльное положеніе или принципъ, окрашивающій въ извѣстный тонъ философскую систему или ея часть. Можетъ быть въ такомъ видѣ условный скептицизмъ не имѣетъ серьезнаго значенія и можно не считаться съ его наличностью? Нѣтъ и нѣтъ. Наоборотъ, — вотъ если бы по подобію древняго но-

Вый скептицизмъ представлялъ собою особую систему, то тогда онъ не игралъ бы такой важной роли въ философіи и вообще въ наукѣ, ибо въ такомъ случаѣ онъ былъ бы достояніемъ лишь извѣстной группы его приверженцевъ и не затрагивалъ бы другихъ. Новый скептицизмъ входитъ какъ гносеологическій принципъ въ системы новой философіи и, къ сожалѣнію, именно почти во всѣ системы. Но такъ какъ это—принципъ по существу отрицательный, то и всѣ системы, вводящія его, получаютъ отрицательное направленіе, т. е. больше занимаются разрушеніемъ, уничтоженіемъ прежде утвержденныхъ и признанныхъ истинъ и положеній, чѣмъ созиданіемъ и выработкой своихъ собственныхъ. Вслѣдствіе этого страдаетъ и сама философія, какъ наука, ибо чрезъ это она подвергается не только застою, но и регрессу. Еще болѣе того страдаетъ человѣческая жизнь, для которой философія даетъ руководящія взгляды, ибо пробившійся скепсисъ, какъ просочившаяся сквозь плотину вода, можетъ размьть всѣ устои человѣческой жизни.

Признавши за условнымъ скептицизмомъ такую существенную важность, мы вынуждаемся 'остановиться съ подробностью на разборѣ тѣхъ основаній, на которыя онъ опирается. Эти основанія таковы: 1) все знаніе наше субъективно и потому настоящей цѣнности не имѣетъ, какъ фальшивая монета въ отношеніи подлинной; 2) если и могутъ быть познаваемы нами отдѣльные характеристическіе признаки вещей и комплексы ихъ, то самый субстратъ или сущность не можетъ быть предметомъ познанія, и 3) реальность внѣшняго міра доказана быть не можетъ, а потому и говорить объ объективной истинности познаній о немъ—дѣло совершенно праздное.

Всѣ указанная основанія не имѣютъ той доказательной силы, какую усвояютъ имъ скептики, и даже больше: они явно утопическаго характера. Они заставляють предполагать, что 1) существуетъ какая-то объективная истина, данная внѣ человѣческаго мышленія и сознанія и служащая критеріемъ для всѣхъ нашихъ познаній, что 2) есть реальное бытіе, лежащее за предѣлами нашей мысли и являющееся подлиннымъ по отношенію къ воспринимаемому нами феноменальному бытію, что 3) каждый предметъ этого бытія скрываетъ въ себѣ особую сущность или субстратъ, состав-

ляющій самую основу, суть предмета, безъ познанія коей мы ничего не знаемъ о предметѣ. Такія предположенія болѣе чѣмъ неосновательны. Ни объективной истины, ни реального бытія, ни сущности вещей, совершенно отдѣльныхъ и независимыхъ отъ того, которое служитъ содержаніемъ человѣческаго познанія, нѣтъ и быть не можетъ. То, что называется истиной, есть убѣжденіе людей въ чемъ либо, сложившееся на почвѣ неизмѣннаго согласія съ общимъ представленіемъ о томъ же другихъ людей, съ установившимися научными или социальными воззрѣніями. Какъ выработанная человѣческимъ разумомъ эта истина запечатлѣна прежде всего элементомъ субъективности. Но въ ней есть и нѣчто объективное, это именно то, что и другими разумными существами признается за истинное, ибо оно таковымъ останется и въ томъ случаѣ, если меня не будетъ, или я измѣнюсь въ своихъ убѣжденіяхъ. Скептикъ, конечно, скажетъ: такая объективная истина въ сущности субъективна, ибо есть произведеніе, хотя и коллективнаго, но все же человѣческаго ума. Но вѣдь иныхъ познаній, иныхъ истинъ у насъ нѣтъ и не можетъ явиться, разъ все познаваемое неизбежно должно соприкасаться съ нашимъ мышленіемъ, воплощаться въ его формы.

Можно ли, далѣе, говорить о внѣ насъ лежащей и намъ недоступной сущности вещей? Уже то, что мы о ней разсуждаемъ, доказываетъ, что познаніе ея намъ доступно, иначе какъ бы могли мы разсуждать о предметѣ намъ совсѣмъ неизвѣстномъ? Впрочемъ такое наше познаніе сущности вещей нельзя считать окончательнымъ и совершеннымъ, это—ограниченное познаніе, какое свойственно намъ по условіямъ нашего существованія во времени и пространствѣ. Такъ, напр., въ нашемъ познаніи о столѣ мы различаемъ тѣ впечатлѣнія и представленія его величины, формы, цвѣта, частей и т. д., какія мы имѣемъ въ своемъ умѣ, и какія въ совокупности составляютъ понятіе цѣлаго стола, различаемъ мысленный нашъ (собственно нашъ) столъ отъ объективнаго внѣ насъ существующаго стола, хотя все съ тѣми же самыми признаками. Когда мы отвлекаемъ наше понятіе о столѣ отъ стола реальнаго, то чувствуемъ, что тамъ за границей нашего познанія остается нѣкоторый плюсъ, который заключаетъ въ себѣ самую сущность пред-

мета, вещь *per se*. Если бы этого плюса не было внѣ нашего познания, тогда не могло бы быть и самаго стола послѣ нашего познания о немъ внѣ насъ, тогда никто другой не могъ бы составить о немъ понятія подобнаго нашему. Значить, сущность предметовъ лежитъ внѣ насъ. Но несомнѣнно и то, что эта сущность проникаетъ и въ насъ, становясь содержаніемъ нашего сознанія. Всѣ наши впечатлѣнія о столѣ порознь, какъ и все наше цѣлостное понятіе о немъ есть раскрытіе той же самой реальной сущности стола, которая составляетъ основу отдѣльнаго бытія этого предмета внѣ меня. Въ своемъ воспріятіи или, что то же, въ своемъ познаніи о столѣ я получаю точную копію, полный снимокъ этой сущности въ ея объективныхъ по отношенію ко мнѣ признакахъ. Чѣмъ усовершенствованнѣе и сильнѣе фотографическій аппаратъ, чѣмъ искуснѣе и развитѣе въ своемъ дѣлѣ фотографъ, тѣмъ снимокъ получается удачнѣе, яснѣе и полнѣе. То же самое и относительно познания, которое у болѣе наблюдательнаго и умнаго человѣка будетъ несравненно лучше, нежели у всякаго другого. Но, различаясь въ полнотѣ и ясности, это познаніе предмета будетъ ничѣмъ инымъ, какъ его копіей, снимкомъ его въ насъ, т. е. отображеніемъ его сущности въ отличающихъ эту послѣднюю признакахъ. Ясно, такимъ образомъ, что нашему познанію доступны и сущности вещей, хотя и не въ совершенной реальной полнотѣ, а въ нѣкоторомъ копированномъ видѣ. Для дѣла познания нами внѣшняго міра достаточно и такого познания. Даже болѣе того. Только такимъ и должно быть наше познаніе о внѣшнихъ вещахъ. Болѣе тѣсное наше сближеніе съ ними и проникновеніе наше въ познаваемыя вещи повело бы несомнѣнно къ нарушенію законовъ самой человѣческой организаціи, къ ея разстройству, ибо всѣ силы и способности человѣка рассчитаны только на такое подобное кинематографическому зафиксированію образованіе и усвоеніе познаній. Во всемъ совершенствѣ и во всей сущности о вещахъ и явленіяхъ міра познаетъ только Совершеннѣйшая Божія Премудрость, которая всецѣло проникаетъ всѣ вещи и весь міръ. Познаніе же ограниченнаго человѣческаго разума есть и должно быть только относительнымъ и несовершеннымъ, хотя для первыхъ уроковъ его на землѣ и совершенно достаточнымъ.

То, что мы сказали относительно познанія сущности предмета, совершенно можно примѣнить и въ разсужденіи о реальности міра вообще. Эта реальность доступна нашему познанію вопреки отрицанію скептиковъ. Вопросъ здѣсь опять-таки въ томъ, какая это реальность и какъ она дѣлается намъ доступной. Мы не признаемъ и не можемъ признавать еще нѣкоторой непознаваемой, сокрытой отъ нашего умственного взора реальности, которая совершенно отличается отъ реальности, извѣстной намъ изъ фактовъ воспріятія нами внѣшняго міра. Мы утверждаемъ, что познаемъ не другой какой-либо, не фиктивный, а этотъ самый подлежащій намъ дѣйствительный міръ и всѣ его вещи и явленія такъ, какъ они есть. Посредникомъ (въ такомъ нашемъ міропознаніи служитъ наше тѣло, связанное съ нашимъ духомъ и его познавательными силами неразрывно и въ то же время само являющееся для этого духа нашего не болѣе какъ объектомъ внѣшняго міра, какъ однимъ изъ его матеріальныхъ предметовъ. Пользуясь своимъ тѣломъ, какъ орудіемъ для распознаванія міра, человѣческій разумъ легко можетъ составить себѣ вѣрное и истинное о немъ понятіе. Мы не смѣемъ отрицать значенія такого фактора, какъ наше тѣло, если не хотимъ намѣренно отказываться отъ него и обращать его какъ и весь міръ въ фантазмагорію. Такъ поступаетъ идеалистическая философія, утверждающая, что какъ наше тѣло, такъ и внѣшній міръ есть креатура нашего духа, нашего „я“. Невидимое и духовное начало принимаетъ видимыя и осязательныя формы, реализуется и такимъ образомъ противостоитъ намъ, какъ иной міръ. Но эта матеріальность и видимость міра только кажущаяся и преходящая, ибо предначинана къ возвращенію въ то духовное абсолютное, изъ котораго она развилась. Съ этой точки зрѣнія вещественный міръ не имѣетъ никакой самостоятельности, особенности, реальности: это міръ призраковъ и иллюзій, міръ сонныхъ видѣній, которыя съ нашимъ пробужденіемъ, съ просвѣтленіемъ нашего духа должны разсѣяться, какъ тѣма съ появленіемъ утренняго свѣта. Такую теорію мы не можемъ принять цѣликомъ, ибо это есть только теорія, не имѣющая въ живой практической дѣятельности подтвержденія для себя. Нашъ здравый разумъ прежде всего противъ нея. Этотъ разумъ живетъ въ

союзъ съ тѣломъ и вмѣстѣ съ нимъ переживаетъ дѣйствительность. Такое переживаніе убѣждаетъ насъ лучше всякихъ теорій, что мы предъ собою имѣемъ отличный отъ насъ и самостоятельный міръ, въ которомъ дѣйствуютъ свои законы и уставы, которому указаны свои цѣли и назначеніе. Этотъ міръ не фикція, онъ воздѣйствуетъ на насъ, а мы воздѣйствуемъ на него. Эти воздѣйствія, провѣряемые нами черезъ наше тѣло, совершенно реальны, слѣдовательно реальны какъ наше я, такъ и внѣшній міръ. Cogito, ergo sum, сказалъ Декартъ. Иначе говоря, достоверность или реальность моего бытія свидѣлствуется тѣмъ, что я мыслю, моя мысль есть доказательство моей реальности. Но если такъ, то моя мысль есть доказательство и реальности всего міра, ибо то, что мы называемъ міромъ, въ сущности суть реализованныя мои мысли и подобныхъ мнѣ людей объ этомъ мірѣ. Не потому, конечно, міръ реаленъ, что мы имѣемъ мысли о немъ, но изъ того, что у насъ есть мысли о мірѣ, слѣдуетъ [необходимое признаніе его реальности, ибо въ противномъ случаѣ не было бы въ насъ и мыслей о мірѣ, познаній о немъ, которыя для насъ суть фактъ реальный и несомнѣнный. Пусть скептики твердятъ о нашемъ самообольщеніи въ этомъ случаѣ, объ иллюзорности нашихъ познаній, объ ихъ несоотвѣтствіи подлиннику, т. е. міру и вещамъ въ ихъ сущности. Пусть! Вѣдь и скептическое утвержденіе, какъ субъективное, какъ ничѣмъ объективнымъ недоказанное, также легко можетъ быть сочтено за фикцію. Этого мало. Мы будемъ непремѣнно настаивать на фиктивности скептицизма въ данномъ случаѣ, и притомъ изъ соображеній совершенно рациональныхъ. Отрицаніе реальности міра и вещей скептицизмомъ имѣетъ одну видимость отрицанія. Это отрицаніе покоится на убѣжденіи въ несоотвѣтствіи нашихъ познаній о мірѣ и его явленіяхъ самому этому міру и явленіямъ его. Признаніе такого несоотвѣтствія свидѣлствуетъ само собою о сознаваемомъ скептиками различіи между познаваемымъ и подлиннымъ міромъ. Это же различіе обязываетъ ихъ къ признанію того, что они имѣютъ знаніе о реальномъ мірѣ. Они могутъ заявлять о смутности такого знанія, объ его неопредѣленности. Какъ бы то ни было, но ясно, что отрицаніе скептиковъ фиктивно. И если вдуматься въ ихъ тезисы, то въ

сущности окажется, что они держатся взглядовъ одинаковыхъ съ нами, только иначе ихъ формулируютъ. Они отрицаютъ знаніе нами міра и вещей въ ихъ реальной сущности, въ подлинномъ совершенствѣ. И мы отрицаемъ то, что наше знаніе о мірѣ есть знаніе совершенное, признавая его относительнымъ и ограниченнымъ. Они считаютъ наше познание о мірѣ субъективнымъ и потому очень мало, значущимъ въ смыслѣ объективной истинности. Таковымъ же это познание готовы считать и мы, усвояя только ему большее значеніе, какъ несомнѣнному носителю элементовъ объективной реальности. Последнее утвержденіе, правда, принимается нами болѣе на основѣ дерзновенной интуиціи, чѣмъ точной дискурсіи, но мы предпочитаемъ его огульному скептическому отрицанію, игнорирующему требованіе здраваго омысла и уваженіе къ вѣковому историческому опыту людей.

Итакъ, этотъ видъ скептицизма, который можно назвать эмпирическимъ, не представляетъ убѣдительныхъ доказательствъ въ защиту своихъ положеній и долженъ быть признанъ несостоятельнымъ.

Есть другой видъ условнаго скептицизма, который можно назвать рациональнымъ, потому что онъ стремится подорвать довѣріе къ самому нашему разуму, дискредитировать его познавательныя силы и способности, чтобы затѣмъ отрицать всякое значеніе нашей разумной дѣятельности особенно въ самыхъ глубокихъ и кардинальныхъ вопросахъ. Для доказательства своихъ положеній этотъ скептицизмъ ссылается, во 1-хъ, — на самопротиворѣчивость нашего разума, во 2-хъ, на полную и всегдашнюю зависимость нашего познания отъ познавательныхъ формъ — пространства и времени и, въ 3-хъ, вообще на множество крупныхъ и мелкихъ дефектовъ въ дѣятельности человеческого разума, обезцѣнивающихъ значеніе ея. Что существуютъ противорѣчія въ понятіяхъ и сужденіяхъ разума о разныхъ предметахъ, этого никто не отрицалъ и отрицать не будетъ: это очевидный фактъ. Кантъ выразилъ такія противорѣчія въ формѣ четырехъ антиномій, роковымъ образомъ тяготящихъ надъ разумомъ. Последующіе философы указали и еще другія антиноміи, изъ которыхъ разумъ не можетъ выйти какъ изъ тупика на свободу изслѣдованія. Какую силу доказательности для скептицизма имѣетъ этотъ фактъ

существованій антиномій? Во всякомъ случаѣ не такую сокрушительную силу, чтобы свести на нѣтъ всю работу нашего разума. Ученые и до сихъ поръ спорятъ о томъ, что такое антиноміи: противорѣчія законамъ мышленія, или только противоположенія послѣднимъ, суть ли онѣ собственно антиноміи, или только антитезы? Если онѣ только антитезы, то установленіе согласительнаго принципа ихъ съ основными законами мышленія не представляетъ ничего невозможнаго. Но если даже онѣ и противорѣчія въ настоящемъ смыслѣ, то и тогда изъ этого факта мы не имѣемъ никакого права заключать къ недостоверности, неистинности нашего познанія. Эти противорѣчія не безусловнаго и вѣчнаго характера и потому не могутъ считаться за [никогда не согласимыя и не разрѣшимыя. Исторія мысли человѣческой знаетъ о многихъ взглядахъ и фактахъ, которыя въ свое время почитались людьми антиномичными и неустрашимыми, но затѣмъ такое клеймо съ нихъ было снято, ибо оказалось слѣдствіемъ просто недостаточнаго развитія науки и культуры въ данный моментъ. Существованіе антиномій въ гносеологіи не ставитъ преграды къ подъему человѣческаго разума на высшія ступени вѣдѣнія. Какъ въ житейскомъ смыслѣ препятствія и трудности всегда являются стимулами къ преодолѣнію ихъ, такъ и антиноміи въ философіи только лишній разъ напоминаютъ ученымъ людямъ о необходимости стремиться къ расширенію своихъ познаній, къ углубленію въ заповѣдныя области вѣдѣнія и къ достиженію абсолютнаго знанія и совершенной истины, для которой нѣтъ никакихъ антиномій.

Пространство и время, какъ наши умственныя формы, входятъ неизбѣжнымъ элементомъ во всякое наше познаніе и во всю нашу душевную жизнь. Даже самыя отвлеченныя понятія, абстрактныя идеи, какія вырабатываетъ нашъ разумъ въ своихъ собственныхъ глубинахъ, и тѣ носятъ на себѣ замѣтные слѣды зависимости отъ пространства и времени. Теорія скептицизма учитываетъ этотъ фактъ въ свою пользу, какъ говорящій о постоянной подмѣси въ нашемъ знаніи и невозможности для насъ знанія чистаго, истиннаго. Имѣетъ ли она право на такое свое заключеніе? До нѣкоторой степени конечно имѣетъ. Это правда, что пространство и время чисто субъективныя формы нашего ума. Кантъ

признавалъ ихъ апріорными въ томъ смыслѣ, что онѣ врождены человѣку, а не благопріобрѣтены имъ чрезъ постоянное упражненіе надъ пространственно-временнымъ матеріаломъ. Однако это не совсѣмъ вѣрно. Просто пустого пространства мы вѣдь не знаемъ и просто безсодержательнаго времени мы тоже представить себѣ не можемъ. Но все, что мы мыслимъ и знаемъ, все это связано съ временемъ и пространствомъ. Изъ чего сложилась, генетически выросла эта связь въ насъ? Только ли изъ одного субъекта, или вмѣстѣ изъ объекта познанія? По Канту—изъ субъекта. Намъ думается, что столько же и изъ объекта. Первые опыты познаній нашихъ относятся къ самому раннему времени дѣтства, когда нашъ субъектъ, наше самосознаніе во всякомъ случаѣ заявляетъ о себѣ слабо. Гораздо болѣе тогда импонируетъ человѣку объектъ, что ребенокъ и выражаетъ постоянными движеніями въ сторону интересныхъ для него предметовъ. При такомъ представленіи образованія познаній у человѣка мы съ неменьшимъ правомъ противъ Канта можемъ говорить, что пространство и время, или относительное положеніе и постоянное измѣненіе вещей и всего міра, окружающаго насъ, прежде всего объекты, потомъ уже становятся субъективными по мѣрѣ того, какъ вовлекаются человѣкомъ въ его познавательный процессъ. Для насъ въ высшей степени цѣнно такое заключеніе, ибо вмѣстѣ съ нимъ усиливаются наши шансы на то, что содержаніе нашихъ познаній отвѣчаетъ дѣйствительности и самой истинѣ, и вовсе не представляетъ собою извращеніе и искаженіе истиннаго бытія, произведенное нашимъ тенденціознымъ разумомъ.

Наконецъ, и послѣдняя ссылка скептицизма на несовершенство нашего разума, результатомъ которой является то полная недоступность намъ нѣкоторыхъ познаній, то неточность и даже извращенность знаній, доступныхъ намъ, эта ссылка не колеблетъ нашей позиціи, что скептицизмъ утопиченъ, мечтаетъ о томъ, о чемъ и самъ не знаетъ. Ему все грезятся перспективы совершеннаго всевѣдѣнія, предъ которымъ нашъ бѣдный человѣческій разумъ, конечно, слишкомъ ничтоженъ. Онъ приходитъ въ ужасъ и отчаяніе отъ наличности присущихъ нашему разуму недостатковъ, отъ его глубокихъ промаховъ въ процессъ позна-

нія. Но онъ забываетъ исторію, игнорируетъ и будущее, которое предстоитъ человѣческому духу, какъ вѣчное поле для усовершенствованія. Скептицизмъ до костей насквозь пронизанъ матеріализмомъ. Ему дѣло только до настоящаго и только до людей современныхъ, которыхъ онъ желалъ бы сдѣлать обладателями всего, не печалась о предкахъ, не задумываясь и о потомкахъ. На самомъ же дѣлѣ нашъ разумъ вовсе не такъ ужъ плохъ и наши познанія вовсе не такъ далеки отъ истины, какъ это кажется скептикамъ. Дальнѣйшій прогрессъ человѣческаго разума избавить его отъ тормозящихъ его сознательную работу недостатковъ и выведетъ на путь къ постиженію совершенной истины. Наши надежды въ этомъ случаѣ покоятся на совершенно реальныхъ основаніяхъ, гораздо болѣе реальныхъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ стоитъ скептицизмъ со своимъ безусловнымъ или условнымъ, полнымъ или частичнымъ отрицаніемъ значенія человѣческаго разума и плодовъ его дѣятельности.

III.

Представленный нами краткій критическій разборъ основоположеній скептицизма, вскрывая слабыя стороны его, однако не указываетъ вѣрнаго пути къ преодолѣнію его, къ рѣшительной побѣдѣ надъ нимъ. Можно убѣдиться въ ложности скептического принципа и въ возможности для человѣка и его разума познать истину, но какой же принципъ долженъ быть взятъ за мѣрило этой истины и противопоставленъ напирющему на человѣка вѣтру сомнѣній. Какимъ орудіемъ долженъ вооружиться человѣкъ, чтобы въ конецъ разрушить Каррагенъ обуревающихъ его отрицаній? Вотъ вопросы, отъ разрѣшенія коихъ зависитъ окончательная побѣда надъ скептицизмомъ! Къ счастью, на эти вопросы нѣтъ и не можетъ быть двухъ отвѣтовъ, а только одинъ и единственный: вѣра—вотъ путь, вотъ орудіе для преобладанія теоретическаго и практическаго, вообще всякаго скептицизма. Это слово на устахъ скептика и всякаго предубѣжденнаго человѣка способно вызвать заранѣе улыбку если не презрѣнія, то пренебреженія. Потому мы спѣшимъ оговориться, что подъ вѣрою здѣсь разумѣемъ не вѣру въ смыслѣ специфически-религіозномъ, а въ широкомъ смыслѣ того центральнаго фактора, который заправляетъ всѣми ни-

тями человѣческой жизни, созидаемъ и укрѣпляемъ всю духовно-тѣлесную организацію человѣка. Какое опредѣленіе можно дать такой вѣрѣ? Она есть, говоря словами профессора-психолога: „представленіе объекта, соединенное съ чувствомъ его реальности и выражающееся въ соотвѣтствующихъ ему стремленіяхъ и актахъ“. ¹⁾ Такимъ образомъ, вѣра есть прежде всего сила интеллектуальная. Ею начинаются „ею сопровождаются, ею вспомошествоются и ею завершаются всѣ акты нашей познавательной дѣятельности. Вѣра—это есть все тотъ же человѣческій разумъ, только расширенный въ своей емкости, исполненный особаго проникновенія. Это есть разумъ въ собственномъ смыслѣ въ отличіе отъ разсудка, это логосъ въ отличіе отъ ratio, т. е. большой разумъ—отъ малаго разума. ²⁾ Разсудокъ или малый разумъ съ его требованіемъ яснаго вѣдѣнія и осязанія всего разумѣваемаго оказывается безсильнымъ въ дѣлѣ болѣе или менѣе совершеннаго познанія міра или бытія вообще, въ разрѣшеніи связанныхъ съ нимъ вопросовъ, ввергаетъ человѣка въ грубыя, иногда непоправимыя ошибки, заставляетъ останавливаться предъ многими явленіями и предметами въ изумленіи и недоумѣніи, терзаться любознательностью и не находить ей удовлетворенія. Мучительное состояніе, поистинѣ огненное разженіе—эта наша неудовлетворенность, эта окружающая таинственность! Что можетъ избавить отъ нея человѣка? Вѣра, и только вѣра. Она сообщаетъ человѣку смѣлость и силу приобщить край завѣсы того святилища, въ коемъ скрыта истина, утвердиться въ несомнѣнномъ и ясномъ знаніи того, что смутно предносится его умственному взору. „Нынѣ мы вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ“ (2 Кор. 5, 7). Апостолъ въ этихъ словахъ высказалъ глубоко вѣрную мысль о драматѣ вѣры въ дѣлѣ не только религіознаго, но и вообще умственнаго познанія.

Вѣру, какъ факторъ познанія, скептики стараются умалить и даже вовсе отвергнуть. Вѣра ирраціональна, мистична, ею можетъ довольствоваться и руководиться только первобытный, нецивилизованный, умъ... Для людей нашего

¹⁾ П. П. Соловьевъ. „Вѣра“ психологическій очеркъ, ст. 26.

²⁾ „Сверхсознаніе“, стр. 288 изд. 2-е. „Свѣтъ незримый“, изд. 1-е стр. 5 и д. М. В. Лодыженскаго.

просвѣщеннаго времени вѣра является чѣмъ-то въ родѣ пережитка доброй старины, который нужно замѣнить болѣе рациональными приемами. Но такое приниженіе вѣры не имѣетъ для себя достаточнаго основанія, уже по одному тому, что безъ вѣры не можетъ обойтись никакой ученый или мыслитель въ своей работѣ. Для примѣра возьмемъ хотя бы самого философа. Какъ ни рациональна его философія, какъ ни ясны для разума, какъ ни согласны съ научными требованіями и методами ея выводы и заключенія, но то, насколько вся эта философія совпадаетъ съ дѣйствительностію, насколько она обладаетъ реальною правдою, не разумъ и не разсудочныя доказательства и выкладки подтверждаютъ и удостовѣряютъ это, а только его собственная вѣра, его внутреннее иррациональное или, лучше сказать, сверхразумное и мистическое убѣжденіе, всецѣло проникающее его духъ. Онъ вѣритъ въ несомнѣнную истинность и реальность выработанныхъ имъ положеній и утвержденій въ сущности такъ же, какъ вѣритъ и дикарь въ своихъ фантастическихъ боговъ, не смѣя даже поднять вопроса объ ихъ фантастичности. Въ исключительной правдѣ, въ совершенной реальности проводимыхъ взглядовъ, устанавливаемыхъ тезисовъ философъ убѣждается не столько въ силу тѣхъ или другихъ разсудочныхъ основаній, всегда недостаточно убѣдительныхъ, сколько въ силу вообще своего душевнаго настроенія, инспирированнаго вѣрой. То же самое и съ еще большимъ правомъ можно утверждать о человѣкѣ, занимающемся любою наукой, даже самой точной и положительной наукой, математикой, геометрией и др. Всѣ науки стоятъ на аксіомахъ, обычно принимаемыхъ безъ доказательствъ, ибо таковыхъ отъ разума нельзя для нихъ и подыскать. Всѣ науки развиваются и совершенствуются на гипотезахъ, достовѣрность коихъ сама по себѣ уже проблематична. Всѣ науки въ процессѣ своемъ отличаются неизбежною теоретичностію и абстрактностію, а потому съ настоящею дѣйствительностію вообще имѣютъ мало общаго и тождественнаго. Вотъ почему о людяхъ науки, объ ученыхъ совершенно правильно утверждать, что всѣ ихъ знанія покоятся главнымъ образомъ на довѣрїи къ традиціямъ, къ авторитетамъ, на вѣрѣ къ своимъ и подобнымъ себѣ людямъ мнѣніямъ и убѣжденіямъ. Вѣра,—вотъ что есть столпъ и

утвержденіе всѣхъ наукъ и истинный двигатель ихъ прогресса.

Но не только въ области научной, и вообще повсюду въ жизни человѣческой вѣра имѣетъ первенствующее значеніе предъ чисто разсудочной дѣятельностью. Съ этой стороны „вѣра есть фактъ универсальный. Она служитъ основой нашего познанія и жизни; она проникаетъ всѣ наши идеи, вторгается въ міръ нашихъ чувствъ и управляетъ нашими дѣйствіями“. 1) Вотъ человѣкъ при помощи одного только разума и свойственныхъ ему формъ мышленія не въ состояніи оказывается постигнуть сущность вещей, доказать объективную реальность міра, одушевленіе живыхъ существъ и т. д. Между тѣмъ, все это такіе вопросы, съ которыми мы встрѣчаемся на каждомъ шагу своей жизни и рѣшеніе коихъ составляетъ *conditio sine qua non* разумнаго человѣческаго существованія. Здѣсь-то и вступаетъ въ свои права всемогущая вѣра. Яркостью и живостью своихъ представленій, непосредственностью своего чувства вѣра помогаетъ разуму взойти на высшую ступень истиннаго познанія. Вѣра умножаетъ и усиливаетъ наши ощущенія и воспріятія, концентрируетъ наши впечатлѣнія, идущія отвнѣ со стороны объектовъ познанія, представляетъ ихъ въ живыхъ красочныхъ картинахъ, захватываетъ наше вниманіе и такъ сгруппировываетъ всѣ данныя искомой истины, что послѣдняя, хотя и превышаетъ наше разумѣніе, но становится признанной и усвоенной нашимъ сознаніемъ. Ничему другому, а именно такой синтезирующей дѣятельности вѣры мы обязаны тѣмъ, что не разочаровываемся окончательно и не впадаемъ въ отчаяніе при зрѣлищѣ этой жизни, и именно потому, что вѣримъ въ бытіе около насъ подобныхъ намъ людей и чувствующихъ тварей, въ реальность всего этого міра и наполняющихъ его вещей, въ доступность намъ познанія истины и сущности окружающаго насъ міробытія. Если-бы не поддерживала, не одухотворяла насъ такая вѣра, если бы одинъ холодный скептическій разумъ сдѣлался руководящимъ началомъ нашей познающей дѣятельности, тогда недостижимо было бы никакое и ни въ чемъ согласіе, невозможенъ былъ бы никакой прогрессъ, никакая культур-

1) „Вѣра“, цитов. сочиненіе, стр. 65

ная работа, никакая цивилизованная жизнь. Отсюда и познается великая цѣнность вѣры, какъ зиждительной силы нашего духа, какъ универсальнаго средства противъ разрушительнаго дѣйствія скептицизма.

Особенно важное значеніе пріобрѣтаетъ для насъ вѣра въ томъ случаѣ, когда дѣло касается знанія міра идеальнаго. Конечно и все вообще наше знаніе идеально по своему содержанію, какъ состоящее изъ нашихъ идей и представленій о разныхъ предметахъ и явленіяхъ. Но есть идеи и идеи. Есть идеи болѣе конкретныя, являющіяся отраженіемъ тѣхъ фактовъ, которые оказали свое непосредственное воздѣйствіе на органы нашихъ чувствъ. Есть идеи болѣе абстрактныя, зародившіяся внутри познающаго нашего субъекта, въ ретортѣ нашего духа, идеи идей нашихъ. Содержаніемъ такого отвлеченнаго идеальнаго знанія служатъ мысли и взгляды человѣка на взаимоотношеніе и значеніе извѣстныхъ явленій или предметовъ міра физическаго и духовнаго, его познанія религіозныя, моральныя, эстетическія и другія. Высшій синтезъ такихъ идей и познаній образуетъ у человѣка стройное міросозерцаніе, подъ угломъ зрѣнія котораго онъ обсуждаетъ и оцѣниваетъ все то, что въ той или иной мѣрѣ становится объектомъ его познанія. Въ этой области знанія идеальнаго, метафизическаго значеніе вѣры достигаетъ своего апогея, высшей, кульминаціонной точки, такъ какъ безъ вѣры, безъ мужественнаго державенія и смиреннаго послушанія для него нѣтъ возможности разобратъся въ спутанномъ, лабиринтѣ хаотическихъ мыслей, борющихся чувствъ, неустойчивыхъ тяготѣній. Безъ вѣры ему не вынести изъ этого лабиринта опредѣленныхъ идеаловъ, не усмотрѣть въ немъ той животворной истины, безъ которой вся жизнь человѣческая является лишь „суетою суетъ и томленіемъ духа“ (Екк. 1, 14). Напротивъ тотъ, кто твердо стоитъ на камнѣ вѣры, признаетъ ее своей неизмѣнной спутницей и руководительницей на пути къ пріобрѣтенію познаній, къ проведенію ихъ въ жизнь, тотъ можетъ не бояться убійственной гангрены скептицизма и всѣхъ тяжелыхъ теоретическихъ и практическихъ его послѣдствій. Вѣра поистинѣ есть тотъ спасительный якорь, который удерживаетъ утлый челнъ человѣческаго разума среди бушующихъ волнъ сомнѣній и отрицаній на

одномъ безопасномъ мѣстѣ. Къ счастью для людей, такая вѣра никогда не покидала и не покидаетъ ихъ, къ счастью она находитъ мѣсто даже тамъ, гдѣ намѣренно стараются вытравить ее изъ ума и сердца человѣка.

Итакъ, стяжать разумную вѣру—вотъ путь къ окончательной побѣдѣ надъ скептицизмомъ, вотъ залогъ къ его преодолѣнью. Подъ скептицизмомъ въ данномъ случаѣ мы разумѣемъ собственно крайности его: безнадежное сомнѣнiе во всемъ, подозрительное недоувѣрiе ко всему и огульное отрицанiе всего, какъ истиннаго и несомнѣннаго. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда скептицизмъ служитъ лишь методомъ для изслѣдованiя той или другой области познанiя, онъ можетъ и долженъ имѣть свое законное мѣсто, свое надлежащее приложенiе. Къ признанiю этого обязываетъ насъ и самая филологiя даннаго термина. Скептицизмъ получилъ свое названiе отъ греческаго слова *σκέψις*, которое въ свою очередь происходитъ отъ глагола: *σκηπέω* или въ средней отлож. формѣ: *σκηπεύω*—смотримъ вдаль, изслѣдовать, обсуждать. Такое словопроизводство совсѣмъ не даетъ намъ права усвоить скептицизму значенiе сомнѣнiя, тѣмъ болѣе отрицанiя.

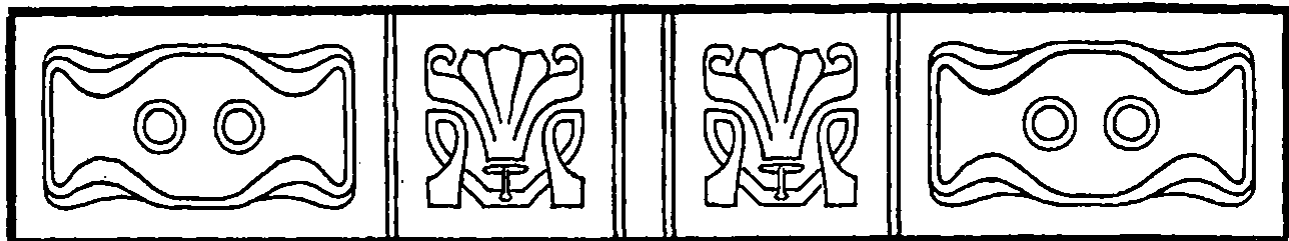
Скепсисомъ нужно называть пристальный взглядъ на что нибудь, разсмотрѣнiе, изученiе чего либо. При такомъ желанiи всесторонняго разсмотрѣнiя и изслѣдованiя въ умѣ ученаго или вообще занимающагося извѣстнымъ предметомъ неизбежно возникаютъ и различныя сомнѣнiя, колебанiя относительно правдивости и точности подлежащаго изслѣдованiю матеріала. За такими сомнѣнiями слѣдуетъ новое болѣе тщательное и глубокое изслѣдованiе и т. д. Такимъ образомъ сомнѣнiе и отрицанiе установившихся взглядовъ является въ скептицизмѣ лишь временнымъ, переходнымъ моментомъ, или, что то же, методологическимъ приемомъ и въ такомъ качествѣ оно не только должно быть признано умѣстнымъ и безвреднымъ, но необходимымъ и полезнымъ. Сомнѣнiе, какъ постоянное *principium primum* въ мышленiи человѣка, никогда не даетъ ему покоя и побуждаетъ его къ неустанной работѣ надъ своимъ усовершенствованiемъ. Въ этомъ кроется основанiе всякаго развитiя научнаго и культурнаго, а на этомъ развитiи и преуспѣянiи зиждутся всѣ лучшiя надежды человѣчества на полное

уразумѣніе истины, на достиженіе его завѣтныхъ идеаловъ.

Въ заключеніе не лишнимъ считаемъ припомнить весьма знаменательныя слова Христа Спасителя, обращенныя Имъ къ Апостолу Ѳомѣ: „ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ Меня; блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе“ (Іоан. 20, 29). Смыслъ этихъ словъ понятенъ въ связи со всей исторіей Апостола Ѳомы, предавшагося въ отличіе отъ другихъ Апостоловъ неумѣренному скептицизму. Скептически отнеслись къ факту воскресенія Христова и другіе апостолы („видѣвшимъ Его воскресшаго они не повѣрили“ (Мрк. 16, 14), но не надолго. Ѳома же цѣлую недѣлю мучился сомнѣніями, и въ своемъ невѣрїи требовалъ осязательныхъ доказательствъ (Іоан. 20, 25). Спаситель не осудилъ этихъ путей познанія, какими шелъ апостолъ, но Онъ отдалъ предпочтеніе вѣрѣ, которая сообщаетъ болѣе ясное, вѣрное и глубокое познаніе, которая избавляетъ человѣка отъ напрасныхъ терзаній и кратчайшимъ путемъ приводитъ къ обладанію истиною.

Свящ. В. Соколовъ.





Тайна вліянія одной личности на другую *).

Предварительныя замѣчанія.

Вопросъ о вліяніи одного человѣка на другого имѣеть тройкій интересъ—общій, профессиональный и научный. Кто изъ людей въ той или иной степени не заинтересованъ въ томъ, чтобы оказывать вліяніе на другихъ людей? Многие даже только и мечтаютъ объ этомъ: сны Прекраснаго Іосифа о первенствѣ и власти постоянно преслѣдуютъ ихъ, отъ юности и до старости. И они вѣрятъ этимъ снамъ, потому что очень желаютъ если не властвовать и первенствовать, то хотя производить на другихъ сильное впечатлѣніе. Имѣются у насъ и многочисленныя доказательства распространенности такого желанія и философское оправданіе его въ ученіи Фр. Ницше, который очень хорошо извѣстенъ широкой публикѣ. Провозглашенный имъ девизъ—*„воля къ власти“*, возведенная на степень основного инстинкта человѣка, пробудилъ, развязалъ и, говорятъ, осмыслилъ таящееся въ глубинѣ души человѣка стремленіе—властвовать. И вотъ многочисленные послѣдователи „новаго пророка“, особенно часто встрѣчающіеся среди городскихъ и юныхъ людей, изо всѣхъ силъ стараются привлечь къ себѣ вниманіе другихъ, произвести на нихъ сильное впечатлѣніе и даже (отчего не попробовать?) подчинить своему вліянію. Кто бывалъ въ театрахъ, кто читалъ критическіе отзывы и рецензентскія замѣтки въ журналахъ и газетахъ, тотъ хорошо знаетъ и еще лучше чувствуетъ, что и въ чрезмѣрныхъ восторгахъ и восхваленіяхъ театраловъ и въ хлесткой и оскорбительной брани рецензентовъ, сквозь выражаемыя чувства и мысли, такъ и протлѣдываетъ снѣдающее ихъ авторовъ самолюбіе и тщеславіе. Не покидаетъ современнаго интеллигента желаніе пофигурировать даже у гроба

*) Научно-богословское явленіе, предложенное въ залѣ думскихъ засѣданій въ г. Харьковѣ, 13 марта 1916 года.

близкаго лица, когда онъ старается эффектно и красиво выразить свою скорбь. Второе доказательство того, что многихъ терзаетъ бѣсъ честолюбія и властолюбія, болѣе извѣстно книгоиздателямъ и книгопродавцамъ. Въ витринахъ второразрядныхъ книжныхъ магазиновъ и лавчонокъ вы непременно увидите нѣсколько книгъ, рассчитанныхъ на легковѣрное и легкоувѣсное самолюбіе. Тамъ часто красуются книги съ такими заманчивыми заглавіями: „Сила внутри насъ“, „Психическое могущество человѣка“, „Таинственныя силы внушенія“, „Чудеса бѣлой и черной магіи“ и т. п. Подъ заголовками или надъ ними вы видите еще болѣе поразительные рисунки: изображается, напр., таинственнаго и величественнаго вида господинъ съ глазами, изъ коихъ истекають магнетическіе, подчиняющіе другихъ лучи, или съ протянутыми руками, съ пальцевъ которыхъ такъ и сыплются тоже магнетическія искры. Такія книги очень охотно покупаются городской публикой. Да и какъ не обзавестись такой чудесной книгой, когда она обѣщаетъ за 1 р. 50 к. научить насъ труднѣйшему изъ искусствъ—искусству властвовать и вліять на другихъ?! Не признавая такихъ стремленій къ власти серьезными и заслуживающими удовлетворенія, мы заранѣе заявляемъ, что будемъ говорить *не о секретахъ*, при помощи которыхъ можно будто бы слабому человѣку подчинить себѣ другого—болѣе сильнаго, а о болѣе важномъ и серьезномъ дѣлѣ—*тайнѣ вліянія* одной личности на другую. Много есть важнѣйшихъ профессій, представители которыхъ должны ознакомиться съ этой тайной. Сюда относятся всѣ тѣ профессіи, на которыхъ приходится имѣть дѣло съ людьми, и особенно тѣ служенія, на которыхъ по самому существу отношеній требуется вліять на другихъ людей въ ихъ же наиболѣе существенныхъ интересахъ. Мы разумѣемъ священника, учителя, воспитателя, правителя, вождя, врача. Всѣмъ имъ нельзя обойтись безъ спеціального изученія вопроса объ условіяхъ, способахъ и формахъ вліянія на своихъ пасомыхъ, учениковъ, кліентовъ и пациентовъ. Такъ какъ, далѣе, указанныя нами профессиональныя дѣятельности являются предметомъ изученія соответствующихъ наукъ (пастырскаго богословія, педагогики, дидактики, политики, терапіи и т. д.), то очевидно, что вопросъ о вліяніи одной личности на другую, въ связи съ профессиональнымъ,

возбуждаетъ и научный интересъ. Особенно три обстоятельства много содѣйствовали и содѣйствуютъ возбужденію научнаго интереса къ вопросу о вліяніи, это—возникновеніе со времени Конта социологіи, открытіе во второй половинѣ 18-го столѣтія гипнотизма и новое направление въ современной медицинѣ, извѣстное подъ именемъ психотерапіи. Съ одной стороны, ученые социологи, съ другой—врачи, занимающіеся изслѣдованіемъ поразительныхъ явленій гипнотизма и лѣченіемъ многочисленныхъ и разнообразныхъ нервныхъ болѣзней при помощи психическаго воздѣйствія врача—сдѣлали вопросъ о вліяніи одного человѣка на другого научной проблеммой нашего времени. Но не смотря на множество мотивовъ, побуждающихъ разобратся въ явленіяхъ психическаго воздѣйствія и взаимодѣйствія людей, мы въ русской литературѣ не находимъ сочиненій, которыя бы разсматривали вопросъ о вліяніи во всей его широтѣ. Посильную попытку разобратся въ указанномъ вопросѣ и представляетъ предлагаемое сочиненіе.

Намѣреваясь изобразить вліяніе одной личности на другую, мы не будемъ говорить ни о вліяніи толпы или общества на личность, ни объ обратномъ вліяніи личности на общество и толпу. Вполнѣ достаточно матеріала и по вопросу объ единоличномъ вліяніи. Приступая къ дѣлу, мы считаемъ необходимымъ, въ видахъ избѣжанія утомительныхъ повтореній и съ цѣлю подготовить къ пониманію процесса вліянія, предпослать обзорнѣю способовъ и формъ вліянія нѣсколько замѣчаній общаго характера. Скажемъ сначала о механизмѣ вліянія одного человѣка на другого, потомъ о причинахъ вліятельности однихъ и невліятельности другихъ людей, затѣмъ—о благопріятныхъ и неблагопріятныхъ условіяхъ вліянія, и, наконецъ, о важнѣйшихъ видахъ вліянія.

Когда происходитъ процессъ психическаго вліянія (в-лія-ніе=вливаніе) одного человѣка на другого, психическое состояніе должно пройти четыре стадіи: 1) сначала оно является *внутреннимъ, чисто психическимъ* состояніемъ у вліяющаго, 2) затѣмъ оно у него же превращается въ движенія разнаго рода (движенія лица, рукъ и туловища, звуки, слова и т. п.) и становится такимъ образомъ *внѣшнимъ и матеріальнымъ*, 3) эти движенія, какъ внѣшніе знаки вну-

треннихъ состояній, должны быть *восприняты* другимъ лицомъ *черезъ посредство органовъ внѣшнихъ чувствъ*—зрѣнія, слуха, осязанія и т. д.; и 4) послѣ этого передаваемое психическое состояніе *снова превращается въ чисто-психическое* въ душѣ поддавашагося вліянію. Пояснимъ на примѣрѣ. Допустимъ, что я испытываю не особенно сильное чувство печали. Оно не передастся другому лицу, находящемуся со мною, если я не выражу своей печали замѣтнымъ для него образомъ. Если же я скажу ему: „мнѣ грустно“, или напишу на бумагѣ эти слова, или проявлю это чувство въ печальной позѣ и въ печальномъ выраженіи лица, или же, наконецъ, подойдя къ роялю, возьму нѣсколько печальныхъ аккордовъ, то мой сосѣдъ, обративъ вниманіе на внѣшніе знаки моей печали и правильно истолковавъ ихъ, можетъ испытать то же самое чувство по симпатіи ко мнѣ. Я, слѣд., въ этомъ случаѣ произведу на него вліяніе, свою грусть волю въ его душу *черезъ посредство органовъ внѣшнихъ чувствъ*.

Каждый человѣкъ мечтаетъ о томъ, чтобы быть вліятельнымъ и принимаетъ мѣры къ тому, чтобы усилить свое вліяніе, но дѣйствительно вліятельными являются лица *сильныя и искреннія*. Психическая сила, обнаруживающаяся во вліяніи одного человѣка на другого, можетъ быть разсматриваема по аналогіи со всякой другой силой, или энергіей. Законъ излученія энергіи отъ одного тѣла къ другому проявляется въ томъ, что болѣе богатая энергіей, болѣе сильная, болѣе теплая, болѣе свѣтлая, болѣе наэлектризованная тѣла отдаютъ часть своей энергіи сосѣднимъ тѣламъ съ меньшимъ напряженіемъ подлежащей энергіи. Вслѣдствіе этого въ природѣ происходитъ постоянное и непрерывное уравненіе различныхъ видовъ лучистой энергіи; она постоянно переходитъ изъ мѣстъ и тѣлъ съ большимъ ея количествомъ и напряженіемъ въ мѣста и тѣла съ меньшимъ ея количествомъ и напряженіемъ. Точно то же происходитъ и съ психической энергіей. Болѣе сильный и искренній вліяетъ на менѣе сильнаго и болѣе слабаго. Отсюда для того, чтобы вліять въ теченіе продолжительнаго времени, надо быть вообще болѣе сильнымъ въ отношеніи физическомъ (по тѣлесной силѣ, ловкости и красотѣ), экономическомъ (по имуществу), социальномъ (по положенію и чину) и въ психическомъ.

хическомъ (по уму, сердцу и волѣ, спайка которыхъ составляетъ характеръ), чѣмъ конкуррентъ по вліянію и подвергающееся вліянію лицо. При равенствѣ прочихъ условій силачъ окажется вліятельнѣе человѣка средней силы, милліонеръ вліятельнѣе тысячника, министръ—губернатора, талантъ—просто способнаго человѣка и т. д. Но мало общаго и признаннаго превосходства для того, чтобы оказаться вліятельнымъ въ данное время и въ данномъ отношеніи: нужно еще въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вліянія проявить больше энергіи, чѣмъ нашъ конкуррентъ по вліянію, или объектъ нашего вліянія. Такъ, тысячникъ, пожертвовавшій вдвое болѣе, чѣмъ милліонеръ, произведетъ большее вліяніе, чѣмъ послѣдній. Равнымъ образомъ талантъ, въ то время, когда душа его внушаетъ „хладный сонъ“, произведетъ меньшее вліяніе, чѣмъ способный человѣкъ, вполне владѣющій въ данную минуту своими силами. Такъ какъ переживаемое мною въ дѣйствительности состояніе будетъ сильнѣе обманно проявляемаго мною, или, какъ говорятъ, симулированнаго мною, то оно будетъ и дѣйственнѣе послѣдняго. Отсюда вытекаетъ новое требованіе для того, кто хочетъ вліять на другихъ: надо быть ему искреннимъ въ своихъ мысляхъ, чувствахъ и намѣреніяхъ, т. е. надо во внѣ проявлять то и такъ, что и какъ переживается имъ въ душѣ. На необходимости быть искреннимъ особенно настаиваетъ Карлейль. Въ своемъ сочиненіи о герояхъ онъ пишетъ: „Я сказалъ бы: искренность, глубокая, великая, подлинная искренность составляетъ первую характерную черту великаго человѣка, проявляющаго такимъ или инымъ образомъ свой героизмъ. Не та искренность, которая называетъ сама себя искренней; о нѣтъ! это въ дѣйствительности очень жалкое дѣло: пустая, тщеславная сознательная искренность, чаще всего самодовольная. Искренность великаго человѣка другого рода: онъ не можетъ говорить о ней, онъ не сознаетъ ея; мало того, я допускаю даже, что онъ склоненъ обвинять себя въ неискренности, ибо какой человѣкъ можетъ прожить день изо дня, строго слѣдуя закону истины? Нѣтъ, великій человѣкъ не хвастаетъ тѣмъ, что онъ искрененъ; далеко нѣтъ; быть можетъ, онъ даже не спрашиваетъ себя, искрененъ-ли онъ; я сказалъ бы охотнѣе всего—его искренность не зависитъ отъ него самого, онъ не можетъ помѣ-

шать себѣ быть искреннимъ“ *). Быть сильнымъ вообще, энергичнымъ и искреннимъ въ своихъ проявленіяхъ,—вотъ въ чемъ заключается тайна вліянія на другихъ людей.

Возможно вліяніе и слабыхъ людей, но при наличности трехъ слѣдующихъ условій: 1) если слабые льстятъ страстямъ сильныхъ и потакаютъ слабостямъ обыкновенныхъ людей, 2) особенно если они дѣйствуютъ на чувства зависти и ненависти и 3) если для своего вліянія избираютъ то время, когда подлежащій ихъ вліянію человѣкъ находится въ состояніи волненія, утомленія и болѣзни, т. е. не вполне владѣетъ собою и своими силами. Всѣ эти условія такого рода, что вліяющее при наличности ихъ лицо вполне заслуживаетъ названіе искусителя, развратителя и наушника. Такіе люди не бываютъ искренними и потому вліяніе ихъ, если они не окружаютъ сплоченной толпой своей жертвы, не бываетъ продолжительнымъ: неискренній человѣкъ все равно, что фальшивая монета: въ попыткахъ можно принять ее за настоящую, но при ближайшемъ разсмотрѣніи обманъ обнаруживается и довѣріе къ вліяющему утрачивается. Весьма часто обманъ постигается посредствомъ чутья тутъ же, при попыткѣ повліять такимъ образомъ.

Вліяніе сильныхъ, энергичныхъ и искреннихъ людей осуществляется при наличности нѣкоторыхъ благопріятныхъ условій со стороны подвергающихся вліянію. Необходимыми условіями, при отсутствіи которыхъ вліяніе не можетъ произойти, являются—*вниманіе* къ проявленіямъ вліяющаго и *пониманіе* его внутреннихъ, психическихъ, состояній. Безъ вниманія не можетъ быть вліянія, безъ пониманія оно происходитъ очень рѣдко и не достигаетъ должной прочности и глубины, ограничиваясь одною внѣшностію. Значеніе вниманія хорошо понято торгово-промышленными фирмами, которыя затрачиваютъ ежегодно громадныя суммы на рекламированіе своего товара посредствомъ газетныхъ объявленій, свѣтовыхъ эффектовъ, художественныхъ изображеній, бесплатной разсылки образцовъ и пробъ, выставокъ, разсылки коммивояжеровъ и т. д. Затраченныя на рекламу средства съ лихвою окупаются довѣрчивыми покупателями,

*) Карлейль, Герои и героическое въ исторіи. Спб., 1901 года, стр. 62.

вниманіе которыхъ невольно привлекается множествомъ и яркостію заманчивыхъ обѣщаній. Значеніе же пониманія для успѣха вліянія открывается въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣе сильный, энергичный и искренній геній уступаетъ въ степени вліятельности своему талантливому или способному послѣдователю только потому, что послѣдній стоитъ ближе и потому становится понятнѣе для поддающагося вліянію. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ немаловажное значеніе имѣетъ и другое обстоятельство, помимо большей доступности вліянія для пониманія поддающихся ему лицъ: геній часто замыкается въ гордомъ уединеніи, тогда какъ его послѣдователь ищетъ общенія съ людьми, дѣлаетъ имъ кое-какія уступки, совершенствуетъ приемы вліянія на нихъ и создаетъ для него болѣе благопріятныя условія. И въ этомъ случаѣ оправдывается изреченіе—*хотѣть* это значитъ *мочь*. Послѣ вниманія и пониманія, въ качествѣ условій, облегчающихъ и усиливающихъ вліяніе, необходимо указать *довѣріе* къ вліяющему, *расположеніе* къ нему и *сродство* душъ вообще или въ данную минуту,—по сходству положенія. Недовѣріе же, нерасположеніе и различіе между намѣревающимся повліять и его объектомъ, хотя не исключаютъ вліянія въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но очень затрудняютъ и ослабляютъ его. Тотъ, кто пользуется неограниченнымъ довѣріемъ въ глазахъ другого, служитъ предметомъ его преданной любви и имѣетъ много общихъ чертъ съ нимъ,—уже по одному этому пріобрѣтаетъ настолько сильное вліяніе, что оно проходитъ иногда „въковъ завистливую даль“.

Нужно особенно подчеркнуть мысль о необходимости для успѣха вліянія сродства душъ. Римляне выразили значеніе его въ пословицѣ: „*Similis simili gaudet*“, т. е. подобный подобнымъ восхищается. Русская пословица подобнаго рода—„Рыбакъ рыбака видитъ издаലെка“ не точно передаетъ смыслъ латинскаго изреченія: восхищаться подобнымъ и потому подчиняться ему гораздо важнѣе для успѣха вліянія, чѣмъ только распознать и видѣть подобнаго себѣ человѣка даже на разстояніи.

Вліяніе можетъ быть *задерживающимъ* и *развращающимъ*, съ одной стороны, и *содѣйствующимъ* и *возвышающимъ*, съ другой. Вліяніе перваго рода совершается по эгоистическимъ мотивамъ вліяющаго, оно можетъ довести

объектъ вліянія до полного подчиненія и обезличенія, которое, однако, всегда можетъ окончиться бунтомъ и ниспроверженіемъ деспотическаго владыки. Задерживающее вліяніе противно природѣ человѣка, который стремится развить и проявить свою личность; точно также противоестественно и развращающее вліяніе, потому что оно идетъ въ разрѣзъ съ самымъ лучшимъ и глубочайшимъ стремленіемъ человѣка *къ совершенствованію*. Вліяніе же второго рода (содѣйствующее и возвышающее) совершается по благожелательнымъ побужденіямъ; оно можетъ довести своего объекта до одной высоты съ вліяющимъ, которому ученики его очень часто, даже при достигнутомъ равенствѣ съ нимъ, платятъ за его безкорыстную любовь и неусыпную заботливость глубокой благодарностію и преданностію. Объясняется такое различіе во взаимныхъ отношеніяхъ между вліятельнымъ лицомъ и предметомъ его вліянія тѣмъ, что человѣкъ легко и охотно подчиняется вліяніямъ, полезнымъ для него *въ данную минуту* или *въ будущемъ*, но весьма нелегко и неохотно поддается такимъ вліяніямъ, которыя идутъ въ разрѣзъ съ его *временными* или *постоянными* интересами. Отсюда самымъ вліятельнымъ лицомъ, при равенствѣ прочихъ условій, должно быть то лицо, которое, не заботясь о своихъ эгоистическихъ интересахъ, преслѣдуетъ при своемъ вліяніи лишь интересы лицъ, поддающихся вліянію. При попыткѣ повліять на другого человѣка наше вліяніе, въ зависимости отъ очень многихъ причинъ, которыя мы укажемъ позднѣе, можетъ оказаться *положительнымъ и отрицательнымъ*, или *прямымъ и обратнымъ*. Мать внушаетъ своему ребенку, чтобы онъ не пролилъ молока на ея новое платье и потому обращался съ молочнякомъ осторожнѣе. Если ребенокъ послушаетъ ее, то мы будемъ имѣть дѣло съ положительнымъ, или прямымъ вліяніемъ матери; если же ребенокъ нарочно сдѣлаетъ то, чего мать боялась, т. е. на зло ей, нарочно прольетъ молоко на ея платье, то мы будемъ имѣть случай отрицательнаго, или обратнаго вліянія матери на своего ребенка. Вліяніе, наконецъ, можетъ осуществляться *при непосредственномъ*, или личномъ общеніи, съ одной стороны, и *на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи* между вліятельнымъ лицомъ и объектомъ вліянія, съ другой стороны. Первое мы будемъ называть вліяніемъ *вблизи*, а второе—

на разстояніи. Можно быть очень вліятельнымъ лицомъ вблизи; но не имѣть вліянія на разстояніи, и наоборотъ: часто человекъ очень вліятельный на разстояніи, теряетъ свое вліяніе при личномъ общеніи съ объектомъ вліянія. Такъ, напр., Ж. Ж. Руссо дѣйствовалъ обворожительнымъ образомъ на Канта и Робеспьера своими сочиненіями, которыя тѣ съ наслажденіемъ читали и перечитывали, но если бы они лично были знакомы съ Руссо, то по всей вѣроятности, ихъ тяготѣніе къ Руссо очень скоро прекратилось бы. Возможно даже, что они сдѣлались бы другъ для друга антипатичными, т. е. стали бы отрицательно вліять другъ на друга. Злѣйшіе враги человека также очень вліяютъ на него, но главнымъ образомъ отрицательно.

Существуетъ очень много способовъ и формъ вліянія одной личности на другую. Если бы пересчитать только одни способы воспитательнаго воздѣйствія учителя на ученика, то и въ этомъ случаѣ получилась бы довольно значительная цифра. До какихъ внушительныхъ размѣровъ она возросла бы, если бы мы захотѣли сосчитать всѣ способы и формы вліянія людей, взятаго во всей его широтѣ и многообразіи! Мы, конечно, не возьмемъ на себя такой задачи и ограничимся разсмотрѣніемъ важнѣйшихъ способовъ и формъ вліянія одного человека на другого. Мы расположимъ ихъ въ порядкѣ развитія, т. е. отъ первоначальнаго, бессознательнаго, произвольнаго, простаго, поверхностнаго и легкаго—къ позднѣйшему, сознательному, произвольному, сложному, глубокому и трудному. Получается такая скала: 1) *психическое зараженіе* (или симпатія), 2) *внушеніе*, 3) *подражаніе*, 4) *очарованіе*, 5) *убѣжденіе* и 6) *нравственное вліяніе*. Порядокъ эволюціи характеризуется тѣмъ, что низшій способъ вліянія, съ наступленіемъ болѣе высшаго, не уничтожается, а входитъ въ составъ высшаго и подчиняется ему, какъ средство или пріемъ подчиняется цѣли. Отъ такого взаимоотношенія и зависитъ возрастающая сложность, глубина и трудность болѣе высшихъ способовъ и формъ вліянія. Въ цѣляхъ большей яркости изображенія мы будемъ разсматривать наиболѣе эффектные и поразительные случаи вліянія каждаго рода.

В. Тихомировъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Библіографія.

I

Свящ. Александръ Введенскій. „Сектанты о сектантахъ“.

Стр. 190. Одесса, 1915 г. Цѣна 1 р., 25 к.

Задача труда о. Введенскаго опредѣляется нижеслѣдующимъ краткимъ къ нему предисловіемъ: „Тому, что пишутъ православные о сектантахъ, въ современномъ обществѣ не придаютъ почти никакого значенія. Говорятъ: „тенденціозная литература“. Если такъ, то пусть прислушаются интересующіеся сектантскимъ движеніемъ къ тому, что сами сектанты пишутъ и говорятъ о сектантахъ“.

Выполняя поставленную задачу, о. Введенскій и издалъ свой трудъ,—представляющій рядъ писемъ, автобіографическихъ набросковъ, принадлежащихъ перу бывшихъ сектантовъ. Теоретической стороны вопроса, ученія тѣхъ или иныхъ сектъ, эти письма совершенно не затрагиваютъ; содержаніемъ cadaго изъ нихъ является освѣщеніе внутренней жизни сектантскихъ общинъ, полного нравственнаго развала, въ нихъ царящаго. Такимъ образомъ, книга о. Введенскаго являетъ собою сборникъ матеріаловъ по вопросу о нравственной жизни сектантовъ, различныхъ проявленіяхъ строя этой жизни. Изданіе „матеріаловъ“—вещь цѣнная вездѣ, а въ данномъ случаѣ,—поскольку внутренняя жизнь сектантовъ остается всегда слишкомъ недоступной постороннему взору,—въ особенности. Но по отношенію къ книгѣ о. Введенскаго нужно сдѣлать одну оговорку, довольно существеннаго характера. Собранные имъ „матеріалы“ не являются таковыми, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Всѣ они,—чего, правда, нисколько не скрываетъ и авторъ,—были въ свое время (иногда и очень давно,—въ 1898 году) уже опубликованы,—въ „Миссіонерскомъ Обзорѣніи“, „Ежемесячномъ Журналѣ“ и „Кубанскихъ областныхъ Вѣдомостяхъ“.

Отсюда,—претендовать на какую нибудь строго научную цѣнность книга о. Введенскаго не можетъ. Авторъ не сообщаетъ новыхъ данныхъ, а лишь собираетъ и перепечатываетъ уже напечатанное ранѣе. Трудно предположить также, чтобы сборникъ о. Введенскаго могъ быть сколько нибудь полезенъ въ дѣлѣ преподаванія. Въ дѣлѣ миссіонерски—практическомъ—отчасти, быть можетъ, да. Совершенно, думается, книга непригодна для „современнаго общества“. Если оно опредѣляетъ литературу православныхъ о сектантахъ, какъ „тенденціозную“, то не избѣгнетъ этой прискорбной участи и настоящій сборникъ о. Введенскаго,—тѣмъ болѣе, что въ немъ предложены не самостоятельно изысканные матеріалы а перепечатки. При желаніи могутъ съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на заключеніи сборника, данномъ авторомъ, и пожалуй . . . придти въ немалое смущеніе. Поскольку заключеніе это, въ сущности, опредѣляетъ подлинныя мотивы составленія сборника о. Введенскаго,—позволимъ себѣ привести изъ него нѣсколько строкъ. Авторъ упоминаетъ объ изданіи извѣстнымъ сектантскимъ апологетомъ, г. Бончъ—Бруевичемъ, нѣсколькихъ томовъ „Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго сектантства“. „Матеріалы“ эти оказались тенденціозными,—подобрано въ нихъ только то, что рисуетъ жизнь сектантовъ радужными красками. Но, вѣдь, есть въ этой жизни и отрицательныя стороны и слишкомъ существенныя. Знать о нихъ необходимо при изученіи исторіи русскаго сектантства. Вотъ—мотивъ возникновенія сборника о. Введенскаго: „Мы рѣшили“, пишетъ авторъ въ послѣднихъ строкахъ заключенія своего сборника,—„восполнить существующій пробѣлъ въ литературѣ о сектантахъ, издавъ тѣ „матеріалы“, которые на свѣтломъ фонѣ картины сектантской жизни полагаютъ въ той или иной степени, въ томъ или другомъ мѣстѣ тѣни, столь неизбѣжныя въ каждой картинѣ и придающія каждому явленію точность, ясность и полноту“. Фраза,—въ высшей степени странная. И нужно удивляться, какъ не обратилъ на это вниманія самъ авторъ. Вѣдь, если „тѣни“ на свѣтломъ фонѣ картины, т. е. отрицательныя стороны во внутренней жизни сектантства,—естественны и неизбѣжны, то о чемъ же, въ такомъ случаѣ, и толковать? Противникъ сектантства, о. Введенскій легкомысленной фразой ставитъ себя чуть что не

въ ряды его принципиальныхъ апологетовъ, самъ того не замѣчая, повидимому. Разумѣется, это—мелочь, но въ печатныхъ трудахъ надо бы быть осторожнѣе. Вообще же говоря, сборникъ о. Введенскаго представляетъ, безспорно, извѣстную практическую цѣнность, поскольку даетъ надлежащій матеріалъ для чтенія интересующимся сектантскимъ движеніемъ.

Н. К.

• II.

Д-ръ К. Е. Островскій. „Объединеніе религіи и науки, школы и жизни“. Стр. 54. Кіевъ, 1916 г. Цѣна 30 коп.

Небольшая, но довольно содержательная брошюра,—способная, однако же, вызвать у читателя глубокое раздумье относительно сокровеннаго „вѣрую“ ея автора. Весь вопросъ въ томъ, кто онъ, этотъ авторъ: только лишь ученый путешественникъ, ознакомившійся съ религіозными вѣрованіями Востока и Запада, но не знающій и не чувствующій внутренней силы Христовой вѣры,—или же сознательный противникъ послѣдней? Съ увѣренностью можно сказать одно: вѣрующій христіанинъ, который прочтетъ эту брошюру, искушенный ея громкимъ заголовкомъ, отойдетъ отъ нея неудовлетвореннымъ,—если не болѣе,—ибо съ одной стороны она не даетъ откровенія, не сообщаетъ дотолѣ невѣдомыхъ истинъ, а съ другой оставляетъ безъ отвѣта и,—въ чемъ вся суть дѣла,—властнаго, осязательно-жизненнаго разрѣшенія ту мучительную проблему, разрѣшить которую обѣщаетъ, повидимому, своимъ заголовкомъ. И въ этомъ случаѣ не нужно запутывающимъ читателя представляется предисловіе автора: „Современная война, небывалая по своей жестокости, сильно расшатала связь между Богомъ все-сильнымъ и Богомъ любви, Богомъ науки и Богомъ религіи. Чувствуется огромная потребность вновь объединить ихъ. Конечной цѣлью философіи всегда было объединенное знаніе—объединеніе и примиреніе науки и религіи, науки ока и науки сердца. 12/25 декабря мы ежегодно празднуемъ рождество свѣта физическаго и рождество свѣта духовнаго; празднуемъ день рожденія Бога природы—Бога свѣта сол-

нца и рождество Бога внутренняго—мистическаго,—свѣта разума или разума свѣта и такимъ образомъ объединяемъ науку и религію. Цѣль и настоящей книжки способствовать объединенію главныхъ законовъ религіи и науки, помочь религіи сдѣлаться научной, а наукѣ сдѣлаться религіозной и такимъ образомъ примирить Бога всесильнаго—науки и Бога любви—религіи“... Апостоломъ—проповѣдникомъ какой же религіи нужно считать д-ра Островскаго? Всего менѣе,—религіи христіанской,—таково общее впечатлѣніе, оставляемое настоящей брошюрой. Впрочемъ, авторъ ея въ иныхъ мѣстахъ достаточно опредѣленъ. „Геліодинамизмъ“—вотъ принципъ его исповѣданія. „Геліодинамизмъ“, пишетъ онъ на страницѣ 22-ой,—„въ будущемъ объединить, обобщить и примирить мифологию, религію, философію всѣхъ временъ и народовъ; послужить прочнѣмъ фундаментомъ единого зданія, единой религіозно-научной философіи или единой научно-философской религіи, основаніемъ единства наукъ, философіи, и религіи и братства народовъ. Это будущее братство народовъ, объединенное единой религіей, философіей и наукой, будетъ поклоняться единому свѣтозарному Богу, главнымъ свойства котораго тепло и свѣтъ солнца. На знамени этого братства—солнечнаго союза народовъ земли или царства солнца на землѣ будетъ написано: Солнце и Любовь“. Что же это за новая религія? Основное содержаніе брошюры д-ра Островскаго сводится къ слѣдующему. Въ настоящее время человѣческому познанію открытъ великій, всеобъемлющій законъ энтропіи, 2-ое положеніе термодинамики, законъ эволюціи міра, двигательной, творческой силы теплоты солнца. Лучистая теплота солнца, изливающаяся въ міръ и оживляющая его. Общій законъ излученія тепловой энергіи отъ тѣла, болѣе насыщеннаго ею, къ тѣлу, менѣе насыщенному; свѣтъ и теплота солнца, прежде всего—вотъ тотъ великій и всемогущій богъ, которому поклоняется д-ръ Островскій. Мысль не новая, ибо кто же станетъ отрицать громадное значеніе закона энтропіи тамъ, гдѣ онъ можетъ и долженъ быть примѣнимъ? Но нова попытка приложенія этого закона „не только къ космосу, къ міру физическому, но и къ міру духовному и этическому“ (Стр. 89). Законъ солнца у автора становится закономъ жертвы (см. посвященіе статьи). Излученіе тепловой энергіи солнца—

это жертва любви. Вотъ основной тезисъ автора. А дальше начинается знакомый мотивъ безрелигіозныхъ пѣсенъ прошлаго вѣка, только въ новой формѣ. Правда, авторъ въ достаточной степени остороженъ. Религіи христіанской, Господа Бога онъ нигдѣ не отрицаетъ. Откровенно,—прибавимъ. Но... слишкомъ трудно было бы найти у него и ея исповѣданіе. Богъ христіанской религіи замѣненъ „богомъ солнца“. Сначала солнце является для г. Островскаго только „главнымъ орудіемъ, главнымъ ключемъ, которымъ Богъ заводитъ землю, оживляетъ ее“ (стр. 8). Дальше—„законъ излученія и равномернаго распредѣленія энергіи“ (тепловой энергіи солнца) дѣлается уже „правиломъ поведенія Единаго Бога“ (Стр. 12). Сотворенное диктуетъ правило поведенія Творцу. И это правило, по взгляду автора, находитъ свое осуществленіе въ пришествіи на землю Единороднаго Сына Божія,—жертвѣ Его любви къ людямъ, излученіи духовной энергіи Божественнаго сердца. Нужно замѣтить, что автору открывалась полная возможность ограничиться проведеніемъ простой и невинной по существу параллели: безграничная любовь Божія находитъ себѣ отображеніе и въ сотворенномъ Имъ космосѣ; подобно любви божественной, и въ мірѣ физическомъ есть образъ любви, всюду реализующійся,—теплота солнечная, всему матеріальному подающая жизнь и ее поддерживающая. Это сравненіе было бы еще выраженіемъ христіанскаго „вѣрую“. Но задачи автора, повидимому, совершенно иныя. Всѣ основныя положенія христіанскаго вѣро—и нравоученія, ученіе о Св. Троицѣ, воплощеніи, страданіяхъ, смерти и воскресеніи Сына Божія,—для д-ра Островскаго только продуктъ мифологическаго творчества народовъ. Тема не новая, правда. Но подновляется она тѣмъ, что авторъ не матеріалистъ, такъ какъ матерія у него сводится на энергію. И если старые матеріалисты были откровеннѣе, прямолинейно отрицая Бога, то авторъ брошюры пошелъ иными путями, удерживая всюду наименование „Бога солнца“. Къ сожалѣнію,—только наименование. Вседержитель пересталъ быть для него высочайшимъ духовнымъ Существомъ, но отрицать Его вовсе авторъ не нашелъ удобнымъ. И въ результатѣ получилась хотя и весьма причудливая, но крайне неудачная попытка примиренія непримиримаго—Христа и антихриста,—который для автора слѣ-

лался тоже „сыномъ божіимъ“,—какъ началъ духа и плоти, пробужденія и подавленія ея. Оставляя брошюру д-ра Островскаго безъ болѣе подробнаго разбора, отмѣтимъ еще только одну ея мысль: высказываемыя положенія, по мнѣнію автора, должны служить фундаментомъ воспитанія и обученія дѣтей въ школѣ. Дѣти будто бы на примѣрѣ любви и жертвы „бога солнца“ всего скорѣе поймутъ всеобщность и жизненную силу закона любви. Парадоксальность этой мысли не нуждается въ комментаріяхъ. Можно бы только поставить автору вопросъ: почему не далъ и не даетъ людямъ мира и братства „великій законъ солнца“, хотя онъ извѣстенъ многимъ, почему не ищутъ въ немъ примѣра? Не потому ли, что тѣло (матерія) и духъ всегда останутся противоположными, первая съ своими законами, а второй—съ его запросами и порывами? И если брошюра д-ра Островскаго, по сокровеннымъ намѣреніямъ ея автора, — только невинная утопія, какихъ возникаетъ не мало,—то все же отъ души можно пожелать, чтобы отъ ея вліянія убереглись хотя дѣти, чистымъ сердцемъ вѣрующія во имя Господне.

И. П.



Протоколы засѣданій 2-го епархіального съѣзда О. о. законоучителей среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Харьковской епархіи.

28-го декабря истекшаго 1915 года, въ 11 час. утра, въ Епархіальномъ домѣ (Каплуновская, 4, г. Харьковъ) открылся *второй* епархіальный съѣздъ о.о. законоучителей среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Харьковской епархіи. Передъ открытіемъ съѣзда, по прибытіи Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Архіепископа Харьковского и Ахтырскаго, отслуженъ былъ о.о. законоучителями молебенъ св. ап. Іоанну Богослову, при пѣніи самихъ же законоучителей, въ присутствіи представителей отъ Харьковского Учебнаго Округа—окружнаго инспектора, д. с. с. Д. Е. Архангельскаго, дир-а 1-й гимназіи И. А. Порошина, инспектора нар. училищъ Харьков. у. П. Н. Щукина и всѣхъ участниковъ съѣзда. По окончаніи молебна Высокопреосвященный Предсѣдатель съѣзда обратился къ собравшимся съ краткимъ привѣтствіемъ слѣд. содержанія: „Отъ души радуюсь, видя предъ собой собравшихся о.о. законоучителей, которые, дорожа святымъ дѣломъ законоучительства въ школѣ, пожертвовали своимъ отдыхомъ и прибыли сюда, на съѣздъ, чтобы въ единомысліи и единомушіи обсудить важнѣйшіе вопросы законоучительства и затѣмъ вести его на мѣстахъ во славу Создателя Нашего, на радость св. Православной Церкви, на утѣшеніе нашего Государя, родителей и общества. Привѣтствую васъ, дорогіе отцы и братіе, призываю на васъ Божіе благословеніе и молитвенно желаю, чтобы предстоящая намъ работа была живой и плодотворной“. Затѣмъ, окружный инспекторъ, Д. Е. Архангельскій передалъ о.о. законоучителямъ-участникамъ съѣзда привѣтствіе отбывшаго въ столицу Г. Попечителя Харьков. Учеб-

наго Округа и выразилъ пожеланіе, чтобы на съѣздѣ было рѣшено два, важныхъ въ школьной жизни, вопроса: 1) какъ привлечь г.г. преподавателей къ активному участию въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія учащихся? и 2) какъ согласовать преподаваніе Закона Божія въ школѣ съ другими, т. наз. „свѣтскими“ предметами школьнаго курса, такъ чтобы не переобременять учащихся объемомъ и количествомъ учебнаго матеріала по Закону Божию, въ ущербъ другимъ предметамъ?

По предложенію Высокопреосвященнаго Предсѣдателя, секретарь „Харьковскаго законоучительскаго братства“ представилъ краткій отчетъ о дѣятельности братства со времени его открытія—4 декабря 1914 года и по 7-е декабря 1915 года (последнее передъ съѣздомъ засѣданіе). Изъ отчета выяснилось, что „братство“ имѣло за это время 18 засѣданій—11 съ 4 дек. по 2 апр. и 7—съ 8 октября по 7 декабря 1915 года. На самомъ малолюдномъ изъ этихъ засѣданій присутствовало не менѣе 20 харьковскихъ о.о. законоучителей; на самомъ же многолюдномъ—до 60; причемъ на нѣкоторыхъ засѣданіяхъ присутствовали представители отъ харьковскихъ учебныхъ заведеній и пріѣзжіе изъ епархіи о.о. законоучители. Дѣятельность братства въ засѣданіяхъ распредѣлялась между заслушаніемъ докладовъ и обмѣномъ мнѣній по содержанію ихъ, съ одной стороны, и обсужденіемъ принципиальныхъ и текущихъ вопросовъ законоучительской теоріи-практики, съ другой. Докладчиками были 1) самъ *Высокопреосвященный Предсѣдатель* братства, предложившій доклады: а) „о спасительности страданій Господа Нашего Иисуса Христа“ (4 дек. 1914 г.), б) „о паденіи челоуѣка и жизни челоуѣка и вселенной послѣ паденія“ (11 дек. 1914 г.), в) „о преподаваніи катихизиса“ (22 янв. 1915 г.), г) „о Божествѣ Господа Иисуса Христа“ (7 дек. 1915 г.).

2) *прот. Н. Красовскій*, законоуч. 4-й гимназіи, предложившій докладъ на тему: „впечатлѣнія и думы о постановкѣ религіозно-нравственнаго воспитанія въ свѣтской школѣ“ (15 янв. 1915 г.).

3) *Свящ. І. Дмитревскій*, законоучитель 1-го реальнаго училища, прочитавшій докладъ на тему: „Дарвинизмъ, эволюція и христіанство“ (11 дек. 1914 г.)

4) *П. О. Кратировъ*, преподав. Харьков. духовной семинаріи, предложившій докладъ на тему: „возможно-ли спасеніе внѣ Церкви Христовой“ (29 янв. 1915 г.)

5) *Свящ. В. Шаповаловъ*, законоучитель гимназін 2-й группы преподавателей, подѣлившійся своими мыслями „о преподаваніи катихизиса“ (12 февр. 1915 г.)

6) *Свящ. І. Артинскій*, законоучитель 2-й гимназін, предложившій доклады: а) „объ изученіи Священнаго Писанія въ свѣтской средней школѣ“ (19 февр. 1915 г.) б) „отношеніе законоучителя къ отрицательнымъ явленіямъ мысли и жизни въ школѣ“ (2 апр. 1915 г.), в) „объ измѣненіяхъ и сокращеніяхъ въ школьной программѣ по Закону Божію“ (19 ноября 1915 г.) и г) „объ измѣненіяхъ въ программѣ по Закону Божію въ (предположенной мин—вомъ нар. просв.) семиклассной средней школѣ“ (26 ноября 1915 г.)

7) *Прот. В. Ветуховъ*, настоятель Николаевской церкви, давшій въ докладѣ свои соображенія „о преподаваніи Закона Божія въ городскихъ училищахъ“ (26 февр. 1915 г.)

8) *Прот. І. Захаржевскій*, законоучитель 1-й гимназін, предложившій докладъ „о церковно-славянскомъ языкѣ въ свѣтской школѣ“ (5 марта 1915 г.)

9) *Прот. Н. Липскій*, законоучитель реальн. учил. Буракова, предложившій докладъ „о чудѣ“ (22 окт. 1915 г.)

10) *Свящ. М. Слуцкій*, законоучитель женской гимназін Левковецъ, поставившій въ своемъ докладѣ вопросъ: „какъ поднять религіозность въ нашей интеллигенціи черезъ школу?“ (5 и 11 ноября 1915 г.)

По вопросамъ законоучительской теоріи-практики въ засѣданіяхъ „Братства“ сдѣланы были слѣд. главнѣйшія рѣшенія и постановленія: 1) обращено вниманіе на законоучительство въ Харьковскихъ подготовительныхъ (частныхъ) школахъ, 2) положено начало урегулированію *гованія* учащихся, 3) выясненъ вопросъ о богослуженіи въ школѣ, 4) возбуждено предъ Окружнымъ Начальствомъ ходатайство о приглашеніи законоучителей въ засѣданія родительскихъ комитетовъ, гдѣ послѣдніе существуютъ, 5) постановлено приглашать въ братскія засѣданія директоровъ и педагоговъ, когда обсуждаются вопросы общепедагогическаго и привіципальнаго характера, 6) возбуждено предъ Окружнымъ Начальствомъ ходатайство о выдѣленіи и организациіи

въ свѣтскихъ школахъ бібліотекъ религіозно-нравственнаго содержанія съ тѣмъ, чтобы завѣдываніе ими было поручено о.о. законоучителямъ, 7) возбуждено предъ совѣтомъ Озерянскаго Братства ходатайство объ организациі епархіальной бібліотеки-читальни, 8) возбуждено предъ Окружнымъ Начальствомъ ходатайство объ организациі примѣрныхъ уроковъ по Закону Божию въ присутствіи о.о. законоучителей и вообще о взаимномъ посѣщеніи законоучителями уроковъ Закона Божія другъ у друга, 9) образована комиссія для организациі кратко-срочныхъ законоучительскихъ курсовъ для о.о. діаконовъ, которые могли бы быть помощниками законоучителей въ начальныхъ училищахъ, 10) возбуждено предъ Окружнымъ Начальствомъ ходатайство о точномъ соблюденіи программы по Закону Божию при поступленіи въ 1-й классъ средней школы, 11) избрана и работаетъ комиссія „по пересмотру программы Закона Божія въ старшихъ классахъ (7 и 8) средней школы“; причемъ нѣкоторые изъ членовъ комиссіи взяли на себя трудъ составить учебное руководство по апологетикѣ и по изученію Свящ. Писанія Новаго Завѣта, примѣнительно къ двумъ недѣльнымъ (въ каждомъ изъ старшихъ классахъ) урокамъ, 12) выработанъ и Высокопреосвященнымъ Предсѣдателемъ утвержденъ „уставъ Харьковскаго законоучительскаго братства“, 13) поручено уѣздному наблюдателю церковныхъ школъ о. В. Финансову разработать и представить свои сужденія 1) о средствахъ и способахъ привлеченія къ законоучительству въ начальныхъ училищахъ о.о. діаконовъ, псаломщиковъ и (если можно) учителей церковно-приходскихъ школъ, 2) о мѣрахъ и средствахъ поднятія образовательнаго ценза низшихъ клириковъ, изъ которыхъ можно бы было составлять кадры законоучителей или ихъ помощниковъ въ начальныхъ училищахъ и 3) о предотвращеніи на будущее время переобремененности о.о. законоучителей начальныхъ училищъ, которые, состоя законоучителями во многихъ школахъ (3—6), не имѣютъ физической возможности вести правильно дѣло религіозно-нравственнаго воспитанія учащихся. 14) постановлено ходатайствовать предъ Окружнымъ Начальствомъ о возстановленіи всеобщихъ службъ тамъ, гдѣ есть при школахъ домовыя церкви, и объ устройствѣ ихъ тамъ, гдѣ нѣтъ церквей; 15) постановлено просить

Высокопреосвященнаго Предсѣдателя возбудить ходатайство объ отдѣльномъ изученіи церковно-славянскаго языка въ свѣтской средней школѣ; 16) постановлено просить Высокопреосвященнаго Предсѣдателя ходатайствовать предъ Г. Министромъ Нар. Просв. объ оставленіи въ предполагаемой средней школѣ *семиклассной* теперешняго числа недѣльных уроковъ по Закону Божію 16) и о принятіи въ соображеніе выработанныхъ Братствомъ измѣненій въ программѣ Закона Божія для 7-ми классной школы.

По выслушаніи отчета о дѣятельности „Братства“, краткое извлеченіе изъ котораго мы привели, секретаремъ была оглашена подробная программа съѣзда (см. дальше протоколы) и выбраны секретари—отвѣтственнымъ свящ. І. Артинскій и на каждое засѣданіе по два—прот. П. Мухинъ и свящ. А. Солофненько (28 дек. вечер.), свящ. А. Марсовъ и свящ. А. Щепинскій (29 дек. утр.), прот. Н. Красовскій и свящ. Г. Ѳоминъ (29 дек. вечер.), свящ. Г. Любарскій и свящ. Г. Эльмановичъ (30 дек. утр.), прот. І. Захаржевскій и свящ. А. Василевскій (30 дек. вечер.).

Первое засѣданіе съѣзда закончилось въ 2 часа дня пѣніемъ Рождественскаго задостойника.

Протоколь № 1-й.

Вечерняго засѣданія 28 декабря.

Высокопреосвященный, Предсѣдатель съѣзда предложилъ законоучительскому собранію весьма обстоятельный и краснорѣчивый докладъ на тему „*Жизнь Іисуса по Ренану*“.

По выслушаніи доклада, длившагося больше двухъ часовъ, прот. Д. Поповъ отъ лица присутствующихъ обратился къ Владыкѣ съ просьбой напечатать докладъ полностью для распространенія его среди учащихъ старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Владыка обѣщаетъ исполнить просьбу, когда у него будетъ время записать свою устную лекцію.

Въ связи и по поводу высказанныхъ въ докладѣ тезисовъ, по предложенію Владыки, были открыты пренія объ умѣстности апологетическаго элемента въ гимназическомъ курсѣ Закона Божія.

Свящ. Чернявскій. Выслушанная лекція попала на подготовленную почву, на насъ, знающихъ Евангеліе. Но какимъ образомъ это можетъ имѣть мѣсто среди учениковъ средней школы? Бываетъ, что иной проповѣдникъ начинаетъ критиковать какую-нибудь теорію, но и самъ съ нею не справится. Несомнѣнный результатъ доклада въ такомъ случаѣ тотъ, что когда станешь говорить о Ренанѣ, сейчасъ усиленно стануть читать Ренана. Ученики позабудутъ то, что говорилъ законоучитель, и дадутъ свои объясненія. Такихъ скользкихъ вопросовъ, какъ напр., и вопросъ о смертной казни, можетъ быть много. Я хотѣлъ бы выслушать авторитетное мнѣніе Вашего Высокопреосвященства, слѣдуетъ-ли затрагивать такіе вопросы или нѣтъ?

Владыки. Затрагивать эти вопросы тамъ, гдѣ ученики сами не затрагивали, не читали,—не нужно. Но такихъ гимназій мало. Правильное отношеніе законоучителя таково: онъ долженъ дать себѣ отчетъ, насколько ученики знаютъ ту или иную теорію. Гдѣ знаютъ Ренана отрывочно, тамъ можно касаться его эпизодически,—при курсовыхъ вопросахъ по исторіи Церкви или въ старшихъ классахъ. Такъ поступалъ прот. Д. Соколовъ, петроградскій законоучитель, авторъ многихъ учебниковъ по Закону Божію. Что касается того, что ученики знаютъ отрицательныя теоріи и интересуются, то молодой возрастъ, требующій знать истину, лучше стараго. Вотъ о Толстомъ ученики не знаютъ, что онъ былъ кощунникъ, отрицалъ Божество Іисуса Христа и только поэтому ему сочувствуютъ. Опасенія, что объясненія законоучителя будутъ забыты, неосновательны. Вотъ и о смертной казни и о дарвинизмѣ священникъ, даже съ семинарскимъ образованіемъ, будетъ несравненно авторитетнѣе, чѣмъ совопросники, если будетъ стоять на библейской основѣ. Слава Богу, если священникъ сумѣетъ удержать учениковъ въ той мысли, что міръ произошелъ сверхъестественно, а не естественно. Въ нравственныхъ вопросахъ нужно быть всегда далекимъ отъ нравственныхъ компромиссовъ. И плохо дѣлаетъ тотъ законоучитель, который одобряетъ все, допускаемое государственнымъ закономъ, напр., проституцію, безнравственныя зрѣлища и т. п. Въ частности, о смертной казни, какъ и о войнѣ, должно говорить, что это—явленія грѣховныя, если вводятся по жестокости правителей,

по завоевательнымъ стремленіямъ, но они терпимы и неизбежны въ тѣхъ случаяхъ, когда являются единственными средствами для избѣжанія еще большихъ жестокостей и несчастій. Такъ, смертная казнь неизбежна во время военныхъ бунтовъ, когда всякая другая мѣра наказанія теряетъ свою силу, ибо возставшіе полки всегда бываютъ увѣрены, что „черезъ мѣсяць“ они сами будутъ правительствомъ и освободятъ всѣхъ, заключенныхъ въ тюрьму товарищей.

По этой-же причинѣ допустима война самообороны и война освободительная, какъ наши войны за христіанъ, томящихся подъ игомъ магометанъ или еретиковъ. Противъ смертной казни говорили въ Госуд. Думѣ и Госуд. Совѣтѣ въ 1906 году, когда готовили военный бунтъ, разыгравшійся лѣтомъ того года; при этомъ депутаты весьма лицемѣрно ссылались на VI заповѣдь, не желая знать, что въ той рѣчи Господней (Исх. 20—23), которую Онъ началъ съ изложенія заповѣдей, установленъ дѣльный рядъ законовъ о смертной казни—дѣтямъ, злословящимъ своихъ родителей, знахарямъ, прелюбодѣйцамъ и т. д. Шестая заповѣдь воспрещаетъ убійство, какъ личный произволъ, и тѣмъ болѣе какъ выраженіе личной ненависти, но не смертную казнь. Что же касается законоучителей, то повторяю—скрывать истину Божию предъ учениками никогда не слѣдуетъ. Если вопросъ ученика лукавъ, тогда нужно остановить его разоблаченіемъ лукавства. Вообще, нужно прежде всего спрашивать свою совѣсть, когда являешься выразителемъ воли Божіей.

Прот. Вишняковъ. Вопросовъ сколькихъ поднимать не слѣдуетъ. Нужно постоянно и вездѣ выяснять Божественное величіе и достоинство Господа Иисуса Христа. Не нужно ученикамъ говорить о Ренанѣ, а только о величии Христа. Отрицаніе Его Божественнаго достоинства есть вмѣстѣ и отрицаніе Его нравственнаго ученія. Партія свободомыслящихъ получила свое названіе отъ свободомысленнаго отношенія къ личности Иисуса Христа. Нужно выяснять Божественное величіе Христа. У насъ недостатокъ въ раздѣленіи въ учебникахъ Христова ученія на догматическое и нравственное. Этого въ Евангелии нѣтъ. Относительно дарвинизма: съ этой теоріей нужно бороться, ибо происхожденіе человѣка отъ обезьяны нигдѣ опытомъ не доказано. Теорія Дарвина ни въ какомъ случаѣ съ ученіемъ Христа несовмѣстима: она ведетъ къ отрицанію всего христіанства.

Свящ. Артинскій—возражаетъ Вишнякову, что если мы будемъ, не считаясь съ настроеніемъ учащихся, постоянно говорить о божественномъ величіи Іисуса Христа, то можемъ достигнуть противоположнаго. Необходимъ педагогическій тактъ и осмотрительность.

Прот. Θоминъ. Я хочу сказать относительно Ренановскаго изображенія личности Христа въ примѣненіи къ учащимся. „Въ нашей богословской наукѣ нѣтъ—говорятъ учащіеся—такого художественнаго изображенія, какъ у Ренана“. И это правда. Я помню своего профессора Олесницкаго, который давалъ намъ такой философскій анализъ личности Христа, что онъ удручалъ насъ. Я буду говорить о своемъ опытѣ. Мнѣ представляется опасность въ преподаваніи Свящ. Исторіи скелетнаго изображенія Евангельской исторіи безъ живого изображенія лика Христа Спасителя. У нашихъ противниковъ личность Христа художественна, а у насъ она суха. Получается мертвое изображение Христа. Намъ нужно съ большимъ вниманіемъ относиться къ Евангельскому тексту, къ рѣчамъ и событіямъ въ Евангельскомъ изображеніи. Когда изучаются въ дальнѣйшемъ предметы Закона Божія, нужно также обращаться къ живому изображенію божественной личности Христа.

Владыка. Здѣсь мѣшаетъ скудость религіознаго чувства самого законоучителя, почему и бываетъ уклонъ въ топографическія, хронологическія и другія тонкости. Этимъ страдаетъ и академическая наука. Профессора также часто избираютъ свои предметы не по любви, а потому, что въ ихъ курсахъ больше уклоненій въ сторону хронологіи, филологіи, географіи, критики, а не изложение содержанія нашей вѣры.

Прот. Захаржевскій повторяетъ просьбу издать печатно прослушанную о.о. законоучителями лекцію, которая въ собраніи студентовъ университета нынѣшней осенью возбудила живой интересъ.

Въ заключеніе секретарь съѣзда, о. Артинскій, приглашаетъ инопархіальныхъ пріѣзжихъ законоучителей подѣлиться тѣмъ, какъ у нихъ стоитъ дѣло законоучительства.

Свящ. Бархатевъ (Орель) и *Чернявскій* (Новочеркасскъ) отказываются, желая напередъ выслушать до конца сужде-

ніа съѣзда. При этомъ о. Чернявскій добавилъ, что у нихъ, въ Новочеркасскѣ, при двухъ учебныхъ заведеніяхъ имѣются христіанскіе кружки молодежи, гдѣ Евангеліе реферируется самими учащимися подъ руководствомъ законоучителя.

Донладъ № 2.

Утреннее засѣданіе 29 декабря.

1. Оглашается докладъ священника о. Дмитревскаго.

Докладъ прилагается полностью; онъ возбудилъ оживленныя пренія и былъ дополненъ Предсѣдателемъ въ его рѣчи, резюмировавшей обмѣнъ мыслей.

Священникъ Чернявскій выразилъ удовольствіе по поводу доклада, указывая, что въ современной литературѣ, и богословской и свѣтской, существуетъ направленіе мысли рѣшать затронутый докладчикомъ вопросъ о вмѣненіи намъ Христовой жертвы въ такомъ же смыслѣ (Архіеп. Сергій „Ученіе о спасеніи“, Сельма Лагерлефъ, Ибсенъ и др.); такой взглядъ основанъ на ученіи Свв. отцевъ Церкви и Св. Писанія; такъ, напр., учить Св. Григоріи Нисскій; у ап. Павла въ его посланіяхъ многочисленными изреченіями утверждается такое пониманіе нашего спасенія; наконецъ, сравненіе І. Христомъ взаимоотношеній между Нимъ и Его послѣдователями, по своей органичности, съ виноградной лозой и ея отростками наглядно показываетъ, что спасеніе и оправданіе возможно при тѣсной внутренней связи со Христомъ; въ то же время о. Чернявскій выразилъ сожалѣніе, что при обстоятельномъ раскрытіи докладчикомъ *объективнаго* значенія искупительной жертвы Христа, недостаточно указаны нравственныя условія усвоенія жертвы Христовой (субъективная сторона спасенія); Самъ Господь указываетъ, *что онъ проливаетъ кровь „за многихъ“, а не за всѣхъ, ибо не всѣ воспользуются плодами этой жертвы; писатель Ибсенъ говоритъ, что нельзя сравнивать *спасеніе* съ повозкой, которую *везутъ*; искупленіе есть призывъ къ любви, добру; въ искупленіи субъективная сторона (*усвоеніе*) не менѣе значитъ объективной его стороны; въ заклю-

ченіе свящ. Чернявскій выражаетъ опять чувство удовлетворенія обстоятельностью доклада, который, по его мнѣнію, несомнѣнно носитъ на себѣ слѣды вліянія Высокопресвященнаго Антонія, и еще добавляетъ, что въ таинствахъ крещенія даются *только обѣты*, а исполненіе этихъ обѣтовъ—въ дальнѣйшей жизни человека.

Протоіерей Вишняковъ выражаетъ согласіе съ основной мыслью докладчика объ искупленіи, какъ актѣ любви, но находитъ, что докладчикъ оставилъ въ тѣни понятіе *благодать*, какъ особой *силы* Божіей; кромѣ того находитъ, что понятіе „заслуги“ не должно быть исключено изъ богословской терминологіи окончательно, почему искупленіе могло быть совершенно не ангеломъ, но Сыномъ, а по поводу заявленія священника Чернявскаго о смыслѣ таинства крещенія, высказывается, что таинство крещенія нельзя понимать, какъ *обѣты*, которые исполняются въ жизни; напротивъ, въ таинствѣ крещенія дается положительное очищеніе грѣховъ и таинство крещенія сопровождается таинствомъ миропомазанія, крещаемому сообщаются дары Св. Духа, укрѣпляющіе его въ духовной жизни.

Священникъ Онтсаревъ не согласенъ съ докладчикомъ, что отвѣтъ катихизиса неудовлетворителенъ на поставленный вопросъ: какимъ образомъ крестная смерть І. Христа освобождаетъ насъ отъ грѣха, проклятія и смерти; наоборотъ, кромѣ любви Божественной въ актѣ искупленія есть и *удовлетвореніе* правдѣ Божіей, такъ какъ долженъ былъ воплотиться Сынъ Божій, а не кто другой, ибо только тогда искупленіе получаетъ смыслъ и законченность.

Докладчикъ Свящ. Дмитревскій, по поводу заявленія Вишнякова, возражаетъ, что замѣчаніе оппонента доказываетъ, какъ католическія понятія вѣдрили въ наше сознаніе и что возраженіе его отчасти возникло потому, что о. Вишняковъ опоздалъ къ началу доклада; въ частности, почему не ангелъ, а Богъ воплотился,—это потому, что совершеннѣйшая любовь могла быть обнаружена только Богомъ; въ тайнахъ крещенія надо различать объективную и субъективную стороны; объективно таинство крещенія—снятіе вины, субъективно—личное усвоеніе оправданія; таинство крещенія есть дарованіе обѣтовъ, въ крещеніи происходитъ привитіе, присоединеніе къ „доброй маслинѣ“—Христу, но и это

уподобленіе не вполне достаточно, ибо не надо забывать субъективной стороны спасенія; не надо также забывать, что *наказаніе* не есть актъ воли Божіей, а прямо результатъ грѣхопаденія—отчужденіе отъ Бога, которое само по себѣ есть наказаніе.

Прот. о. І. Захаржевскій находитъ, что окончательно отвергать юридическій элементъ, какъ необходимость удовлетворенія правдѣ Божьей, никакъ нельзя; къ такому пониманію даютъ основанія пророческія слова Исаи (53,5,8), введенныя въ чинъ Божественной литургіи, слова ап. Павла (Гал. 3, 13) и вообще основная идея посланія ап. Павла къ Евреямъ, извѣстное изреченіе псалмопѣвца „милость и истина срѣтостѣся, правда и миръ облобызастася“; одностороннее освѣщеніе докладчикомъ вопроса объ искупленіи можетъ вызвать недоумѣніе, на какомъ основаніи мы совершаемъ таинство крещенія надъ дѣтяти, а не надъ взрослыми, какъ того требуютъ сектанты.

Священникъ Чернявскій въ красивыхъ образахъ выясняетъ центральное мѣсто Господа во всемирной исторіи; напр., сравниваетъ личность Христа съ альпійскимъ цвѣткомъ эдельвейсъ, расцвѣтающимъ разъ въ тысячу лѣтъ и развиваетъ ту мысль, что смыслъ страданій Господа и способъ исправленія человѣчества заключается въ потрясеніи душъ человѣческихъ, какъ бы въ *прижизнаніи* ихъ переживаніемъ страданій Христа.

Священникъ Случинскій поднимаетъ вопросъ, какъ совмѣстятъ въ дѣлѣ искупленія и спасенія человѣка, проявляемая здѣсь, любовь и всемогущество Божіе со свободой воли человѣка: т. е. *свободнымъ* спасается человѣкъ, или спасеніе совершается *непроизвольно*.

Протоіерей Вишняковъ выражаетъ недовольство исключеніемъ юридической стороны въ дѣлѣ искупленія; въ догматикѣ митр. Макарія обстоятельно выяснена необходимость этой именно стороны искупленія, гдѣ были совмѣщены не только проявленія *любви*, но и требованія *правды*; если бы искупленіе было актомъ *только* любви, то тогда не потребовалось бы и страданій воплотившагося Господа и самаго воплощенія; Богъ могъ бы простить людей безъ таковой жертвы.

Свящ. Шаповаловъ обращаетъ вниманіе на практическое примѣненіе въ дѣлѣ преподаванія выводовъ священника Дмитревскаго, ибо въ гимназіяхъ продолжаетъ быть принятымъ катихизисъ митр. Филарета, такъ раскритикованный въ кардинальномъ вопросѣ докладчикомъ; молодежь, по его наблюденіямъ, теперь живо интересуется богословскими вопросами, и выводы докладчика должны быть сообщены учащимся.

Высокопреосвященный Предсѣдатель, резюмируя сказанное, отмѣчаетъ, что одни соглашались въ общемъ съ тезисами доклада, другіе указываютъ на его неполноту, одинъ твердо настаиваетъ на необходимости понятія „заслуги“; но понятія „заслуги“; и „удовлетворенія“ западнаго происхожденія; эти понятія появились въ вѣкъ феодализма, когда „удовлетвореніе“ за честь среди рыцарства и феодальныхъ бароновъ считалось выраженіемъ высшаго проявленія чело-вѣческаго достоинства; а оставшійся безъ удовлетворенія за обиду рыцарь почитался навсегда обезчещеннымъ; эти понятія попали потомъ и въ богословскую науку, гдѣ развивается мысль, что удовлетворяющую Божественное правосудіе жертву, которой какъ бы требуетъ оскорбленное въ своемъ достоинствѣ Божество, должно принести лице, равное Боже-ству, иначе удовлетвореніе будетъ не полное; тезисы о. Дми-тревскаго не новы, ибо не указываетъ, какою силою, связан-ною съ дѣломъ искупленія, возрождается душа вѣрующаго? Та-же неполнота встрѣчается у прот. Свѣтлова, священника Петрова и др. авторовъ, опровергающихъ юридич. теорію. Въ виду выраженнаго желанія участниками съѣзда имѣть печатное изложеніе тезисовъ докладчика, Высокопреосвящен-ный Предсѣдатель предложилъ ознакомиться съ брошюрой „Размышленія по поводу страстей Христовыхъ“, гдѣ выяс-нено значеніе для нашего спасенія жертвы Христовой.

Указывая на вліяніе запада съ его схоластически-юри-дическимъ пониманіемъ спасенія, Владыка совѣтуетъ озна-комиться съ брошюрой іером. Тарасія „московскіе и кіевскіе богословы XVII вѣка“, гдѣ обстоятельно и документально доказывается, каково вліяніе западнаго богословія на на-шихъ богослововъ 17-го вѣка, трудъ которыхъ состоялъ по-чти только въ переводѣ западныхъ богословскихъ сочиненій съ упраздненіемъ изъ нихъ только тѣхъ лжеученій, которыя

были обличены патриархомъ Фотіемъ въ Окружномъ посланіи 9-го вѣка; а все почти, внесенное католиками въ богословіе въ дальнѣйшіе вѣка, перешло и въ катихизисъ Лаврентія Зизанія, Петра Могилы, переработку которыхъ представляютъ наши догматическіе курсы учебнаго катихизиса.

Въ виду возникшихъ разнорѣчій по нѣкоторымъ тезисамъ доклада, Владыка разъясняетъ, что спасительная сила искупленія, усваиваемая нами въ нашемъ духовномъ единеніи со Христомъ, преимущественно чрезъ молитву и таинства, заключается въ передачѣ намъ Христовой святости чрезъ Его сострадательную любовь, какъ читаемъ въ молитвѣ предъ Причащеніемъ: „милостію (или благодатію) Твоего сострастія и чистиши и свѣтлиши (кающихся), и свѣта твориши причастники—общники Божества Твоего содѣловаяяй независтно“. Сострадательная любовь, какъ отчасти выяснилъ референтъ, является возрождающей силой любимыхъ существъ, побуждая ихъ къ покаянію, а что еще важнѣе, вливая въ покаявшихся и борющихся съ собой особую энергію, какъ бы передавая имъ часть души Того, Кто имъ сострадаетъ. Въ этомъ смыслѣ и писалъ ап. Павелъ: живу не я, но живетъ во мнѣ Христосъ“.

Оппоненты весьма резонно спрашивали референта: тогда какое значеніе остается за понятіемъ Божественнаго Правосудія, за понятіемъ жертвы Христовой, Его крестной смерти наконецъ за таинствомъ крещенія, совершаемымъ надъ бессознательными младенцами. Отвѣтъ дать необходимо, но нетрудно. Если бы Господь былъ благъ, но не правосуденъ, Онъ могъ бы сотворить людей настолько добрыми, что они не могли бы отпасть отъ добра; но Божественная Правда требуетъ добродѣтели свободной. Если бы Господь былъ только помощникомъ добродѣтельныхъ людей, а не карателемъ грѣха, Онъ не создалъ бы природу человѣка такою, какая она есть; Онъ бы сотворилъ такъ, что покаяніе само по себѣ возвращало бы человѣку святость, и добраго желанія было бы совершенно достаточно, чтобы исторгнуть въ одинъ мигъ всѣ наши порочныя склонности. Если бы покаянія было достаточно для нашего внутренняго возрожденія, говорить св. Григорій Богословъ, то не нужно было бы воплощенія и искупленія.

Дѣломъ Божественнаго Правосудія было раздѣлить зло отъ добра, паденіе отъ возрожденія цѣлою бездной тяжелой борьбы и страданія. Мало того. Онъ такъ устроилъ нашу природу, что, однажды погрузившись въ тину грѣха, она потомъ, даже при доброй волѣ кающагося, не можетъ одолѣть своихъ страстей безъ помощи совнѣ, безъ благодати Искупителя.—Итакъ отъ кого зависитъ, что родъ человѣчскій и каждый человѣкъ въ отдѣльности не можетъ возродиться а слѣдовательно спастись безъ сострадающей ему любви Христовой, безъ Христовыхъ страданій?—Отъ Божественнаго Правосудія. Слѣдовательно, Христово страданіе о насъ есть жертва Божественному Правосудію. Въ другомъ случаѣ я пояснялъ, что такому взгляду нисколько не противорѣчитъ ученіе нѣкоторыхъ отцовъ Церкви, что Христово страданіе есть жертва діаволу, получившему власть надъ человѣчскимъ родомъ добровольно ему поработившимся своимъ паденіемъ.

Причемъ повторяю, что хотя терминъ удовлетворенія, какъ и понятіе заслуги не только не выражаетъ собою ученія нашей Церкви, но совершенно чужды св. Библии и отцамъ. Его можно однако допустить въ условномъ смыслѣ, то есть: страданія Христовы, заключавшіяся въ мучительной скорби о нашихъ грѣхахъ, сопровождавшей всю Его земную жизнь, особенно сильно излившейся въ Геесиманской молитвѣ и въ возгласахъ со креста, потребны только для принятія нашей душой Его возрождающей любви; но поелику наша душа устроена Творцомъ такъ, что инымъ способомъ она, даже при доброй волѣ, не могла бы возродиться отъ своихъ грѣховныхъ страстей, то этотъ способъ, т. е. муки любящей души Спасителя о нашихъ грѣхахъ, есть Его добровольная жертва Божественному Правосудію или удовлетвореніе Его правдѣ.

Затѣмъ остается второй вопросъ: причемъ же тогда тѣлесныя страданія Спасителя и Его смерть? Отвѣчаемъ прежде всего: горе тѣмъ, которые, по подобію западныхъ еретиковъ, думаютъ, что сущность Христовыхъ страстей и нашего спасенія заключается въ Его тѣлесныхъ страданіяхъ и смерти (на полтора дня),—тогда бы его подвигъ не превосходилъ подвига мучениковъ, переносившихъ таковой безъ всякихъ колебаній, а съ восторгомъ,—начиная съ Мак-

кавеевъ и кончая нѣкоторыми современными русскими солдатами.—Но если бы Господни страданія происходили только въ Его душѣ, то большинство людей не были бы въ состояніи ихъ оцѣнить. Вотъ почему и самыя тѣлесныя муки Христа и Его смерть произошли столь наглядно, что не могутъ не растрогать даже самой легкомысленной души: „едва вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ“. Конечно полнота скорби предполагаетъ и тѣлесную муку, но она настолько же менѣе цѣнна душевной скорби о насъ Христа, насколько тѣло менѣе цѣнно, чѣмъ душа.

Наконецъ, здѣсь говорили о крещеніи. Въ подтвержденіе реферата отца Иоанна напомнимъ вамъ слова Писанія: „крещеніе не плотской нечистоты омытіе, но обѣщаніе Богу доброй совѣсти спасаетъ насъ воскресеніемъ Іисуса Христа (1 Петр. III, 21). Какое же обѣщаніе—спросите вы—можетъ дать новорожденный младенецъ?—За него даютъ таковое молящіяся о немъ воспріемники и родители, которыхъ ревность объ его спасеніи входитъ въ его душу вмѣстѣ съ раскрывающимся сознаніемъ, чему доказательствомъ является та изумительная воспріимчивость крещенныхъ дѣтей къ истинамъ вѣры, благодаря которой они ни на минуту не сомнѣваются въ Божественномъ присутствіи, хотя и не видятъ Бога, и въ то же время не узнаютъ своего родного отца, если онъ отлучается на нѣсколько мѣсяцевъ изъ дому.

Господь преподавалъ прощеніе грѣховъ расслабленному по вѣрѣ его друзей; Онъ же даетъ начатки очищенія и освященія дѣтямъ по вѣрѣ и молитвѣ тайносовершителя—іерея, воспріемниковъ и родителей. Вѣдь и всѣ мы вѣруемъ, что получаемъ освященіе не только по своей молитвѣ, и по молитвамъ Апостоловъ и Святыхъ, но и по молитвѣ нашихъ духовныхъ отцовъ, родителей и всѣхъ любящихъ насъ благочестивыхъ людей, у которыхъ мы просимъ молитвъ. Въ этомъ смыслѣ ап. Павелъ называетъ себя и своихъ помощниковъ соработниками Бога-Искупителя и въ другомъ мѣстѣ (Галат. 4, 19) восклицаетъ: „дѣти мои, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколе не вообразится въ васъ Христосъ“.

II.

Предметомъ обсужденія участниками съѣзда являются тезисы, выставленные г. окружнымъ инспекторомъ Д. Е.

Архангельскимъ въ началѣ перваго засѣданія съѣзда: 1) о привлеченіи лицъ педагогическаго персонала къ помощи и содѣйствію о. законоучителямъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній въ дѣлѣхъ религіозно-нравственнаго воспитанія учащихся, 2) о согласованіи программы Закона Божія съ другими свѣтскими предметами, изучаемыми въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Свящ. Чернявскій докладываетъ объ усердномъ отношеніи учащихся къ церковной обрядности въ среднемъ учебномъ заведеніи, гдѣ онъ состоитъ законоучителемъ (Новочеркасская гимназія); обязанность всякаго законоучителя поддерживать такое настроеніе въ учащихся своимъ примѣромъ и внимательно въ то же время слѣдить за собой, своимъ поведеніемъ, ибо учащіеся весьма наблюдательны и воспріимчивы, какъ это свойственно ихъ возрасту.

Свящ. Случкій заявляетъ, что о. Чернявскій счастливъ, если служить въ такой гимназіи, гдѣ такая прекрасная нравственная атмосфера, но этого нельзя сказать о другихъ учебныхъ заведеніяхъ, куда съ 1905 года проникли вредныя вліянія; напр., на Сабуровой дачѣ, съ появленіемъ еврейско-нѣмецкаго засилія, началось сокращеніе уроковъ Закона Божія въ тамошнемъ фельдшерскомъ училищѣ: въ 1-мъ классѣ вмѣсто 7 уроковъ оставленъ только 1 урокъ вполнѣ произвольно; уроки по другимъ предметамъ бываютъ даже по такимъ праздникамъ, какъ Благовѣщеніе; можно судить о переживаемой душевной драмѣ законоучителя, когда на экзаменахъ Закона Божія бываютъ ассистентами лютеране-нѣмцы, евреи.

Свящ. Чернявскій добавляетъ, что на Дону евреевъ нѣтъ; правда, были въ Новочеркасскѣ два еврея, но и ихъ онъ крестилъ.

Свящ. Кантеміръ отмѣчаетъ, что положеніе законоучителя также тяжело въ начальныхъ училищахъ; учителя и учительницы нерелигіозны, небрежно относятся къ личности законоучителя; нѣкоторые мелкіе факты достаточно характеризуютъ такое отношеніе, напр., съ вѣшалки въ передней школы была сброшена шуба законоучителя;—законоучитель опоздалъ на урокъ, благодаря случившейся требѣ, ему отказали въ другомъ часѣ для урока и др.; ученики забываютъ молитвы, потому что не религіозные учащіе не

считаютъ долгомъ ежедневно прочитывать утреннія и др. молитвы; такая же небрежность къ законоучителю и его предмету въ начальныхъ училищахъ замѣчается и со стороны земскихъ дѣятелей, причастныхъ къ дѣлу народнаго образованія, а также и лицъ училищно-административнаго надзора; сельская интеллигенція— врачи, фельдшера и др. нерелигіозные и другихъ заражаютъ своимъ образомъ мыслей.

Свящ. Сулима отмѣчаетъ неаккуратное посѣщеніе храма учащимися и проситъ Владыку содѣйствовать тому, чтобы ученикамъ его гимназіи было разрѣшено посѣщать тюремную церковь.

Просьба была отклонена въ виду особаго характера тюремнаго надзора за заключенными, и было предложено свящ. Сулимѣ посѣщать съ гимназистами приходскія церкви.

Свящ. Бархатовъ заявляетъ, что законоучитель гимназіи нерѣдко встрѣчаетъ, если не активное, то пассивное сопротивление съ стороны корпораціи; сослуживцы часто расходятся во взглядахъ съ законоучителемъ; желательно, чтобы сослуживцы, если не помогали, то, хотя, не *мѣшали* законоучителю.

Свящ. Любарскій, подчеркивая небрежное отношеніе къ законоучителю въ начальной школѣ, сообщаетъ, что на одномъ экзаменѣ Закона Божія предсѣдатель за столомъ закурилъ папиросу, а учительница показывала примѣръ нерелигіозности, отказавшись прикладываться ко кресту. Въ Волчанскомъ уѣздѣ особенно отмѣчается такое нерелигіозное теченіе въ начальныхъ школахъ, выразившееся даже въ томъ, что земская управа поручаетъ законоучительскія обязанности учителямъ, а не законоучителямъ, находя, вѣроятно, что учащіе лучше исполняютъ эти обязанности; по крайней мѣрѣ, на экзаменахъ Закона Божія, къ ученикамъ, обучавшимся Закону Божию у учащихся, относятся снисходительно, учениковъ же, обучавшихся у законоучителя, стараются „рѣзать“; земскія школы нарочно строятся чуть не рядомъ съ церковно-приходскими съ цѣлью повредить церковно-школьному дѣлу.

Протоіерей І. Захаржевскій отмѣчаетъ, что настоящее собраніе должно ободрить законоучителей, ибо въ единеніи сила, а законоучитель внѣ такого общенія съ товарищами

по работѣ часто чувствуетъ себя одинокимъ, потому что не встрѣчаетъ иногда поддержки въ окружающей его средѣ; ему извѣстны факты, когда по вопросамъ, близко касающимся законоучителя, какъ воспитателя въ извѣстномъ направленіи учащихся, онъ не только не встрѣчаетъ поддержки, но даже прямое противодѣйствіе; напр. какъ возбужденный въ одной гимназіи вопросъ о непосѣщеніи учащимися синаематографовъ подъ праздники, какъ неполезномъ развлеченіи вообще и въ религіозно-нравственномъ отношеніи въ особенности, встрѣтилъ прямое противодѣйствіе въ собраніи директоровъ и начальствующихъ лицъ средне-учебныхъ заведеній г. Харькова; одному законоучителю было отказано въ выпискѣ полезнаго для него въ учебномъ отношеніи богословскаго журнала; виною такого отношенія къ законоучителю, помимо лицъ нерелигіозныхъ, могутъ быть лица педагогическаго персонала иностраннаго происхожденія, неправославные, которые, конечно, не могутъ пріязненно относиться къ православному русскому законоучителю.

Свящ. *Бьлоусовъ* докладываетъ, что законоучитель особое лицо среди корпорации и по сану, и по предмету, ему поручено воспитывать дѣтей въ христіанско-православномъ духѣ; но примѣръ воспитателей, семьи часто мѣшаетъ ему въ этомъ; печально также отсутствіе храма во многихъ гимназіяхъ, особенно въ женскихъ, хотя воспитаніе будущей матери требуетъ религіознаго вліянія; въ значительной степени; утреннія и др. молитвы недостаточны, при чемъ, напр., классныя дамы часто показываютъ примѣръ небрежнаго отношенія къ молитвѣ: не крестятся во время молитвы, разговариваютъ.

Свящ. *Чернявскій* совѣтуетъ усилить творческую дѣятельность законоучителя; одного словеснаго наученія не достаточно; надо научить дѣтей *дѣлать добро*; благотворительныя елки, организаціи помощи, христіанскія содружества—орудія для такого приученія дѣланія добра и таковой законоучитель можетъ рассчитывать на поддержку сослуживцевъ.

Инспекторъ училищъ 1 округа Харьковскаго уѣзда П. Н. Шукинъ выражаетъ пожеланіе единенія законоучителя съ учительскимъ персоналомъ, что мало наблюдается теперь;

направлены жалобы духовенства на конкуренцію со стороны земскихъ школъ: духовенство отдаетъ своихъ дѣтей не въ церковно-приходскія школы, а въ земскія; со стороны земскихъ дѣятелей духовенству оказывается полное вниманіе и предоставляется полная свобода дѣйствованія; духовенство само не желаетъ законоучительствовать, отдавая, напр., свои уроки за небольшую плату учащимъ; земскія школы испытываютъ нужду въ законоучителяхъ и поэтому прибѣгаютъ къ помощи учащихся за отсутствіемъ законоучителей; вообще духовенство нетерпимо, напр., на съѣздахъ, относится къ земскимъ школьнымъ дѣятелямъ, а духовная власть снисходительно относится къ небрежному исполненію законоучителями ихъ обязанностей, несмотря на заявленія со стороны отвѣтственныхъ земскихъ школьныхъ дѣятелей.

Директоръ 1-й мужской гимназіи И. А. Порошинъ заявляетъ, что онъ согласенъ съ мнѣніемъ г. инспектора народныхъ училищъ и съ своей стороны добавилъ, что законоучители не всегда правы въ своихъ отношеніяхъ къ учительскому персоналу.

Свящ. Пурлевскій выразилъ пожеланіе, чтобы при реформѣ средней школы было введено преподаваніе церковно-славянскаго языка въ виду полного незнанія такового учащимся средней школы.

Свящ. Артинскій заявляетъ, что ему было пріятно выслушать заявленія представителей М. Н. Просв., которые отвѣчали на поставленные вопросы *по существу*, т. е. въ создавшихся преніяхъ не слѣдуетъ искать „виноватыхъ“, а должно считаться съ создавшимся затрудненіемъ и винить прежде себя, а не другихъ; отсутствіе противодѣйствія законоучителю слѣдуетъ считать содѣйствіемъ, ибо педагоги очень занятой народъ, чтобы ждать отъ нихъ активной помощи, и въ разныхъ недоразумѣніяхъ нельзя видѣть проявленіе *злой воли, злого умысла* съ ихъ стороны, и законоучителямъ не слѣдуетъ быть мелочными, придирчивыми.

Прот. Ремизовъ отмѣчаетъ появленіе „новаго духа“ въ гимназіяхъ, выражающагося въ религіозномъ преподаваніи, небрежномъ отношеніи къ церковной обрядности, къ говѣнію, игнорированію законоучителей въ родительскихъ комитетахъ.

Протоіерей *Өолинъ* обращаетъ вниманіе, что нѣтъ отвѣта на вопросъ: спрашивается, какъ привлечь учительскій персоналъ къ содѣйствию законоучителю, а говорится, что *долженъ дѣлать* законоучитель; вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на неясную постановку вопросовъ и выражаетъ пожеланіе, чтобы преподавательскій персоналъ состоялъ изъ людей русскихъ, православныхъ; въ области преподаванія, въ частности, желательно, чтобы въ изложеніи русской исторіи удѣлялось больше вниманія церковной ея сторонѣ.

Высокопреосвященный Предсѣдатель Архіепископъ Антоній, закрывая засѣданіе, предложилъ не разбрасываться въ вопросахъ, подлежащихъ обсужденію, а къ предстоящему засѣданію предложилъ о.о. секретарямъ съѣзда заранее приготовить порядокъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію о.о. участниковъ съѣзда.

Протоколь № 3.

Засѣданіе законоучительскаго съѣзда 29-го декабря 1915 года.

Засѣданіе открыто въ 7 часовъ вечера и закрыто около 11 часовъ вечера.

Передъ началомъ засѣданія присутствующими была прочтѣта молитва Св. Духу: „Царю небесный“..

I.

Заслушанъ докладъ протоіерей Н. Липскаго на тему: „Самоуничженіе Бога Отца въ Ветхомъ Заветѣ слѣдующаго содержанія: (см. докладъ).“

По окончаніи доклада начался обмѣнъ мнѣній по содержанію его.

О. протоіерей *Вишняковъ*. Отвѣтить на весь докладъ о. Липскаго весьма трудно въ виду того, что онъ великъ и затрагиваетъ много вопросовъ. Поэтому я имѣю сказать нѣсколько словъ только лишь по содержанію нѣкоторыхъ пунктовъ его. И прежде всего, меня крайне удивляетъ самое заглавіе доклада и основная мысль его—о Божественномъ самоуничженіи въ Ветхомъ заветѣ: самоуничженія Бога въ Ветхомъ заветѣ, какъ это понимаетъ о. Липскій, не было: Богъ въ Ветхомъ заветѣ изображается высшимъ, всемогу-

щимъ Существомъ, грознымъ Судіей и Милосерднымъ и праведнымъ Отцомъ, никогда и нигдѣ не унижающимъ Себя въ угоду какому ниб. народу. Далѣе. Не вѣрна мысль докладчика и о томъ, что будто бы въ нравственномъ отношеніи еврейскій народъ стоялъ ниже культурныхъ народовъ древняго міра—Грековъ и Римлянъ. Возьмемъ для примѣра хотя бы только нѣкоторыхъ наиболѣе лучшихъ и яркихъ представителей этого міра и мы убѣдимся въ справедливости этого. Платонъ, величайшій умъ древности, является защитникомъ рабства... Сенека, приближающійся по своимъ нѣкоторымъ нравственнымъ воззрѣніямъ къ христіанскимъ принципамъ, далеко не безупреченъ въ другихъ отношеніяхъ, напр. по вопросу о процентахъ.. Римское законодательство санкціонировало обычай бросать на произволъ судьбы хилыхъ и слабыхъ дѣтей.. А характеристика нравственнаго состоянія Римскаго языческаго общества, данная въ свое время ап. Павломъ? О чемъ она свидѣтельствуетъ? О томъ, что идти дальше въ нравственномъ паденіи, кажется, уже некуда... Вообще мнѣ думается, что ветхозавѣтные праведники, при всѣхъ своихъ естественныхъ слабостяхъ и немощахъ духа и тѣла, по сравненію съ представителями языческаго міра, невинные люди.. Затѣмъ я никакъ не могу согласиться съ утвержденіемъ докладчика, что Божественное Откровеніе, проходя черезъ призму человѣческаго сознанія, должно было само понижаться, страдать отъ этого. Божественное Откровеніе являлось міру такимъ, какимъ оно на самомъ дѣлѣ было, какъ слово Самого Бога... Докладчикъ утверждаетъ напр., что изложеніе исторіи творенія человѣка у Моисея—это не фотографическая копія дѣйствительности; эта дѣйствительность, прошедшая черезъ призму сознанія первобытнаго человѣка... Это та форма истины, которая могла быть доступна его несовершенному уму... Между тѣмъ какъ библейское повѣствованіе по этому вопросу не даетъ основанія для такого вывода и заключенія.. Не согласенъ я, наконецъ, и съ тѣмъ, что будто бы Іисусъ Навинъ, приказывавшій солнцу остановиться въ своемъ движеніи, стоялъ на точкѣ зрѣнія Птолемеевской системы мірозданія и, слѣдовательно, сообщилъ въ своей книгѣ невѣрные данныя изъ области естественныхъ наукъ... „Птолемеевская система явилась позднѣе І. Навина, да и самое повѣствованіе его

объ этомъ фактѣ нужно понимать, какъ только образное, поэтическое выраженіе пожеланія вождя іудейскаго народа: „о, если бы остановилось солнце“ и т. д...

Свящ. Димитревскій. Съ мнѣніемъ докладчика о томъ, что Богъ избралъ еврейскій народъ для сообщенія ему Божественнаго Откровенія потому, что этотъ народъ былъ самымъ грубымъ и отсталымъ, можно и не соглашаться, ибо, не имѣя высокой культуры, какъ у Грековъ и Римлянъ, евреи превосходили всѣ народы особой устойчивостію своей расы и способностію сохранять все свое. Съ этой стороны, значить, этотъ народъ болѣе удобный для охраненія Божественнаго Откровенія, и потому именно оно имогло быть дано ему. Центральная часть доклада сводится къ уясненію примѣрами идеи Божественнаго самоумаленія, въ смыслѣ приспособленія къ немощи народа при сообщенія Божественнаго Откровенія. Не отрицая того, что въ Ветхомъ завѣтѣ истина обычно выражается прикровенно, подъ образами и символами, основную аналогію докладчика я нахожу очень рѣзкой. Докладчикъ сказалъ, что Божественная истина такъ же скрыта подъ библейскими символами, какъ дѣйствительный міръ (вещь въ себѣ) подъ нашими субъективными формами его воспріятія. Но вѣдь въ звукѣ нѣтъ ничего общаго съ колебаніями воздуха, и вообще во всѣхъ нашихъ ощущеніяхъ нѣтъ ничего общаго съ тѣмъ, что ихъ вызываетъ. По этой аналогіи, значить, пришлось бы заключить, что и въ Библии нѣтъ ничего общаго съ тѣмъ Божественнымъ Откровеніемъ, которое вызвало появленіе Библии. Я полагаю, что ближе къ истинѣ будетъ такое, установленное святоотеческой литературой, отношеніе въ дѣлу: въ Библии можно усматривать три смысла: первый—внѣшній для людей, живущихъ внѣшними чувствами. Въ немъ истина, но истина внѣшне выраженная и внѣшно воспринятая; второй смыслъ—внутренній, душевный, гдѣ внѣшность уступаетъ мѣсто смыслу внутреннему. Человѣкъ болѣе глубокій воспринимаетъ этотъ смыслъ. Третій смыслъ идейный. Человѣкъ болѣе совершенный воспринимаетъ этотъ смыслъ. Не три истины, а одна; только разные способы ея воспріятія въ зависимости отъ различнаго совершенства человѣка. Вотъ почему Библия вѣчная книга, и чѣмъ болѣе будетъ нравственность возрастать у человѣка, тѣмъ болѣе онъ будетъ открывать въ ней вѣчныя сокровища Божественнаго ученія.

О. Вишняковъ. Касаясь вопроса о томъ, какъ намъ понимать Боговдохновенность Библии, я долженъ сказать, что авторы священныхъ книгъ не были только механическими орудіями Божественнаго Духа; но въ то же время я совершенно чуждъ мысли ограничивать Боговдохновенность только одной, основной идеей какой либо Свящ. книги или тѣмъ, что относится только къ нашему спасенію, какъ выражается о. Липскій. Такой субъективизмъ очень чреватъ своими послѣдствіями, какъ показало лютеранство... Что переводы неправильны—спорить противъ этого не приходится.

Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній. Нельзя сказать, чтобы заглавіе реферата строго соотвѣтствовало его содержанию. Послѣднее даетъ скорѣе всего право озаглавить его такъ: о Боговдохновенности Священнаго Писанія и несовершенствѣ ветхозавѣтныхъ праведниковъ... Далѣе, необходимо отмѣтить, что приведенныя докладчикомъ мѣста изъ Библии въ доказательство мысли о самоуничиженіи Бога поняты имъ неправильно. Такъ, что касается явленія Бога Аврааму въ видѣ трехъ странниковъ, когда Господь вкушалъ молоко, мясо и хлѣбъ, въ чемъ докладчикъ видитъ крайній антропоморфизмъ, то несомнѣнно, что въ дѣйствительности явившійся „отцу вѣрующихъ“ Богъ не могъ вкушать и пить, какъ всесовершенный Духъ... Это только казалось Аврааму, какъ и пояснилъ Архангелъ Рафаилъ въ книгѣ Товита (12, 19). Далѣе, О. Липскій указываетъ на Иакова, какъ лицо, обладающее съ христіанской точки зрѣнія невысокимъ нравственнымъ обликомъ, который путемъ хитрости обманываетъ своего отца: пользуется положеніемъ голоднаго брата Исава, чтобы получить вмѣсто него права первородства—и однако Господь утверждаетъ его въ правахъ, пріобрѣтенныхъ такимъ нечестнымъ коварнымъ способомъ; но онъ забываетъ и опускаетъ изъ вниманія то обстоятельство, что Библия вѣдь и не оправдываетъ его поступка, а наоборотъ—въ дальнѣйшемъ своемъ повѣствованіи передаетъ факты изъ жизни того же Иакова, которые служили несомнѣнно наказаніемъ ему, какъ это видно напр. и изъ книги пророка Осія, который говоритъ: *и судъ Господу ко Иудѣ, еже отмстити Иакова: по путемъ и по начинаніемъ его воздастъ ему. Во утробѣ заля брата своего*

и труды своими укрѣпѣ къ Богу... И отъиде Иаковъ на поле Сирійско и работа Израиль о женѣ и о женѣ снабѣ (XII, 2—3, 12)... Не вѣрно понимаетъ докладчикъ и слова изъ книги Исходъ XII, 35—36, гдѣ говорится: „по слову Моисея израильтяне просили у египтянъ вещей серебряныхъ и золотыхъ и одеждъ. Господь же далъ милость народу и отобралъ отъ Египтянъ и ставитъ въ упрекъ Моисею этотъ поступокъ его. Евреи не обирали египтянъ. Это было жертвой со стороны послѣднихъ, они сами дали израильтянамъ золото и серебро и т. п. (36 ст.). Что касается нравственнаго облика самого Моисея, то послѣдній по своимъ нравственнымъ качествамъ является великимъ человѣкомъ не только въ ветхомъ, но и новомъ завѣтѣ, гдѣ на ряду съ нимъ можно поставить только св. ап. Павла, ибо эти два великихъ мужа соглашались даже спасенія своего лишиться, лишь бы не были отринуты ихъ братья по плоти, т. е. іудейскій народъ. Ссылка на пр. Илію, который низвелъ огонь съ неба, чтобы попалить два отряда посланныхъ царемъ Охозіей воиновъ съ ихъ предводителями, тоже не вполне правильна, потому что огонь съ неба послалъ не Илія, а Самъ Богъ, который такъ же поступилъ и въ Новомъ Завѣтѣ съ Ананіей и Сапфирой. Въ доказательство несовершенства ветхозавѣтныхъ законовъ нравственно-гражданскихъ о. Липскій приводитъ одно мѣсто изъ книги Исходъ (XXI, 22—25): „отдай душу за душу, глазъ за глазъ, зубъ за зубъ“ и т. д., а также изъ книги Левита (XIV, 11—18), замѣчая съ своей стороны по поводу послѣдняго цитированнаго мѣста: „одно признается здѣсь ненужнымъ—сердечное, внутреннее настроеніе, но за то дается самая подробная, внѣшняя регламентировка, внѣшнія подробности“.

Но авторъ доклада не досмотрѣлъ, что здѣсь устанавливаются не права личной мести, а законъ судопроизводства; читайте выше и дальше: „взять съ виновнаго пеню,— а если будетъ вредъ, то отдай душу за душу, глазъ за глазъ“ и пр. „Если кто раба своего ударитъ въ глазъ или служанку свою въ глазъ“ и т. д. Это—рѣчь, обращенная къ государственному суду, а не просто къ личности.

Подобной строгости, и даже большей, не лишены законы народовъ христіанскихъ. Что касается обрядоваго характера закона Моисеева, то необходимо имѣть въ виду то, что хотя вет-

хозавѣтный законъ былъ направленъ по преимуществу противъ внѣшнихъ и грубыхъ дѣйствій, извращающихъ нравственную жизнь, но повтореніе въ томъ же законѣ—*не пожелай* показываетъ, что закономъ воспрепятствуются не только преступныя дѣла, но и самыя тонкія и скрытыя мысли и желанія, не говоря уже о томъ, что главная положительная христіанская заповѣдь о любви къ Богу и ближнему дана въ томъ же ветхомъ заветѣ (Втор. VI; 5; Лев. XIX, 17). Затѣмъ, что касается вопроса, почему именно евреи были избраны для сохраненія Божественнаго Откровенія, а не кто либ. другой, то отвѣтъ на него мы находимъ въ книгѣ Второзаконія: „*не рцы въ сердца твоемъ (Израиль)... правды ради моихъ введе мя Господь наследити землю благую сію: не ради правды твоя, ниже преподобія ради сердца твоего... но нечестія ради и беззаконія языковъ сихъ Господь отъ лица твоего потребитъ я, и да уставитъ заветъ, и мже клятсѣ Господь отцемъ вашимъ... не ради правды твоя, яко людіе жестоковыи есте.*“ (IX, 4—6). Наконецъ нѣсколько словъ относительно пониманія о Липскимъ Боговдохновенности Священныхъ книгъ, относительно неправильности свѣдѣній астрономическихъ, географическихъ и т. п., встрѣчающихся въ Библии... Нельзя ограничивать Боговдохновенный библейскій элементъ только свѣдѣніями о Богѣ, о цѣли и назначеніи міра, о средствахъ спасенія и достиженія вѣчнаго блаженства. Библия боговдохновенна и въ остальномъ своемъ содержаніи, какъ удостовѣряетъ Ап. Павелъ (2 Тимое. III, 16), а если въ ней и встрѣчаются нѣкоторыя ошибки, неправильности историческія и т. п., то это объясняется или несовершенствомъ дошедшихъ до насъ переводовъ, Библейскаго текста, особенно въ области цифръ, ибо высшая цифра у евреевъ—400 или личнымъ освѣщеніемъ того или другого библейскаго лица, по самой Библии, какъ это было, напр., съ Иисусомъ Навиномъ, который самъ по себѣ едва-ли зналъ систему Коперника; но Библия, говоритъ не объ остановкѣ небесныхъ тѣлъ, какъ таковыхъ, а о томъ свѣтовомъ феноменѣ, который мы называемъ солнцемъ: этотъ феноменъ стоялъ на горизонтѣ дольше обыкновеннаго, а какое явленіе въ астрономической природѣ тому соотвѣтствовало, о томъ Библия не говоритъ, какъ

она не раздѣляетъ мыслей и другого библейскаго лица—Иефеая въ его словахъ къ царю Аммонитскому: „не владѣешь-ли ты тѣмъ, что далъ тебѣ Хамось, богъ твой? И мы владѣемъ всѣмъ тѣмъ, что далъ намъ въ наслѣдіе Господь, Богъ нашъ (Суд. XI, 24).

Въ предоставленномъ докладчику заключительномъ словѣ послѣдній заявляетъ, что, по его мнѣнію, многіе указанные имъ Библейскіе факты и противорѣчія не устранены и невыяснены его оппонентами.

II. Заслушанъ докладъ комиссіи, подѣ председательствомъ инспектора народныхъ училищъ Харьковскаго уѣзда П. Н. Щукина, о наиболѣе цѣлесообразномъ распредѣленіи учебнаго матеріала по Закону Божию въ высшихъ начальныхъ училищахъ М. Н. Просвѣщенія.

Исходя изъ предположенія Министерства Народнаго Просвѣщенія—первые три года курсовъ высшихъ (начальныхъ) училищъ считать подготовительными къ средней школѣ, а четвертый классъ—считать классомъ, гдѣ заканчивается курсъ начальнаго образованія; съ другой стороны—ставя себѣ цѣлью—разгрузить послѣдніе два класса высшихъ начальныхъ училищъ, имѣющихъ слишкомъ много матеріала по Закону Божию, комиссія нашла цѣлесообразнымъ такое распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ и при такомъ количествѣ уроковъ въ каждомъ классѣ:

1-й годъ. Вступительные уроки. Повтореніе молитвъ, съ ихъ объясненіемъ. Ветхій завѣтъ примѣнительно къ новой программѣ гимназій (съ опущеніемъ разсказовъ о судіяхъ, кромѣ Самуила и Гедсона, исторіи царей (послѣ раздѣленія царства) и др. Новый завѣтъ до 3-го года служенія Иисуса Христа.

2 урока въ недѣлю.

2-й годъ. Новый Завѣтъ (окончаніе). Исторія Церкви апостольской (съ чтеніемъ мѣстъ изъ книги Дѣяній св. Апостоловъ) и общая исторія Церкви.

3 урока въ недѣлю.

3-й годъ. Исторія Церкви русскою. Богослуженіе (примѣнительно къ новой программѣ гимназій).

3 урока въ недѣлю.

4-й годъ. Пространный катихизисъ (съ заучиваніемъ наизусть только самыхъ необходимыхъ текстовъ).

2 урока въ недѣлю.

Постановили: 1) согласиться съ мнѣніемъ комиссіи и 2) возбудить передъ окружнымъ начальствомъ ходатайство о примѣненіи указаннаго распредѣленія учебнаго матеріала по Закону Божію, при наличности отмѣченнаго количества учебныхъ часовъ, на практикѣ въ жизни высшихъ начальныхъ училищъ Харьковской губерніи.

III.

Продолжено обсужденіе вопроса о *привлеченіи преподавателей къ содѣйствию въ религіозно-нравственномъ воспитаніи учащихся.*

О. Артинскій докладываетъ, что въ утреннемъ засѣданіи при обсужденіи даннаго вопроса ярко намѣчены были три рѣшенія и теченія: а) одни утверждали, что центръ тяжести долженъ лежать въ личности самого законоучителя и его творчествѣ; б) другіе — не въ одномъ только законоучителѣ, ибо онъ иногда оказывается самъ по себѣ безсильнымъ сдѣлать что либо въ данномъ отношеніи вслѣдствіе ярко и сильно выражаемаго противодѣйствія со стороны окружающей его среды, отрицательно относящейся къ работѣ законоучителя, и что, слѣдовательно, необходимо, прежде всего, устранить это противодѣйствіе, создать, такъ сказать, благопріятную обстановку для дѣланія законоучителя; в) третьи намѣтили примирительный путь — это братское, сердечное взаимодействіе между лицами, стоящими во главѣ учебныхъ заведеній и преподавателями этихъ послѣднихъ — съ одной стороны и о. о. законоучителями съ другой.

П. Н. Шужинъ. Въ утреннемъ засѣданіи нѣкоторыми ораторами было высказано недовѣріе къ свѣтскимъ законоучителямъ въ начальныхъ училищахъ. Кѣмъ же замѣнить такихъ законоучителей, когда наличнаго состава приходскаго духовенства не хватаетъ для этого дѣла?

О. Артинскій отвѣчаетъ, что по интересующему г. инспектора вопросу сужденіе будетъ особое—въ одно изъ слѣдующихъ засѣданій съѣзда.

О. Чернявскій. Я предложилъ бы въ главу постановленія съѣзда по данному вопросу—выразить благодарность окружному начальству за его заботы объ улучшеніи постановки религіозно нравственнаго образованія и воспитанія учащихся путемъ привлеченія къ работѣ въ этомъ святомъ дѣлѣ и преподавателей свѣтскихъ предметовъ средней школы.

По предложенію Высокопреосвященнѣйшаго *Архіепископа Антонія* съѣздъ единогласно принимаетъ предложеніе о. Чернявскаго.

Протоіерей о. *І. Захаржевскій* предлагаетъ съѣзду при разсмотрѣннн затронутого и поставленнаго на очередь вопроса имѣть въ виду и прошлый опытъ, имѣвшій мѣсто на законоучительскомъ съѣздѣ 1913 года, когда присутствовавшій на этомъ съѣздѣ бывшій попечитель округа г. Соколовскій высказывался противъ всякихъ внѣшнихъ мѣръ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія учащихся, и рѣшать этотъ вопросъ по существу, безъ какихъ бы то ни было компромиссовъ...

г. Шукинъ. Бывшій на минувшемъ съѣздѣ попечитель Соколовскій сказалъ только, на сколько я помню, слѣдующее: „боюсь, какъ бы не былъ поколебленъ авторитетъ законоучителей, если они будутъ прибѣгать къ мѣрамъ административнаго воздѣйствія“...

О. Артинскій утверждаетъ, что съѣзду нужно имѣть въ виду главнымъ образомъ не прошлое, не искать виновниковъ, а имѣть въ виду будущее, озаботившись выработкой полезныхъ мѣропріятій въ данномъ случаѣ.

Архіепископъ Антоній. Здѣсь высказано пожеланіе, чтобы окружное начальство назначало на отвѣтственныя должности директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній, преподавателей и т. п. людей истинно-русскихъ, религіозныхъ; но вѣдь это дѣло крайне трудное, ибо нельзя назвать и хорошо знать душу человѣка, особенно новаго... Нельзя назвать практически осуществимой и другую, рекомендуемую нѣкоторыми, мѣру—устранить изъ состава начальствующихъ и учащихся

католиковъ и лютеранъ, не говоря уже о томъ, что эти лица менѣе вредятъ дѣлу, чѣмъ учащіе атеисты... Съѣзду необходимо выработать такія мѣропріятія, которыя были бы полезны и въ то же время и практически осуществимы.

О. Чернявскій высказываетъ пожеланіе, чтобы преподаватели исторіи и словесности, при прохожденіи учебныхъ курсовъ, обращали побольше вниманія на религіозно нравственный элементъ тамъ, гдѣ онъ имѣется, напр. при прохожденіи отдѣла о жизни и трудахъ св. Александра Невского, Владимира Мономаха и т. п., а въ заключеніе всего предлагаетъ избрать по данному вопросу комиссію, которая бы всесторонне и разработала этотъ вопросъ.

О. Артинскій ссылается на опытъ и практику 2-й гимназіи, гдѣ о. законоучитель предварительно бесѣдуетъ иногда съ преподавателями тѣхъ ихъ другихъ предметовъ и устанавливаетъ съ ними одни общіе взгляды по такъ называемымъ *сколькимъ* вопросамъ, избѣгая такимъ образомъ такъ вреднаго разногласія въ дѣлѣ образованія учащихся. Вообще же нужно ходатайствовать о томъ, чтобы дружный братскій обмѣнъ мнѣній между учащими и законоучителями по вопросамъ просвѣщенія и воспитанія учащейся молодежи вошелъ въ практику средней школы повсемѣстно во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ округа...

О. Бархатовъ предлагаетъ требовать отъ тѣхъ учащихся, кои сами не желаютъ принимать активнаго участія въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія питомцевъ средней школы, по крайней, мѣрѣ, того, чтобы они не выдавали на своихъ урокахъ разнаго рода ученыхъ гипотезъ, напр. Дарвина и др. за послѣднее слово науки, а подчеркивали ихъ *гипотетическій* характеръ...

О. Левинскій, отмѣтивъ пріятный фактъ аккуратнаго посѣщенія учащимися и учащими храма во время Богослуженія въ западномъ краѣ, крайне опечаленъ тѣмъ, что подобнаго явленія онъ не встрѣтилъ въ Харьковѣ, напр. во время посѣщенія кафедральнаго собора онъ совершенно не видѣлъ учащихся. Посѣщеніе Богослуженія учащимися и учащими въ томъ краѣ, гдѣ онъ служилъ, было обязательно.

О. Захаржевскій. Мы скорѣе осуществимъ пожеланіе учебнаго округа, если будемъ приглашать педагоговъ для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ образованія и воспитанія

въ законоучительскія собранія, какъ это было напр. въ Полтавѣ.

О М. К. По слову ап. Павла, надо учить другихъ не только словомъ, но главнымъ образомъ дѣломъ. Теперь въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ введенъ институтъ классныхъ наставниковъ. Пусть эти послѣдніе и воспитываютъ примѣромъ своихъ питомцевъ — посѣщаютъ съ ними Богослуженіе, общую молитву, а не уклоняются отъ исполненія этихъ, лежащихъ на нихъ, прямыхъ обязанностей, какъ это наблюдалось нерѣдко въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Архіепископъ Антоній. Изъ обмѣна мнѣній выясняется, и онъ лично присоединяется къ тому, что для осуществленія пожеланій учебнаго округа, необходимымъ представляется: а) просить Учебное начальство сдѣлать зависящее распоряженіе о посѣщеніи храма Божія не только учащимися, но и учащими, при чемъ весьма желательно, чтобы это посѣщеніе не носило характеръ внѣшне—принудительнаго, а увѣщательнаго, нравственнаго; б) чтобы учащіе не допускали и не проводили передъ сознаніемъ питомцевъ мыслей антирелигіозныхъ и антицерковныхъ и в) но чтобы и сами оо. Законоучители относились къ учащимъ по товарищески, по братски, не давая съ своей стороны поводовъ къ антагонизму, враждѣ и т. п.

О. Бархатовъ высказывается за то, чтобы начальствующія лица учебныхъ заведеній назначались съ особою осторожностію.

О. прот. Томинъ выражаетъ пожеланіе, чтобы и при женскихъ учебныхъ заведеніяхъ устроены были храмы; изысканы были средства для надлежащей постановки церковно-хорового пѣнія во время Богослуженія, приглашаемы для участія въ послѣднемъ діаконы, а вмѣстѣ съ этимъ высказывается и зато, что бы преподаватели исторіи усиливали христіанскій элементъ на урокахъ своего предмета.

По мнѣнію *о. Захаржевскаго*, въ число пожеланій необходимо включить также и то, чтобы въ женскихъ гимназіяхъ тамъ, гдѣ не имѣется своихъ храмовъ, въ высокочественные дни обязательно служились молебны и во 2-хъ, возбудить ходатайство передъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія о введеніи въ курсъ среднихъ учебныхъ заве-

деній церковно-славянскаго языка. Протоіерей *Инноковъ* доказываетъ необходимость присутствія на общихъ молитвахъ и за Богослуженіемъ всѣхъ учащихъ и начальствующихъ.

О. А. Жадановскій обращаетъ вниманіе на неотложную нужду преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не только *свѣтскаго*, но и *церковнаго* пѣнія.

По предложенію *Высокопреосвященнѣйшаго Предсѣдателя*, сѣздъ для окончательнаго и всесторонняго выясненія обсуждавшихся вопросовъ избралъ комиссію, въ составъ которой, кромѣ предсѣдателя, протоіеря П. *Өомина*, вошли слѣдующія лица: *прот. Захаржевскій, прот. Раздольскій, свящ. Чернявскій, о. Бархатовъ*.

Засѣданіе закончилось молитвой: „Достойно есть“ около 11 часовъ вечера.

Протоколь № 5.

30 декабря 1915 года, въ 10 ч. утра, подъ предсѣдательствомъ *Высокопреосвященнѣйшаго Антонія*, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго состоялось *пятое* общее собраніе законоучительскаго сѣзда.

Священникъ *о. Алексій Солофненько* прочиталъ составленный имъ докладъ, который прилагается здѣсь полностью.

По прочтеніи доклада, *Высокопреосвященнѣйшій Предсѣдатель* предложилъ желающимъ высказать свои мнѣнія.

Протоіерей Н. Красовскій находитъ, что въ числѣ мѣръ къ возвышенію обрядовой стороны въ религіи докладчикомъ пропущена самая важная мѣра—это участіе семьи. Одна школа никогда не достигнетъ хорошихъ результатовъ, если не привлечена будетъ и семья. Для привлеченія семьи законоучитель долженъ участвовать въ родительскихъ собраніяхъ и полезно также бесѣдовать съ учащимися о важности обрядовой стороны.

Протоіерей Дмитревскій, соглашаясь съ основнымъ положеніемъ докладчика, говоритъ о важности навыковъ въ дѣтствѣ.

Священникъ Чернявскій заявляетъ, что хотя вліяніе семьи и велико, но сваливать все на семью это значитъ забывать про свои обязанности. Законоучителю необходимо самому напоминать учащимся, чтобы они имѣли иконку,

крестикъ, знали житіе своего святого. Причемъ необходимо требовать, чтобы посѣщеніе богослуженій по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ было обязательно для всѣхъ учащихъ и не было исключеній для живущихъ у родителей.

Священникъ Бархатовъ отмѣчаетъ, что свѣтскія лица, какъ, на примѣръ, окружные инспектора, болѣе обращаютъ вниманія на выполненіе учениками обрядовой стороны, чѣмъ духовные наблюдатели, при посѣщеніи гимназіи, они нерѣдко спрашиваютъ: есть ли крестъ, какъ молиться нужно и т. п.

Высокопреосвященный Предсѣдатель замѣчаетъ, что здѣсь надобна осторожность: особенно нехорошо, если законоучитель ограничиваетъ свои воздѣйствія на религіозную жизнь воспитанниковъ требованіями церковной дисциплины, не входя въ ихъ нравственное настроеніе. Тогда вопросъ законоучителя „есть ли у тебя крестъ“ у старшихъ учениковъ и ученицъ можетъ вызвать глумленіе. Суровое замѣчаніе по поводу невыполненія того или другого обряда можетъ вызвать неудовольствіе и злобу. Къ дѣтямъ нужно относиться съ любовью. Теплота, мягкость въ обращеніи, глубокая убѣжденность законоучителя въ томъ, чему онъ хочетъ научить своихъ учениковъ, должны быть всегда на первомъ планѣ. Неискренность, фальшь не должны имѣть мѣста въ жизни законоучителя. И если законоучитель говоритъ о важности, на примѣръ, поста, то онъ самъ первый долженъ строго соблюдать посты.—„И хотя я болѣе, чѣмъ какой либо архіерей, ритуалистъ, говоритъ Высокопреосвященный, но не нахожу возможнымъ быть строго требовательнымъ при невыполненіи обрядовой стороны и самимъ духовенствомъ, которое въ большинствѣ получаетъ воспитаніе и знакомство съ церковнымъ богослуженіемъ въ духовной школѣ отъ лицъ свѣтскихъ. По совѣту Владыки, для обученія дѣйствительному благочестію весьма полезно, при преподаваніи свящ. исторіи, дѣлать отвлеченія въ сторону, сообщеніемъ разсказовъ изъ житій святыхъ, о чудотворныхъ иконахъ и ихъ изображеніяхъ, при разсказѣ по церковной исторіи про преподобнаго Сергія Радонежскаго показать картину Лавры, сдѣлать описаніе святынь, указать на особенности церковнаго зодчества XVII столѣтія. Въ учебникѣ всегда сообщаются знанія только самыя необхо-

димья,—вотъ почему учебникъ всегда будетъ заключать въ себѣ сухой, краткій перечень догматовъ и событій, и законоучителю необходимо дополнять свѣдѣнія, излагаемыя въ учебникѣ, введеніемъ въ свои уроки рассказовъ изъ современной жизни про святыхъ угодниковъ. Такъ рассказы объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ, объ Амвросіи Оптинскомъ весьма важны въ томъ отношеніи, что они говорятъ учащимся о томъ, какъ благодать Божія и теперь дѣйствуетъ и пребываетъ въ Церкви Христовой. Полезно обратить вниманіе учащихся на изображенія соборовъ, храмовъ, каковыя теперь имѣются даже на классныхъ картахъ Россійской Имперіи если ученики и ученицы посѣщали монастыри, лавры, то вызвать воспоминаніе у нихъ о напѣвахъ церковныхъ и т. п.

Священникъ А. Бархатовъ говоритъ о неудовлетворительности учебниковъ по Закону Божію, въ частности объ учебникѣ по Богослуженію въ третьемъ классѣ, каковой учебникъ, по мнѣнію о. А. Бархатова, составленъ очень схоластично, а въ учебникѣ по церковной исторіи нѣтъ опредѣленій, какія были сдѣланы на вселенскихъ соборахъ, нѣтъ житій такихъ особенно чтимыхъ святыхъ, какъ напримѣръ, Святителя Николая, и Святаго Великомученика Георгія.

Свящ. М. Слущкій благодаритъ Высокопреосвященнаго Владыку, что Владыка своими совѣтами и указаніями по преподаванію Закона Божія, такъ сказать, санкціонировалъ дѣлаемыя нѣкоторыми законоучителями сообщенія на урокахъ по Закону Божію изъ путешествій по святымъ мѣстамъ.

Высокопреосвящ. Антоній, одобряя докладъ о. Солофенко съ формальной стороны, проситъ докладчика указать, чего бы онъ самъ желалъ для улучшенія религіозно нравственной стороны воспитанія.

Свящ. о. Солофенко отказывается сдѣлать указанія, заявляя, что цѣль его доклада, обратить вниманіе лишь на эту сторону о.о. законоучителей и подумать по этому вопросу дома.

Свящ. о. А. Бархатовъ высказываетъ пожеланія, чтобы при гимназіяхъ были устроены храмы и обезпечены содержаніемъ, чтобы отпускались средства на содержаніе діакона,

на наглядныя пособія, на церковную бібліотеку, на альбомы свящ. изображеній.

Протоіерей Захаржевскій предлагаетъ законоучителямъ, для лучшаго воздѣйствія въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія на учащихся, войти въ соприкосновеніе съ семьями учащихся, для чего самое лучшее, по мнѣнію Захаржевскаго, входитъ законоучителямъ въ составъ родительскихъ комитетовъ.

Свящ. М. Слущкій заявляетъ, что самой лучшей почвой для сближенія законоучителя съ преподавателями, обществомъ—и учащимися это устройство вечеровъ церковно-патріотическихъ въ гимназіяхъ.

Свящ. о. Алексій Жадановскій заявляетъ, что постройка храмовъ при гимназіяхъ хотя и желательное дѣло, но дѣло трудное. Не лучше ли хотя кіотъ устроить въ залѣ съ подсвѣчникомъ у иконы.

Свящ. Чернявскій предлагаетъ дѣлать съ учащимися экскурсіи, съ цѣлью осмотрѣть святыни. Высокопреосвящ. Антоній дѣлаетъ замѣчаніе относительно термина осматривать святыни. Не осматривать, говоритъ онъ, нужно, а поклоняться.

Г. Цорошинъ замѣчаетъ по поводу предложенія Захаржевскаго, что входитъ въ составъ родительскаго комитета законоучителю не слѣдовало бы въ виду того, что большого значенія это вступленіе не будетъ имѣть, а вотъ лучше бы законоучителю бывать на родительскихъ собраніяхъ.

Протоіерей Захаржевскій возражаетъ, что на родительскихъ собраніяхъ, по большей части, идетъ агитація и говорить тамъ съ родителями по разнымъ вопросамъ неудобно.

Высокопреосвящ. Антоній находитъ, что требовать участія законоучителю въ родительскомъ комитетѣ, когда тамъ нѣтъ никого изъ Педагогической корпораціи, неудобно.

Г. Щукинъ говоритъ о желательности участія законоучителей въ собраніяхъ родителей; а не въ комитетѣ, такъ какъ производствія встрѣчаются не со стороны родительскаго комитета, а скорѣе могутъ быть со стороны родителей.

Прот. Александръ Раздольскій говоритъ о желательности большихъ успѣховъ по церковному пѣнію въ гимназіяхъ и о томъ, чтобы были отпущены средства на устрой-

ство церковнаго класса, для Закона Божія, гдѣ были бы собраны альбомы, картины и проч.

Высокопреосвящ. Антоній, въ заключеніе засѣданія высказываетъ пожеланіе, чтобы служились всенощныя въ гимназіяхъ, гдѣ есть храмы, ибо въ Харьковѣ, по странному недоразумѣнію, въ гимназическихъ храмахъ служатъ только воскресныя литургіи, а всенощныя только раза четыре въ годъ, а тамъ, гдѣ нѣтъ храмовъ, то учащіеся тѣхъ учебныхъ заведеній могутъ посѣщать для Богослуженій Покровскій монастырь, гдѣ одновременно могутъ служить пять и даже шесть литургій.

Протоколъ № 6.

Вечерняго засѣданія 30-го декабря.

I. Слушали проектъ обращенія съѣзда о.о. законоучителей къ родителямъ, воспитателямъ и учащимъ дѣтей и юношей.

Послѣ обмѣна мнѣніями, постановили: съ воззваніемъ обратиться только къ родителямъ учащихся.

II. Обсуждали вопросъ о мѣрахъ къ согласной работѣ въ народной школѣ о.о. законоучителей и учащихся въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія учащихся.

Высокопреосвященный предсѣдатель на обсужденіе поставилъ: А) вопросъ о томъ, какія улучшенія желательны въ преподаваніи Закона Божія.

Свящ. Г. Кантеміръ заявилъ что желательно, 1) чтобы выборъ учебниковъ по Закону Божію и молитвенниковъ принадлежалъ о.о. законоучителемъ, и 2) чтобы учащіеся, посѣщая храмы, присутствовали и при чтеніи часовъ. Постановили: предложить будущему съѣзду о.о. наблюдателей формулировать ходатайство о выпискѣ о.о. законоучителями учебныхъ пособій.

Въ связи съ этимъ *инсп. народ. учил. П. Н. Шужинъ* внесъ предложеніе объ устройствѣ уѣздныхъ съѣздовъ о.о. законоучителей и учителей для совмѣстнаго разрѣшенія насущныхъ нуждъ народной школы.

Постановили: признать весьма желательнымъ участіе о.о. законоучителей на уѣздныхъ съѣздахъ, почему просить директора народ. уч. о приглашеніи на такіе съѣзды о.о. законоучителей, а равно о своевременномъ оповѣщеніи ихъ о томъ.

Б. Какъ удовлетворить, при осуществленіи предположенія о всеобщемъ обученіи, потребность въ законоучителяхъ.

Прот. П. Вишняковъ указалъ на необходимость открытія въ епархіи псаломщическихъ школъ, особенно при второклассныхъ школахъ.

Высокопреосвященный предсѣдатель высказался, что въ обсуждаемой нуждѣ могутъ оказать серьезную помощь построенныя на строго церковной дисциплинѣ пастырскія школы въ родѣ устроенной въ Житомирѣ, и церковно-учительскія семинаріи. Выказа въ пожеланіе, чтобы кандидаты на должность законоучителей были въ священномъ санѣ, Владыка указалъ, что для лучшаго разрѣшенія разсматриваемаго вопроса было-бы полезнымъ созданіе, путемъ соглашенія Святѣйшаго Синода съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, института сверхштатныхъ священниковъ и діаконовъ.

Постановили: а) признать, что наличнымъ составомъ священнослужителей невозможно заполнить законоучительскія должности въ народныхъ школахъ, а потому б) признать желательнымъ, чтобы, когда то будетъ возможно, законоучителями были члены причта въ духовномъ санѣ или низшіе клирики; и 3) признать необходимой разработку неотложнаго вопроса о созданіи подходящихъ школъ, пастырскихъ ли, псаломщическихъ ли курсовъ, — чтобы готовить контингентъ людей, религіозно-настроенныхъ и не чуждающихся деревни.

В. По поставленному на обсужденіе вопросу о предурочной общей молитвѣ присутствующими о.о. законоучителями, народныхъ школъ было засвидѣтельствовано, что въ большинствѣ школъ молитва совершается.

Постановили: совершеніе общей предурочной молитвы въ народныхъ школахъ признать обязательнымъ для всѣхъ школъ.

Г. Относительно церковно-славянскаго яз. отмѣчено, что въ народныхъ школахъ онъ проходится недостаточно.

Постановили: предложить предстоящему весной съѣзду наблюдателей имѣть наблюденіе за тѣмъ, чтобы о.о. законоучители оказывали возможное содѣйствіе преподаванію церковно-славянскаго языка чрезъ чтеніе въ старшихъ отдѣленіяхъ на урокахъ Закона Божья отрывковъ изъ Библіи на церковно-славянскомъ языкѣ и привлеченіе учениковъ къ участию въ церковномъ чтеніи и пѣніи.

Д. По вопросу о говѣннѣ учащихся, постановили: обратиться къ директору народныхъ училищъ съ просьбой объ оказаніи имъ содѣйствія къ правильному выполненію долга христіанскаго говѣннѣ въ народныхъ школахъ.

III. По поставленному на обсужденіе съѣзда представителемъ учебнаго округа вопросу о мѣрахъ къ согласованію преподаванія Закона Божія съ преподаваніемъ свѣтскихъ наукъ въ средней школѣ, заслушали выработанный особой комиссіей проектъ пожеланій съѣзда въ такой редакціи.

Епархіальный съѣздъ о.о. законоучителей выражаетъ благодарность Управленію Харьковскаго Учебнаго Округа за постановку для обсужденія съѣзда вопроса о томъ, въ чемъ желательно содѣйствіе законоучителей со стороны начальниковъ и преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній.

Съѣздъ въ этой постановкѣ вопроса съ удовольствіемъ видитъ доказательство искренняго желанія Управленія Учебнаго Округа поднять въ учебныхъ заведеніяхъ религіозно-нравственное воспитаніе дѣтей и возможно больше помочь законоучителю, первому и главному дѣятелю въ этомъ отношеніи. Въ отвѣтъ на поставленный вопросъ Съѣздъ прежде всего выражаетъ свою твердую увѣренность въ томъ, что искренняго содѣйствія законоучителямъ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей онъ ожидаетъ только отъ истинно-православныхъ и русскихъ по душѣ педагоговъ, особливо отъ директоровъ училищъ, не притворно любящихъ родную Церковь и убѣждено сознающихъ ея высокое значеніе въ нашей народной жизни. Если въ учебныя заведенія будутъ назначаемы и будутъ трудиться только такіе дѣятели, проникнутые такимъ церковно-патріотическимъ направленіемъ, лишь тогда и возможно дѣйствительное и всестороннее содѣйствіе съ ихъ стороны законоучителямъ во всѣхъ начинаніяхъ, направленныхъ къ возвышенію религіозно-нравственной жизни дѣтей. Такіе именно педагоги и особливо директора, какъ надѣленные полнотою власти въ учебныхъ заведеніяхъ, будутъ проявлять свое содѣйствіе законоучителямъ во множествѣ самыхъ разнообразныхъ способовъ, вытекающихъ изъ строя жизни учебныхъ заведеній, которые невозможно всѣ заранѣе опредѣлить и перечислить.

Съѣздъ желалъ бы отмѣтить только нѣкоторые наиболее необходимые способы этого содѣйствія, вызываемые опытами настоящаго времени, а именно:

1) желательно, чтобы начальники учебных заведений, гдѣ нѣтъ храмовъ, озаботились совмѣстно съ общественными учрежденіями устроить таковыя у себя, а гдѣ храмы имѣются, то приняла всѣ мѣры къ поддержанію въ нихъ возможно большаго благолѣпія привлеченіемъ учащихъ къ украшенію храмовъ, организаціей хорошихъ церковныхъ хоровъ, изысканіемъ средствъ на наемъ регентовъ и діаконовъ и надлежащей постановкой не только свѣтскаго, но и церковнаго пѣнія,—пряняли мѣры къ обязательному посѣщенію учащимися богослуженія и общихъ молитвъ и непремѣнному участию въ нихъ всѣхъ начальствующихъ и учащихъ.

2) Желательно, чтобы учащіеся и учащіяся тѣхъ училищъ, гдѣ нѣтъ своихъ храмовъ, впредь до устройства таковыхъ, были распределены для обязательнаго посѣщенія или приходскихъ или монастырскихъ храмовъ.

3) Желательно, чтобы въ тѣхъ училищахъ, гдѣ нѣтъ храмовъ, въ залахъ были устроены кіоты съ лампадами, предъ которыми во всѣ высокнторжественные дни должны быть обязательно совершаемы молебны, а гдѣ то окажется возможнымъ, и всенощныя бдѣнія.

4) Желательно, чтобы со стороны начальствующихъ и учащихъ было оказано самое широкое содѣйствіе къ организаціи для дѣтей религіозно нравственныхъ библиотекъ подъ руководствомъ законоучителей; къ организаціи паломничества къ святынямъ мѣстнымъ и общерусскимъ и ко включенію въ общеобразовательныя экскурсіи посѣщеніе также и святынь и поклоненіе имъ, къ устройству церковно-патріотическихъ вечеровъ, а такъ къ организаціи при училищахъ церковно-показательныхъ классовъ.

5) Желательно, чтобы въ интересахъ нравственнаго воздѣйствія на учащихъ преподаватели словесности широко освѣщали положительные типы въ рел.-нравственной области и наиболѣе цѣнные духовные мотивы; преподаватели исторіи шире развивали въ ней христіанскіе элементы, особенно въ отношеніи культурно-государственнаго значенія Церкви и выдающихся церковныхъ дѣятелей,—проповѣдниковъ, св. отцовъ и учителей, подвижниковъ,—напр., въ русской исторіи; преподаватели физики и естествовѣдѣнія въ освѣщеніи явленій теоріи эволюціонныя и дарвиновскую не выдавали за непреложныя истины, а справедливо

отмѣчали ихъ, какъ гипотезы, научныя лишь предположенія, и тѣмъ болѣе не дѣлали выводовъ, разрушительныхъ и вредныхъ для религіи.

6) Желательно, чтобы преподаватели этихъ предметовъ въ дружескихъ бесѣдахъ съ законоучителями обмѣнивались мнѣніями по принципиальнымъ вопросамъ преподаваемыхъ ими наукъ, соприкасающимся съ библейскимъ ученіемъ, и устанавливали одинаковую точку зрѣнія на нихъ, дабы не подрывать религіозныхъ вѣрованій дѣтей.

7) Желательно, чтобы педагогическіе совѣты съ особой внимательностью относились къ введенію новыхъ учебныхъ пособій, подвергали ихъ тщательному разбору со стороны преподавателей и законоучителей, дабы не проникали къ учащимся учебники антипатріотическаго направленія, какъ, напр., съ германофильскою тенденціей учебникъ средней исторіи Вульфюса,—и тенденціозно матеріалистическаго направленія—какъ, напр., учебникъ физической географіи извѣстнаго матеріалиста Лесгафта.

8) Желательно, чтобы въ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній было введено отдѣльное преподаваніе церковно-славянскаго языка, какъ это было раньше,—о чемъ и просить Окружное Начальство возбудить ходатайство предъ М. Н. Просвѣщенія.

9) Желательно, чтобы начальники и преподаватели среднихъ учебн. заведеній посѣщали законоучительскія собранія для взаимнаго обмѣна мнѣній и дружескаго соглашенія по вопросамъ религіозно нравственнаго образованія и воспитанія.

10) Съ своей стороны съѣздъ выражаетъ искреннее пожеланіе, чтобы о. о. законоучители старались установить самыя дружескія отношенія съ педагогами, какъ ихъ работники и собратья, и всячески заботились бы о поддержаніи съ ними мира, довѣрія и согласія, ибо только это и будетъ залогомъ общей дружной работы и успѣха взаимныхъ усилій, направленныхъ къ возвышенію религіозно-нравственнаго воспитанія подросткающаго поколѣнія.

Постановили: всецѣло принять пожеланіе комиссіи и довести о нихъ до свѣдѣнія Окружнаго Начальства.

IV. Слушали рефератъ свящ. Г. Артинскаго „о психикѣ учащихся по современной литературѣ“, основныя положенія

нія коего таковы: 1) опредѣленные типы учащихся даны въ литературѣ конца XIX в.; 2) 1904—5 г. г. дали культъ половой любви и 3) по произведеніямъ соврем. литературы въ жизни учащихся намѣчается новая заря, просвѣщеніе чрезъ свѣтъ, исходящій отъ религіи и Церкви.

При обсужденіи основоположеній реферата *свящ. В. Чернявскій* старался подчеркнуть ту мысль, что отмѣченныя референтомъ отрицательныя стороны въ жизни учащихся—единичныя, а потому судить по нимъ о настроеніи учащихся нельзя.

Высокопреосвященнѣйшій Предсѣдатель указалъ на то, что писатели даютъ типы, а не единичныя явленія, и что нельзя закрывать глаза на прогрессирующій упадокъ вѣры и благочестія какъ въ обществѣ, такъ и въ школѣ. Однако дѣло церковнаго учительства и школьнаго законоучительства должно проводиться съ сугубою ревностью по Апостолу: „да всяко нѣкія спасу“. Мы работаемъ не для общественнаго успѣха, а для вѣчности. И тѣмъ настойчивѣе должны стремиться пастыри-законоучители къ нравственному возрожденію учащихся, что революція 1905 года оставила тяжелое наслѣдіе нравственнаго разложенія въ русскомъ обществѣ.—

V. Нѣкоторыми о.о. законоучителями былъ поднятъ недоумѣнный вопросъ о томъ, какъ изъяснять учащимся 7-ю заповѣдь син. законодательства.

Высокопреосвященнѣйшій Предсѣдатель преподавалъ собранію о.о. законоучителей такія руководственныя указанія. О.о. законоучители, знакомя учениковъ безъ цинизма съ тѣмъ, какіе бываютъ грѣхи противъ 7-й зап. и каковы ихъ послѣдствія, должны совѣтовать ученикамъ избѣгать всего что можетъ повести къ нарушенію цѣломудреннаго теченія мыслей, особенно бояться вступить въ то посредствующее къ грѣховному дѣйствию настроеніе, послѣ котораго для порочнаго юноши уже неизбежно паденіе. Помысль его обманываетъ, внушая ему такъ: „самаго грѣха не совершай, но не откажи себѣ въ удовольствіи походить по улицѣ вечеромъ—среди продажныхъ женщинъ, напиться пьянымъ или хотя бы посмотрѣть на плодящихся противъ окна животныхъ или птицъ, на безнравственную картину на сценѣ кинематографа“. Кто желаетъ бороться съ блудомъ или тайнымъ порокомъ, пусть знаетъ, что эта борьба совершенно

невозможна, если взявшійся за нее будетъ позволять себѣ становиться на эти посредствующія ступени къ паденію. Послѣднее рѣдко возможно безъ первыхъ. Этотъ грѣхъ настолько отвратителенъ для нормальнаго настроенія души, что она можетъ рѣшиться на грѣховное паденіе только чрезъ то или иное одуряющее средство; но допустивъ послѣднее, не можетъ уклониться отъ перваго. Въ частности онанисты не должны оставаться наединѣ, засиживаться въ отхожемъ мѣстѣ, долго лежать въ постели; должны обращаться къ молитвѣ, каждое утро и каждый вечеръ повторять трижды, но не механически, молитву „сподоби, Господи, въ вечеръ (или утро) сей безъ грѣха сохранитися“ мнѣ... Дѣвочкамъ нужно говорить о необходимости бороться прежде всего съ грѣховными мыслями.

За разсмотрѣніемъ всѣхъ поднятыхъ участниками съѣзда вопросовъ, были повторены резолюціи собранія о. о. законоучителей по обсуждавшимся докладамъ и вопросамъ законоучительской практики.

Предварительно закрытія съѣзда, о. о. законоучителями выражено было пожеланіе объ организаціи, по инициативѣ Высокопреосвященнѣйшаго Владыки и Окружнаго Начальства, окружнаго законоучительскаго съѣзда, съ привлеченіемъ возможно большаго числа участниковъ въ немъ.

Преподавъ каждому участнику съѣзда въ отдѣльности святительское благословеніе, Владыка объявилъ съѣздъ закрытымъ. Общее собраніе закончилось пѣніемъ задостойника праздника Рождества Христова.



Отъ Харьковскаго създа о.о. законоучителей свѣтской средней школы.

Къ родителямъ учащихся воззваніе.

Когда люди становятся глухими къ звону благовѣста церковнаго, Тогда раздается всепотрясающій громъ войны. Таковъ законъ исторіи всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, дѣйствіе котораго мы видимъ и нынѣ: на нашихъ глазахъ судъ Божій совершается надъ нашимъ поколѣніемъ въ ужасахъ непримѣрной войны, когда отъ грома орудій содрогается земля; отъ зарева пожаровъ краснѣетъ небо, какъ-бы стыдась дѣлъ человѣческихъ; изъ труповъ вырастаютъ новыя горы; изъ крови человѣческой образуются новые потоки.

Отцы и матери! Въ вашихъ рукахъ будущее нашего отечества, въ вашихъ рукахъ опора нашего роднаго народа—милыя, дорогія дѣти, которыхъ вы любите, несомнѣнно, болѣе всего и которымъ, несомнѣнно же, желаете всего наилучшаго. И дай Богъ, чтобы ваша любовь къ дѣтямъ умножалась и крѣпла, ибо въ любви—великая міровая сила: въ ней радость личная; въ ней опора благополучія общественнаго; въ ней залогъ жизни и расцвѣта отечества. Но избави Богъ, если эта сила—любовь получить ложное направленіе! Тогда подрываются корни жизни; тогда „вмѣсто хлѣба вы даете дѣтямъ камень, вмѣсто рыбы—змію“. А они—невинныя—по довѣрію принимаютъ такой даръ ложно направленной любви и... погибаютъ духовно, а черезъ это и тѣлесно. Присмотритесь же къ своимъ отношеніямъ къ дѣтямъ и поразмыслите надъ своей любовью къ нимъ—что даетъ она имъ, жизнь или смерть? Вы любите своихъ дѣтей и заботитесь объ ихъ благополучіи. Но какое благополучіе выше—внѣшнее или внутреннее, тѣлесное или духовное?... А между тѣмъ при исключительномъ почти вниманіи къ благополучію внѣшнему такъ мало заботы о духовной жизни дѣтей. Вы любите своихъ дѣтей и заботитесь объ ихъ одеждѣ, питаніи, здоровьѣ тѣлесномъ. Но въ достаточной-ли мѣрѣ и степени прилагаете попеченія о здоровьѣ духовномъ, источникомъ котораго всегда была и есть живая и сердечная

вѣра въ Бога? Вы любите своихъ дѣтей и хотите быть для нихъ образцомъ въ лучшихъ сторонахъ и проявленіяхъ человѣческой жизни; но всегда-ли подаете имъ добрый примѣръ въ наилучшей и наивысшей области—въ вѣрѣ и благочестіи? Вѣдь не равнодушны вы къ тому, что ѣсть и пить вашъ сынъ или дочь; тѣмъ болѣе можетъ-ли быть равнодушіе къ первоисточнику духовной пищи вашихъ дѣтей—въ вѣрѣ и молитвѣ? Для васъ не безразлично мѣсто и общество, окружающія вашего сына или дочь; можно-ли быть безразличнымъ и равнодушнымъ къ мѣсту наивысшей чистоты, любви, вѣры, надежды на Бога—къ храму Божію, гдѣ молящійся пребываетъ въ обществѣ святыхъ подвижниковъ—праведниковъ, въ возвышеннѣйшемъ настроеніи духа чрезъ богослужебныя молитвословія и пѣснопѣнія?

Нынѣ много говорятъ о необходимости нравственнаго воспитанія юнаго поколѣнія, жалуются на раннюю потерю дѣтьми чувства скромности и стыдливости, на оскудѣніе идеализма и на преждевременное загрязненіе дѣтской души. Печальный, каждодневный фактъ! Но вѣдь если нѣтъ въ душѣ вѣры въ Бога, откуда возьмется и нравственность? Если правда для меня не святыня сама по себѣ, если нѣтъ у меня увѣренности, что Богъ есть истина, то зачѣмъ мнѣ держаться правды и избѣгать лжи; вѣдь лгать выгоднѣе въ жизни? Почему мнѣ предпочитать добро злу, различать то, что грѣхъ, отъ того, что не грѣшно, если грѣховное пріятно, а злое часто кажется очень полезнымъ? Если забывъ храмъ и бросивъ домашнюю молитву, я не вхожу въ живое общеніе съ Тѣмъ, Кто есть „путь, истина и жизнь“, кто есть „свѣтъ міру“, если я не чувствую, что все возвышенное для меня обязательно, что оно есть въ сущности внутренней законъ моей жизни, тогда для меня становится хорошо все то, что естественно. И до этого ужаснаго вывода часто доходятъ наши дѣти! Да и какъ имъ не дойти до этого, когда подчасъ всѣмъ строимъ жизни они воспитываются именно въ этомъ направленіи? вмѣсто того, чтобы смотрѣть на жизнь, какъ на подвигъ самопожертвованія, имъ нерѣдко внушаютъ и словомъ и дѣломъ, что жизнь есть поприще для завоеванія каждымъ личнаго счастья; дьявольскую гордыню называютъ благородною; христіанское смиреніе и всепрощеніе называютъ малодушіемъ и трусостью, а въ качествѣ всеполезнаго средства указываютъ на театр! Не ис-

куство мы отрицаемъ или осуждаемъ—нѣтъ, а съ рѣшительностью подчеркиваемъ лишь то направленіе современнаго театральнаго искусства, въ которомъ преобладаютъ надъ всѣмъ страсти въ нечистоплотной обстановкѣ мелочныхъ жизненныхъ дрязгъ, грязи и пошлости. Не о лишеніи дѣтей и удовольствій мы говоримъ, а указываемъ только на великую опасность безъ разбору развлекать дѣтей тѣмъ, что имъ нравится, и тѣмъ болѣе—воспитывать въ этомъ направленіи. Не забывайте, что прежде въ человѣкѣ пробуждаются страсти, и онѣ болѣе всего просятъ пищи себѣ, и это бываетъ именно въ періодъ дѣтскаго формировація. Вы не даете ребенку огня, чтобы онъ не обжегъ себя, не заболѣлъ; берегите же вашихъ взрослыхъ дѣтей отъ огня и страстей, которыя могутъ спалить всю ихъ душу! Къ тому же, дѣтство—періодъ формировація, собиранія сѣмянъ умственнаго и духовнаго богатства, погоня же за удовольствіями разсѣваетъ, опустошаетъ душу.

Отцы и матери! Не отъ того-ли многія ваши дѣти такъ блѣдны, такъ хилы, въ 18 лѣтъ скучаютъ жизнью, а въ 20 лѣтъ нерѣдко теряютъ зубы, что мы такъ рано бросаемъ ихъ въ водоворотъ жизни? Мы тщательно наблюдаемъ за гигиеной комнатъ дѣтскихъ, но преступно не обращаемъ вниманія на гигиену окружающей дѣтей духовной атмосферы; отъ этого слабы они выходятъ душой и нездоровы тѣломъ. Юность—пора идеализма, избытка силъ, а въ нашихъ рукахъ—дать направленіе этимъ силамъ; и въ этомъ нашъ долгъ предъ Богомъ и родиной, въ этомъ задача нашей жизни! Нынѣ всколыхнулись основы народной жизни, открылось многое, что ранѣе скрыто было въ глубинѣ,—нынѣ отцы и дѣти увидѣли себя съ новой стороны, со стороны вѣчныхъ началъ и задачъ жизни, которыя для дѣтей открылись въ окопахъ, а для отцовъ—при проводѣ дѣтей въ окопы. Да не пройдетъ же это время мимо насъ безслѣдно!

Да отрезвится и просвѣтится наша любовь къ дѣтямъ—во Славу Бога, Христа Спасителя, дѣтей къ Себѣ призывающаго, на пользу нашего возрождающагося отечества!

Предсѣдатель съѣзда, Архіепископъ *Антоній*.

Секретарь, священникъ *І. Артинскій*.

И. М. Гальковскій.

Борьба христіанства съ остатками язычества ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Томъ I. Цѣна 2 р. 50 к.

Томъ II. Древне-русскія слова и поученія,
направленныя противъ остатковъ язы-
чества въ народѣ. Цѣна 3 р. 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: въ книжномъ магазинѣ Суворина, Харь-
ковъ, Николаевская площ.; у автора—г. Лебединъ, Харьк. г.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РЪЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за 8 книгъ 8 рублей съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспоможенія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.

Редакція предлагаетъ издателямъ присылать ей вновь выходящія книги для отзыва въ библиографическомъ отдѣлѣ журнала.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ Г.Г. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИНОВЪ.

Адреса лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено. Редакція проситъ доставлять ей свои статьи переписанными на ремингтоновой машинѣ и, по возможности, четкими на одной сторонѣ полулиста. Рукописи, написанныя неразборчиво, прочитываться не будутъ.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами. На просмотръ полученныхъ рукописей Редакція назначаетъ срокъ до 3-хъ мѣсяцевъ и **не позже** этого извѣщаетъ авторовъ о судьбѣ ихъ рукописей.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ **приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы** о томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакція **не позже**, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: **въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.**

Контора редакціи ж. «В. и Р.» открыта ежедневно отъ 10-ти до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы:	Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексій Юшковъ. Магистръ богословія П. Ш. Красиль.
I. Богословско-философскаго журнала.	
II. Журнала „Пастырь и Паства“.	Архимандритъ Митрофанъ.